Покровский

Александр Петрович

Сумароков

Цѣна 40 коп.

Александръ Петровичъ
СУМАРОКОВЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

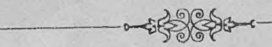
Сборникъ историко-литературныхъ статей.

СОСТАВИЛЪ

В. Покровскій.

Изданіе 2-е, дополненное.

Цѣна 40 коп.

МОСКВА.
Складъ въ книжномъ магазинѣ В. СПИРИДОНОВА и А. МИХАЙЛОВА.
Тверская, Столешниковъ пер., д. Ліанозова. Телеф. 120-95.
1911.

Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Воздвиженка, Крестовоздвижен. пер., д. 9.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во второмъ изданіи помѣщены слѣдующія новыя статьи: Общій обзоръ литературной дѣятельности Сумарокова, *Булича*. — Содержаніе трагедіи Сумарокова «Хоревъ» и ея ложноклассическій строй, *Житецкаго*. — Трагедіи Сумарокова, *Порфирьева*. — Комедіи Сумарокова и ихъ бытовой характеръ, *Соловьева*. — А. П. Сумароковъ и слезная комедія, *Варнеке*. — Театральная публика времени Сумарокова, *Майкова*. — Взглядъ Сумарокова на свои литературныя занятія, *Сумарокова*.

В. Покровскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Духъ времени, когда родился и воспитывался Сумароковъ.

Чтобы оцѣнить дѣятельность и знаніе писателя, необходимо опредѣлить тотъ вѣкъ, когда онъ жилъ, ту среду, гдѣ онъ трудился, гѣ насущныя общественныя потребности, которыя вызывали его дѣятельность. Безъ всего этого, сколько бы мы ни говорили о сочиненіяхъ, о характерѣ, о личности писателя, онъ все-таки будетъ для насъ лицомъ болѣе отвлеченнымъ, не отпечатлѣется въ нашемъ воображеніи рѣзкими, отличительными чертами своей физіономіи и не останется жить тамъ, какъ лицо живое. На каждаго человѣка вѣетъ духъ его времени; имъ наполнена та атмосфера, которою онъ дышитъ, и устранить себя отъ его вліянія онъ не можетъ такъ же, какъ не можетъ отказаться отъ дыханія. Духъ времени дѣлается частью его души, даетъ направленіе его врожденнымъ способностямъ, образовываетъ его черты, вырабатываетъ его личность, словомъ, дѣйствуетъ на него такъ, какъ климатъ на растеніе. Духъ времени, когда родился и воспитывался Сумароковъ, былъ еще духъ Петра Великаго. Преобразованіе совершалось быстро и прочно: мысль Петра ложилась въ основаніе русской общественности, которая, повидимому, стала терять свой народный характеръ. Русская народность въ своихъ прежнихъ формахъ притаилась въ низшемъ классѣ народа, осужденная за свою исключительность, заклейменная словомъ «невѣжество». Отъ нея какъ бы совершенно оторвалась передовая, правительственная часть народа, принявъ европейскую наружность въ формахъ всѣхъ европейскихъ народностей. Это-то европейское должно было у насъ выражать общечеловѣческое, котораго недоставало нашей народности, но недоставало не искони, а съ того времени, какъ она благодаря татарамъ перестала обновляться новою, живою мыслію. Въ долгой борьбѣ съ татарами и католиками, защищая свое православіе, народъ привыкъ смотрѣть на это дѣло какъ на дѣло народное, что было и справедливо; но съ этимъ вмѣстѣ онъ сталъ считать все народное, русское православнымъ, и все неправославное и нерусское еретическимъ. Черезъ это самое всѣ недостатки, которыхъ не могла оправдать разумность, всѣ случайности народной жизни,

всѣ старыя формы, которыя съ народнымъ развитіемъ обыкновенно измѣняются и обновляются, — все получило видъ чего-то неприкосновеннаго, священнаго. Конечно, православіе чуждо этой закоснѣлости: оно никогда не стѣсняло народнаго развитія; но вслѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ народъ выжилъ себѣ такой взглядъ на свою народность, что дальнѣйшее самобытное ея развитіе стало невозможно: она не успѣла выработать себѣ сознаніе идеи государственнаго и общественнаго образованія, идеи общечеловѣческаго, которое оживляетъ и одушевляетъ народность и даетъ ей крѣпкія силы для развитія; и вотъ она должна была потерять всякое стремленіе впередъ и, вращаясь въ своихъ исключительныхъ формахъ, еще не оправданныхъ разумностью, должна бъ была подъ конецъ дойти до китаизма. Этимъ не хочу сказать, что въ ней не было ничего хорошаго, что только варварство и невѣжество были отличительными ея чертами; напротивъ, основныя ея начала были прекрасны и произвели много прекраснаго, и если бы не несчастное XIII и слѣдующія столѣтія, изъ нихъ само-собою вырабатывалось бы сознаніе идеи общечеловѣческаго. Но такъ не случилось: въ тѣ тяжелые вѣка народныя силы незамѣтно были опутаны ложными и исключительными взглядами, многими наростами, которые лишали ихъ средства очиститься разумнымъ образованіемъ. Для этого-то очищенія и необходимо было внести уже извнѣ идеи общечеловѣческаго, которыя выработали себѣ другіе народы при лучшихъ условіяхъ. Но эти идеи живутъ и развиваются неотвлеченно, а въ опредѣленныхъ формахъ; ихъ-то и стала переносить мощная рука Петра Великаго на новую землю, иначе Петръ не могъ и сдѣлать; но онъ не увлекался одною чьей-нибудь народностью, а бралъ у всѣхъ, даже у своихъ враговъ то, что, по его мнѣнію, было разумно — этимъ-то онъ и упрочилъ свое дѣло, показавъ, что дѣйствовалъ не по одному увлеченію, а вполнѣ сознательно. Во всемъ этомъ былъ не произволъ одного человѣка; нѣтъ, мы находимъ тутъ существенную необходимость, на которую указываетъ и предыдущее и послѣдующее время. Ее предугадывали еще прежде Петра нѣкоторыя правительственныя лица и почти цѣлое столѣтіе подготовляли Россію къ великому перевороту. Наконецъ, онъ совершился съ большими усиліями. Впереди стало сознанно-разумное европейское; съ нимъ перешли и нѣкоторыя мелочи, случайности, не составляющія существенной необходимости для разумной жизни и, можетъ быть, даже служили Петру пособіемъ для его дѣла. Не станемъ на этомъ останавливаться и пойдемъ далѣе. Русская народность, уединившись въ низшемъ сословіи народа, осталась неподвижною въ своихъ старыхъ формахъ. Мысль же Петра Великаго была вполнѣ сознана въ слѣдующихъ поколѣніяхъ черезъ науку, которая явилась слѣдствіемъ преобразованія, какъ потребность новой жизни. Новые люди со своимъ благимъ сознаніемъ сдѣлались передовыми людьми въ общественной жизни, и съ каждымъ поколѣніемъ число

ихъ значительно увеличивалось. Они-то, первые постигнувъ идею общечеловѣческаго, первые стали постигать и достоинство народности, безъ которой, какъ бы предугадывали, не плодотворно самое общечеловѣческое; безъ нея оно является отвлеченно и не переходитъ въ дѣло народное. И вотъ настало время постепенно сближать эти два начала, сперва такъ враждебно ставшія одинъ противъ другого. Въ этомъ-то сближеніи русская народность стала разумно оправдываться въ своихъ прекрасныхъ коренныхъ началахъ и очищаться судомъ мысли общечеловѣческой отъ всего, что противорѣчитъ разумности. Въ началѣ униженная и обезславленная, она, накопецъ, сдѣлалась предметомъ изученія и науки и получила полное гражданство въ нашей разумной жизни. Конечно, на все это нужно было много времени, и дѣйствительно, хотя прошло болѣе столѣтія, но мы еще не можемъ сказать, что дѣло кончено. Настало теперь время опереться намъ на свою крѣпкую народность, одушевленную общечеловѣческимъ началомъ, и провѣрить все, что въ это время мы заняли у Европы, всѣ ея идеи, которыя принимали съ увлеченіемъ, провѣрить со своей точки зрѣнія, и посмотрѣть, что принять и чего не принять изъ нихъ въ основаніе нашего дальнѣйшаго самостоятельнаго народнаго развитія. Надо признаться: трудъ весьма не легкій, и много времени на него потребуется; но зато тогда мы вполнѣ опредѣлимъ себя, выработаемъ себѣ направленіе и въ формахъ своей народности будемъ служить не однимъ себѣ, а всему человѣчеству. Весь этотъ путь нашего образованія намъ необходимо было обозначить, чтобы яснѣе опредѣлить дѣятельность одного изъ нашихъ писателей, которые всегда были тамъ передовыми людьми.

Естественно, мысль Петра Великаго не могла также зрѣло отразиться въ большинствѣ людей, которыхъ коснулось преобразованіе и которыхъ мы будемъ разумѣть подъ именемъ общества; только очень немногіе сумѣли понять эту мысль, какъ слѣдуетъ, провидѣть въ ней благодѣтельныя слѣдствія и поддержать ее послѣ смерти преобразователя, чтобы передать своимъ дѣтямъ. Большинство же, принужденное воспитывать новое поколѣніе въ европейскихъ формахъ, не было убѣждено въ добрыхъ плодахъ этого воспитанія, и потому само не сумѣло прояснить своимъ юношамъ зрѣлой мысли Петра, что очень естественно: формы, въ которыхъ выразилась эта мысль, слишкомъ противорѣчили старой русской жизни, многимъ старымъ понятіямъ и взглядамъ. Винить такихъ людей нельзя, какъ нельзя требовать геніальности отъ всѣхъ людей. Это было необходимое историческое явленіе. Оно произвело и другое, столь же неизбѣжное. Новое поколѣніе должно было увлечься внѣшнимъ блескомъ европейской жизни и не въ силахъ было выразумѣть ея разумнаго содержанія, которое осталось ему совершенно чуждо. И вотъ оно съ какимъ-то увлеченіемъ погналось за одной внѣшностью до того, что стало презрительно смотрѣть на все, что не носило этого лоску, что не было облечено въ тѣ формы: оно даже стало забы-

вать свой языкъ, промѣнявъ его на чужой, который, наконецъ, сдѣлался ему какъ бы роднымъ языкомъ. Явленіе странное съ перваго взгляда: отцы недовѣрчиво смотрѣли на все иностранное, и чуть не со слезами разставались со своими бородами и русскими кафтанами; дѣти сдѣлались почти иностранцами и съ пренебреженіемъ смотрѣли на все русское. Такъ одна крайность рождаетъ другую — самое обыкновенное историческое явленіе, которое часто повторяется въ исторіи человѣчества. Такимъ образомъ, связь этого вновь образованнаго поколѣнія со старымъ русскимъ бытомъ совершенно нарушалась, но она не могла и не нарушиться, когда значеніе въ обществѣ получалъ только человѣкъ, преобразованный своею внѣшностью. Разумѣется, съ внѣшнимъ лоскомъ и блескомъ европейской жизни всего скорѣе перешли въ общество, внезапно сдѣлавшееся по наружности европейскимъ, и всѣ недостатки и пороки той жизни и наполнили пустоту, какая должна была явиться за отсутствіемъ европейскаго содержанія. Съ другой стороны, та часть общества, которая еще не успѣла просвѣтиться европейскимъ блескомъ, ограниченная въ своихъ средствахъ, принявъ по служебной необходимости нѣкоторыя новыя формы, придерживалась въ частной жизни еще старыхъ и не рѣшалась вдругъ оторваться отъ нихъ, потому что воспиталась еще по старымъ преданіямъ и строго чтила всѣ завѣты отцовъ. Но и эта жизнь не предъявляетъ разумнаго содержанія: въ ней убѣжденія были основаны на предразсудкахъ, на ограниченныхъ даже враждебныхъ взглядахъ на просвѣщеніе. Сюда перешли и старые пороки, какъ общественные такъ и семейные, связанные съ невѣжественнымъ состояніемъ. Лихоимство, взяточничество, ябеда, соединенныя съ безграмотностью, проторили себѣ тропинки и въ новыхъ формахъ, хотя и были лишены всякой законности; барская спесь продолжала кичиться и не хотѣла уступить мѣсто труду и наукѣ, которымъ Петръ Великій открылъ дорогу къ почестямъ. Интересы личные еще слишкомъ выдвигались впередъ передъ интересами общественными и не хотѣли имъ подчиняться. Преобразованіе послужило во вредъ личнымъ интересамъ многихъ, и вотъ они ставятъ себя во враждебное положеніе къ новизнѣ. Такимъ образомъ, въ обществѣ являются тѣ разнообразные типы, которые такъ ярко представлены въ сатирахъ Кантемира и которые такъ возмущали его. Не даромъ же лучшіе русскіе люди, какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ и ему подобные, съ такимъ дружелюбнымъ привѣтствіемъ встрѣтили труды нашего перваго сатирика. Но этихъ лучшихъ людей, проникнутыхъ мыслію Петра, было не много. Что же имъ оставалось дѣлать, какія представить средства, чтобы дать обществу разумное направленіе? Конечно доброе, тщательное воспитаніе лучше всего можетъ приготовить обществу благородномыслящихъ и дѣятельныхъ членовъ. Но для того времени употребить это средство было не такъ легко, какъ кажется съ перваго взгляда въ наше время. Правильное воспитаніе должно имѣть свои основы, разумно сознанныя, которыя

вырабатываются исторически послѣ многихъ и долгихъ опытовъ, что намъ доказала наша собственная жизнь въ эти два послѣднія столѣтія. Иноземное воспитаніе дѣлало изъ насъ не русскихъ, а иностранцевъ, по большей части, пустыхъ и вѣтреныхъ, слѣдственно безполезныхъ, иногда даже и вредныхъ; другого же воспитанія мы не могли принять, потому что не знали, на чемъ основать его. Опредѣлить кругъ наукъ, какими долженъ заниматься юноша, еще слишкомъ мало для истиннаго и благотворнаго воспитанія. Къ тому должно присоединить много другихъ важныхъ условій, чтобы образовать человѣка, гражданина, дѣятельнаго и добросовѣстнаго слугу отечества. Такимъ образомъ въ то время нужно было еще только прояснять идею воспитанія, для чего необходимы были опытные русскіе наставники; а ихъ не было ни одного. Выписные иностранцы, даже и хорошіе, тутъ могли помочь очень немного. Если уже во время позднѣйшее, при всемъ стараніи правительства, долго не могло у насъ установиться основательное и вѣрное воспитаніе, если даже въ наше время у родителей, непонимающихъ истиннаго воспитанія, дѣти часто выходятъ пустыми и жалкими существами, хотя ихъ и учатъ всему тому, чему и прочихъ; то что же могло быть въ то время. Только немногіе, одаренные свѣтлымъ умомъ и твердымъ характеромъ, сами воспитали себя, найдя опору въ собственныхъ размышленіяхъ, но уже въ такія лѣта, когда другіе давно перестали учиться. Въ то время даже самая наука еще не получила полнаго права гражданства въ сознаніи большинства, хотя на нее и падалъ главный трудъ прояснять идеи, очищать понятія, устранять ложные взгляды. Эту важность науки прекрасно выразумѣлъ Петръ Великій; она и должна была въ то время начать трудъ свой, но трудъ серіозный, медленный, который и не могъ имѣть сильнаго, видимаго и быстраго вліянія на большинство тогдашняго общества. Несмотря на все это, мысль Петра отразилась въ геніальной душѣ Ломоносова, какъ дѣятеля науки. Онъ понималъ лучше всѣхъ, что все благосостояніе Россіи, вся ея слава, честь и счастіе зависятъ единственно отъ науки, безъ которой у нея не можетъ быть будущности; въ этомъ онъ былъ убѣжденъ до того, что вдохновился своимъ убѣжденіемъ, что сталъ поэтомъ науки, и дѣйствительно положилъ ей прочное основаніе. Его нельзя разсматривать какъ поэта и какъ ученаго порознь, что дѣлаютъ многіе, нѣтъ, онъ вездѣ является вмѣстѣ и поэтъ и ученый, вездѣ проникнутый одною и тою же мыслію. И зато какой глубокій и вдохновенный взглядъ у него на науку, сколько высокой поэзіи въ этомъ взглядѣ! Всю свою дѣятельную жизнь онъ боролся для науки и за науку, страдалъ и трудился, но не какъ простой труженикъ, а какъ вдохновенный художникъ, создавшій себѣ планъ великолѣпнаго зданія и стремившійся положить ему хотя основаніе. И дѣйствительно, это основаніе было положено въ университетѣ, учрежденномъ по его мысли и соображеніямъ: здѣсь онъ нашелъ пріютъ наукѣ, источникъ обра-

зованію. Ломоносовъ хорошо понималъ, какъ сильно и важно живое слово въ дѣлѣ общественнаго развитія, въ дѣлѣ науки, и вотъ его грамматика и реторика явились на помощь всѣмъ, кто хотѣлъ дѣйствовать этимъ словомъ съ нимъ вмѣстѣ. Но по самому характеру своихъ занятій, по важности своихъ трудовъ онъ не могъ быть близкимъ посредникомъ между современнымъ обществомъ и образованіемъ, несмотря на всю свою геніальность. Занятый своими высокими идеями и стремясь осуществить ихъ, онъ не могъ въ то же время спускаться къ толпѣ и направлять ее на путь истинный. Онъ творилъ прочно и зналъ, что плоды его трудовъ принесутъ всѣмъ пользу и благодѣяніе; но они не вдругъ могли вырости и созрѣть— онъ творилъ болѣе для потомства, чѣмъ для современности. Труды его требовали уединенной жизни, вдали отъ шума толпы и отъ всѣхъ ея ухищреній, слѣдственно, посредничество тутъ было невозможно. А между тѣмъ и на толпу, т.-е. на большинство членовъ общества необходимо было дѣйствовать живымъ словомъ, какъ единственнымъ средствомъ, которое сколько-нибудь могло замѣнить правильное воспитаніе и указать разумное направленіе; нужно было привести въ ея собственное сознаніе ея пороки и недостатки, чтобы хоть сколько-нибудь предохранить отъ нихъ слѣдующее поколѣніе. Необходимая потребность этого времени была прояснять въ обществѣ идею истиннаго образованія, оправдывать мысль и цѣли Петра. Тутъ нуженъ былъ уже другой посредникъ. Вотъ онъ-то и явится въ лицѣ Сумарокова.

Не легко было вступить на это поприще; оно было у насъ совершенно ново. Только немногіе знали изъ европейской жизни, что есть поприще писателя, литератора, что оно почтенно, и готовы были съ радостью дать въ своей средѣ законное мѣсто новымъ дѣятелямъ; большинство же еще не понимало званія писателя. До сихъ поръ у насъ дѣйствовали словомъ только служители церкви, и ихъ, дѣйствительно, уважали; но въ народномъ мнѣніи они были проповѣдниками, а не писателями; званіе писателя у нихъ скрывалось въ званіи лица духовнаго; они были посредниками между массою народа и вѣрою. Естественно, что свѣтскій писатель не могъ принять такой же характеръ и явиться передъ обществомъ съ такимъ же значеніемъ: другія стороны жизни, на которыя онъ долженъ былъ дѣйствовать, не давали ему права въ общественномъ мнѣніи стать на ряду съ духовными лицами, хотя слово его было слово человѣка-христіанина, хотя взглядъ былъ христіанскій, стремленіе и цѣли — очистить и облагородить жизнь по идеалу человѣка, созданному тою же святою вѣрою. Конечно, у насъ и прежде ходили рукописи съ содержаніемъ мірскимъ или свѣтскимъ, и многія изъ нихъ любили читать наши предки, и даже охотно переписывали. Но эти сочиненія, удовлетворяя любознательности, не имѣли близкаго и прямого отношенія къ современной жизни; въ нихъ не выказывалась личность писателя; подъ ними даже не было подписано его

имени, и каждый, читая ихъ, не думалъ справляться, кѣмъ и когда онѣ написаны: онъ доволенъ былъ тѣмъ, что прочитанныя страницы дали пищу его воображенію или удовлетворили его любознательности. За книги же духовныя онъ принимался съ душеспасительной цѣлію. Здѣсь святость содержанія заслоняли личность писателя. Совсѣмъ въ другомъ положеніи и освѣщеніи долженъ былъ явиться свѣтскій писатель. Дѣйствуя словомъ, устремляя его къ своей современности, онъ ничѣмъ не могъ прикрыть свою личность. Необлеченный никакою видимою властью, ни духовною, ни гражданскою, онъ предъявлялъ новое званіе, лишь только возвышалъ голосъ посреди своихъ гражданъ. А не легко было добиться — пріобрѣсти этому званію право гражданства тамъ, гдѣ значеніе распредѣлялось по степенямъ службы и родословія. Правда, Петръ Великій открылъ широкое поприще труду и безкорыстной службѣ отечеству; но въ сознаніи большинства, даже людей правительственныхъ послѣ Петра, трудъ мысли не входилъ въ число трудовъ, живое слово истины и изящнаго не считалось за службу отечеству. Такимъ образомъ въ этомъ обществѣ писатель долженъ былъ завоевать право гражданства своему званію — трудъ не легкій, требовавшій борьбы и многихъ усилій. Не вдругъ могли согласиться дать новому званію законное мѣсто, если оно не предъявляло своихъ родословныхъ и чиновныхъ правъ, или капиталовъ, которые можно переложить на рубли; не вдругъ могли понять достоинство этого званія, если его нельзя было вмѣстить въ общую іерархію чиновъ и званій, если оно должно было стать отдѣльно и независимо отъ всѣхъ прочихъ, если, наконецъ, имѣло притязаніе дѣйствовать на всѣхъ мыслію и словомъ, и слѣдственно требовало себѣ высшаго мѣста. Такимъ образомъ борьба должна была начаться непремѣнно. Тредьяковскій съ перваго шага сдѣлался ея жалкою жертвою. Онъ не могъ даже продолжать борьбы, потому что противопоставлена ему была матеріальная сила, которая унизила и обезславила его. Съ блестящими надеждами, съ большими свѣдѣніями возвратился онъ изъ Парижа въ свое отечество: онъ думалъ трудиться на поприщѣ писателя и ученаго. Но ему не пришла мысль сообразить, что Россія была не Франція, гдѣ за каждый удачный стишокъ растворялись автору двери лучшихъ гостиныхъ, гдѣ поприще писателя было въ почетѣ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ французскимъ понятіемъ о писателѣ, и думалъ торжествовать, сдѣлавшимъ придворнымъ стихотворцемъ, но страшно ошибся, не понявъ своего положенія. Въ Россіи писателю пока не было законнаго мѣста, а стихотворецъ нуженъ былъ только для фейерверковъ и праздниковъ, и вотъ онъ явился не въ боярскихъ гостиныхъ, а въ переднихъ съ раззолоченной челядью. Кому неизвѣстно, какъ онъ въ званіи писателя пострадалъ отъ свирѣпаго Волынскаго. У него не нашлось даже покровителя, который вступился бы за него. Правда, впослѣдствіи, когда нужно было осудить Волынскаго, въ число преступленій былъ внесенъ его поступокъ

съ Тредьяковскимъ, но обвиняли не за то, что онъ безжалостно билъ бѣднаго стихотворца, а за то, что осмѣлился его бить въ покояхъ герцога Бирона. Фактъ этотъ ясно выказываетъ тогдашнее положеніе писателя. Здѣсь не мѣсто разгадывать, могъ ли Тредьяковскій имѣть большее значеніе при обстоятельствахъ болѣе благопріятныхъ; но кто можетъ утверждать, что такія стычки не убили въ немъ бодрости духа и энергіи въ трудѣ, необходимыхъ для писателя. Ломоносова самый образъ занятій удалялъ отъ общества; онъ хлопоталъ только о наукѣ, нисколько не думая выставлять себя какъ литератора; къ тому же у него былъ сильный образованный покровитель; но и тутъ ему случалось чувствовать лично, что званіе писателя еще не было признано въ обществѣ и стоитъ на ряду съ званіями заштатными — комедіянтовъ, шутовъ, людей, созданныхъ на потѣху рода человѣческаго. Все это показываетъ, сколько столкновеній долженъ былъ встрѣтить тотъ писатель, который сознавая свое назначеніе и не стѣсняясь ничѣмъ, первый сталъ разъяснять обществу идею истиннаго образованія, первый явился явнымъ врагомъ всѣхъ общественныхъ недостатковъ и пороковъ, первый сталъ открыто говорить о почетномъ званіи писателя и требовать себѣ, какъ писателю, уваженія. Такой трудъ выпалъ на долю Сумаркова, онъ дѣйствительно долженъ былъ завоевывать писателю право гражданства, и если мы не можемъ сказать, что онъ сошелъ съ поля битвы совершеннымъ побѣдителемъ, то, по крайней мѣрѣ, должны признать въ немъ много силъ, которыя не были истрачены даромъ.

Стоюнинъ.

Сумароковъ — сынъ своего вѣка.

> Гдѣ я ни буду жить, въ Москвѣ, въ лѣсу
> иль въ полѣ,
> Богатъ или убогъ, терпѣть не буду болѣ
> Безъ обличенія презрительныхъ вещей...
>
> *Соч. Сумар. VII т. 354 стран.*

Сильное литературное движеніе, возникшее въ Россіи, какъ непосредственный результатъ реформъ Петра Великаго, въ концѣ первой половины XVIII вѣка, выразилось, преимущественно, въ двухъ формахъ — лирической и сатирической. Какъ та, такъ и другая форма тогдашнихъ литературныхъ произведеній, какъ и слѣдовало ожидать, подверглись прямому вліянію господствовавшаго тогда въ западной Европѣ ложноклассическаго направленія и вслѣдствіе этого получили всѣ отличительные признаки послѣдняго. Но болѣе всего пострадала, благодаря вліянію ложноклассицизма, русская лирика. Изъ области непосредственнаго поэтическаго чувства она перешла въ область искусственности, сочиненности и, лишившись главной своей основы, —

правдоподобнаго изображенія жизни, потеряла значеніе поэтическаго литературнаго произведенія. Сатира же, уже по существу своему долженствовавшая стоять въ тѣсной связи съ жизнью, подчинилась вліянію ложноклассицизма только съ внѣшней, формальной стороны и потому несравненно болѣе лирики отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, которыя обыкновенно прилагаются къ литературнымъ произведеніямъ. Этимъ можно объяснить то вліяніе и тотъ необыкновенный успѣхъ, которымъ пользовались въ обществѣ русскіе сатирическіе писатели XVIII в., успѣхъ, дѣлавшій возможнымъ не только уравненіе въ глазахъ современниковъ геніальнаго, «всеобъемлющаго» Ломоносова и талантливаго сатирика Сумарокова, но даже часто предпочтеніе послѣдняго первому.

Главнымъ типическимъ представителемъ русской сатирической литературы прошлаго столѣтія былъ А. П. Сумароковъ. Онъ писалъ во всѣхъ родахъ словесности, прозаическихъ и поэтическихъ, но болѣе всего способствовали громкой его литературной славѣ тѣ сочиненія, въ которыхъ господствовалъ сатирическій элементъ. Только въ такихъ сочиненіяхъ вполнѣ обнаружился его живой непосредственный талантъ, въ другихъ въ большинствѣ случаяхъ связанный по рукамъ и ногамъ условными требованіями иностранныхъ образцовъ. Можно даже сказать, что міръ «обличенія презрительныхъ вещей» былъ вполнѣ родственной ему сферой, прямо истекалъ изъ его души, изъ его характера и жизни. Онъ былъ необходимъ для него, для его натуры, которая вся цѣликомъ вылилась въ этихъ страстныхъ репликахъ противъ безобразій существовавшаго тогда порядка вещей. Этихъ непосредственныхъ требованій его натуры ничто не могло остановить, даже личныя непріятности и бѣды. «Пускай», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

...злодѣйствуетъ безсмертный мнѣ кащей,
Пускай кащеиха совсѣмъ меня ограбитъ,
Мое мнѣніе и здравіе ослабитъ,
И крючкотворцы всѣ и мыши изъ архивъ
Стремятся на меня доколѣ буду живъ;
Пускай плуты попрутъ и правду и законы
Мнѣ сыщетъ истина на помощь обороны,
А если и умру отъ пагубныхъ сѣтей,
Монархиня по мнѣ покровъ моихъ дѣтей,

и потомъ на всѣ возраженія противъ нелюбимаго имъ рода литературной дѣятельности категорически заявляетъ:

Доколѣ дряхлостью иль смертью не увяну,
Противъ пороковъ я писать не перестану!

И дѣйствительно, до самой смерти онъ не переставалъ не только писать, но, насколько это было въ его силахъ, и дѣйствовать противъ пороковъ, и въ этомъ отношеніи Сумароковъ стоитъ несравненно выше большинства современныхъ ему русскихъ писателей. Нѣкоторые

изъ современныхъ историковъ литературы упрекаютъ его въ томъ что онъ въ своихъ сочиненіяхъ слишкомъ много давалъ мѣста своей личности, своему нраву, раздраженію и даже личнымъ интересамъ. По мнѣнію порицателей Сумарокова, источникъ сатирическаго обличенія общества долженъ быть въ негодованіи души высокой и благородной, возмущаемой пороками и недугами общественными. Требованіе это возможно и можетъ быть допускаемо только по отношенію къ общей сатирѣ, изображающей безнравственныя явленія, свойственныя человѣку вообще безъ различія мѣста и времени, но никакъ не можетъ прилагаться при оцѣнки дѣятельности писателя-сатирика, обличающаго пороки и недуги современной ему жизни, того общества, среди котораго онъ самъ живетъ. Трудно предположить, чтобы личныя его дѣла, личный опытъ его жизни не имѣли значенія при образованіи его критическихъ взглядовъ. Сатирикъ, живущій внѣ тѣсной связи съ обществомъ, которое онъ взялъ объектомъ своихъ наблюденій, не испытывающій лично на себѣ всѣхъ его недостатковъ, не борющійся съ ними на практикѣ жизни, не можетъ быть надлежащимъ общественнымъ критикомъ, и его указанія на общественныя язвы останутся только отвлеченными общими мѣстами и пройдутъ безслѣдно для его современниковъ. Иные результаты будетъ имѣть слово сатирика, который всякую свою мысль можетъ подтвердить фактами изъ своей жизни, который на себѣ испыталъ обличаемыя имъ общественныя безобразія. Сатира его для потомства можетъ показаться пристрастною, часто даже личною, эгоистическою, но для современниковъ она тѣмъ больше имѣетъ значенія, чѣмъ сильнѣе у нея связь съ этой дѣйствительностью. Искренняя, рѣзкая, полная огня и движенія намековъ и указаній на личности рѣчь такого писателя производила сильное дѣйствіе на современное ему общество, и съ этой точки зрѣнія она должна быть оцѣниваема потомствомъ.

Если даже согласиться съ мнѣніемъ лицъ, которыя упрекаютъ Сумарокова въ томъ, что онъ въ своихъ обличеніяхъ слишкомъ много давалъ мѣста своей личности, то и въ такомъ случаѣ преждевременно будетъ заключеніе, что сатира Сумарокова не имѣетъ серіознаго общественнаго значенія. Здѣсь упускаютъ изъ виду тѣ два обстоятельства, на которыя всегда нужно обращать вниманіе при оцѣнкѣ дѣятельности всякаго писателя — время, въ которое онъ дѣйствовалъ и его личный характеръ. Эти два обстоятельства даютъ направленіе всей литературной дѣятельности писателя, и ими объясняются тѣ особенности его литературной дѣятельности, которыя съ современной точки зрѣнія кажутся непонятными, странными, дающими поводъ къ уничтоженію всякаго литературнаго значенія ихъ автора.

Время, въ которое жилъ и дѣйствовалъ Сумароковъ, было весьма интереснымъ періодомъ въ исторіи развитія русскаго народа. Это была эпоха, когда столкнулись и вступили въ бой два начала исторической жизни русскаго народа — старое, самобытное, выработанное хо-

домъ исторіи, матеріальное, сильное своимъ положеніемъ, такъ какъ оно выражалось во всемъ складѣ народной жизни, и другое новое, идейное, поставленное на твердую почву реформами Петра Великаго. Борьбою этихъ двухъ началъ и характеризуется вся эпоха, почти до конца XVIII вѣка, когда реформы Екатерины II дали окончательный перевѣсъ новому началу.

Если всмотрѣться ближе въ жизнь русскаго народа въ періодъ XVIII вѣка, то насъ поразитъ та странная двойственность, которую мы замѣтили, вездѣ, какъ въ государственной, такъ и въ частной жизни, отъ которой несвободны даже лучшіе умы этого времени. Двойственность эта вполнѣ естественна, такъ какъ она истекала изъ ненормальнаго положенія дѣлъ, изъ массы противорѣчій идей съ жизнью, изъ противоположности стараго и новаго порядка вещей.

Мы только что замѣтили, что почти весь складъ жизни остался прежній, Московской Руси; онъ не только продолжалъ существовать, мощью своей уничтожая начинанія въ противоположномъ направленіи Петра Великаго, но еще какъ будто бы продолжалъ развиваться. Отношенія сословій къ государству сохраняли прежній характеръ государственной пользы — дворянство стало еще болѣе служилымъ, и даже жалованная грамота Екатерины II, несмотря на всѣ ограниченія, не лишила его этого характера. Крестьяне, въ видахъ той же государственной пользы, которая играла главную роль въ Московскомъ царствѣ, въ продолженіе XVIII вѣка все болѣе и болѣе закрѣпощаются за помѣщиками и въ концѣ концовъ превращаются чуть ли не въ рабовъ; помѣщики, будучи неограниченными распорядителями въ своихъ имѣніяхъ, большею частію, заботятся лишь о томъ, чтобъ собрать съ крестьянъ побольше денегъ и самимъ весело пожить. Администрація и судъ попрежнему остаются слитыми, и попытки Петра произвести реформы въ этомъ направленіи такъ и остались попытками. Одна только европейская внѣшность, формальная сторона Петровскихъ преобразованій, да табель о рангахъ привились къ московской бюрократіи и дали ей такую крѣпкую организацію, какой до того времени она никогда не имѣла. Въ судахъ также попрежнему продолжалъ властвовать московскій произволъ и насиліе съ той только разницей, что еще болѣе сдѣлался многосложнымъ и запутаннымъ канцелярскій порядокъ, чему способствовало отсутствіе всякой гласности и отчетности. Вообще старая «московская волокита» сохранила всѣ свои прелести, и на судъ попрежнему смотрѣли, какъ на дойную корову для подьячихъ и какъ наказаніе для всѣхъ тѣхъ, которые принуждены были туда обращаться.

На ряду съ этими старыми язвами на русскомъ народномъ организмѣ появились столь же опасныя новыя, результатъ новыхъ вѣяній, воспринятыхъ съ одной только формальной стороны. Когда народъ весь поголовно коснѣлъ въ томъ же невѣжествѣ, что и до Петра Великаго, когда учились грамотѣ только дѣти дворянскія и духовенства, да и то настолько, сколько нужно было для поступленія на

службу, тогда трудно было ожидать, чтобъ сформировался образованный классъ, который былъ бы способенъ ко вполнѣ самостоятельному мышленію; и дѣйствительно, тогдашняя русская интеллигенція, хотя, впрочемъ, это слово менѣе всего было примѣнимо къ тому классу народа, который могъ претендовать на это названіе, представляла собою въ большинствѣ случаевъ жалкое копированіе западно-европейскихъ образцовъ и то только съ внѣшней стороны. Несмотря однако на это обстоятельство, она настолько гордилась своей фальшивой образованностью и внѣшнимъ лоскомъ европеизма, что съ презрѣніемъ смотрѣла на народную массу какъ на невѣжественную и варварскую, хотя въ то же время сохраняла къ ней отношенія властвующаго сословія и жила ея трудами. Это пристрастіе къ европейской внѣшности и пренебреженіе ко всему національному ярче всего выразилось въ очень распространенномъ среди тогдашняго общества типѣ щеголей — петиметровъ и щеголихъ модницъ, которые давали тонъ и направленіе извѣстнымъ кружкамъ этого общества.

Такова въ общихъ чертахъ была среда и обстановка, при которой приходилось жить и дѣйствовать Сумарокову. Такія эпохи броженія различныхъ силъ, борьбы разныхъ общественныхъ идеаловъ никогда не способствуютъ развитію цѣльныхъ характеровъ: основнымъ элементомъ всякаго мало-мальски выдающагося члена такого общества бываетъ противорѣчіе. «Старое поколеблено, новое не выработано», естественный результатъ такого положенія вещей — дисгармонія жизни, несогласіе идеи съ дѣйствительностью, слова съ дѣломъ. На каждомъ русскомъ дѣятелѣ XVIII вѣка, особенно литературномъ, отражается это противорѣчіе. *Заусцинскій.*

Очеркъ жизни Сумарокова въ связи съ его литературной дѣятельностію.

Александръ Петровичъ Сумароковъ происходитъ, по собственному выраженію, «отъ знатныхъ предковъ», служившихъ при дворѣ со временъ царя Алексѣя Михайловича; имѣлъ родителями Петра Панкратьевича Сумарокова, впослѣдствіи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, и Прасковью Ивановну, изъ фамиліи Приклонскихъ, а о мѣстѣ и времени своего рожденія самъ же онъ, въ стихахъ къ герцогу Граганцу, говоритъ:

Гдѣ Вильманштрандъ, я тамъ по близости рожденъ,
Какъ былъ Голицынымъ край Финскій побѣжденъ, —

т.-е. въ 1718 году. Поэтому надо думать, что первые годы жизни Сумарокова, совпавъ съ послѣдними великой сѣверной войны, не были чужды походныхъ тревогъ и протекали или въ шумной обстановкѣ боевого лагеря, или въ тѣсной кантониръ-квартирѣ. По заключеніи славнаго для Россіи нейштадскаго мира въ 1721 году, отецъ Сумаро-

кова, человѣкъ весьма образованный и коротко знакомый съ произведеніями Виргилія и Горація, дѣятельно занялся воспитаніемъ своихъ дѣтей, которыхъ у него было пять дочерей да три сына, и самъ обучалъ ихъ русской грамотѣ, съ восторгомъ повѣствуя имъ дѣянія Петра. Эти первоначальные уроки Петра Панкратьевича принесли наибольшую пользу его среднему сыну, Александру, который всегда съ жаромъ вспоминалъ, что «первыми основаніями въ русскомъ словѣ обязанъ онъ былъ отцу своему», и впослѣдствіи посвятилъ памяти Петра многія вдохновенія своей разнообразной музы. Но, неограничивая домашняго воспитанія дѣтей собственными уроками, отецъ Сумарокова не оставилъ нанять сыновьямъ учителя-спеціалиста, иноземца Зейкина, выписаннаго Петромъ I въ наставники Петру II. У этого Зейкена молодые Сумароковы слушали курсъ общей словесности, по окончаніи котораго два старшіе сына Петра Панкратьевича, Василій и Александръ, 30 мая 1732 года были отданы въ сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ, только что учрежденный по представленію Миниха на образецъ прусскій. Тутъ Александръ Сумароковъ, даровитый отъ природы и хорошо подготовленный домашнимъ воспитаніемъ, не только быстро успѣвалъ въ наукахъ, требовавшихся программою рыцарской академіи — какъ называлась тогда классная часть кадетскаго корпуса, — но въ самой средѣ своихъ товарищей сумѣлъ найти и образовать общество любителей россійской словесности, членами котораго явились: братья князья П. И. и С. И. Репнины, кн. П. А. Прозоровскій, А. В. Олсуфьевъ, И. И. Мелиссино, М. Г. Собакинъ, И. П. Елагинъ, А. П. Мельгуновъ и другіе. «Въ праздничные дни, — пишетъ С. И. Глинка, — и въ часы свободные, читали они другъ другу первые опыты своихъ сочиненій и переводовъ. Тутъ не было ни зависти ни соперничества. Тутъ было одно наслажденіе мысли и души». Первенствуя въ этомъ кружкѣ, Сумароковъ неустально вчитывался въ произведенія корифеевъ французской и нѣмецкой литературы, въ подражаніи которымъ онъ рѣшился испробовать собственныя силы — и уже въ 1736 году читалъ восхищеннымъ товарищамъ свою оду «На побѣды государя Петра Великаго», предварившую оды Ломоносова и блистающую, въ то время, небывалыми хореическими стихами:

О премудро божество!
Отъ начала перва вѣка,
Таковаго человѣка
Не видало естество.
Цезарь страшенъ былъ въ день брани,
Августъ покорилъ весь свѣтъ;
Къ Александру носятъ дани,
Гдѣ лишь мечъ его сверкнетъ.
Петръ — природу премѣняетъ,
Новы души въ насъ влагаетъ,
Строитъ войско, входитъ въ Понтъ,
И во дни такой премѣны,
Мещетъ пламень, рушитъ стѣны,
Рветъ и движетъ горизонтъ.

«При слушаніи этой оды, — говаривалъ И. И. Дмитріевъ, слыхавшій ее отъ своей матери, — я почувствовалъ первый порывъ къ поэзіи». За опытами писанія одъ и переложенія нѣкоторыхъ псалмовъ послѣ-

довало сочиненіе пѣсенъ — и первая изъ нихъ по времени: «Толь награда за мою вѣрность, за мою искренность», — такъ удалась Сумарокову, что, по разсказу Бантыша-Каменскаго, «была принята съ восхищеніемъ знатнѣйшими дамами, которыя пѣли ее передъ императрицей (Анной Ивановной), танцовали подъ голосъ ея менуэты». Кромѣ этой пѣсни, кадетъ Сумароковъ, ободренный успѣхомъ, написалъ еще двѣ: «О мѣста, мѣста драгія» и «Мѣста тобою украшены», долго остававшіяся модными, а 14 апрѣля 1740 года, онъ, уже извѣстный петербургскому обществу, былъ выпущенъ изъ корпуса съ чиномъ адъютанта съ слѣдующимъ аттестатомъ: «Въ геометріи обучилъ тригонометрію; експлируетъ и переводитъ съ нѣмецкаго на французскій языкъ; въ исторіи универсальной окончалъ Россію и Польшу; въ географіи атласъ Гибнеровъ обучилъ; сочиняетъ нѣмецкія письма и ораціи; мораль Вольфскую до III главы второй части слушалъ; имѣетъ начало въ итальянскомъ языкѣ. Спрошенный при выпускѣ, въ какой полкъ желаетъ поступить? Сумароковъ не пожелалъ ни въ какой — и былъ опредѣленъ въ военно-походной канцеляріи фельдмаршала гр. Миниха, которая, благодаря только что заключенному миру съ Турціей, не была особенно занята дѣломъ, почему и молодой адъютантъ свободно могъ посвящать свои досуги изученію языковъ латинскаго, италіанскаго и греческаго. Петербургскія событія 1740—1741 гг., ознаменованныя паденіемъ столькихъ величій, не измѣнили къ худшему карьеры Сумарокова: изъ канцеляріи сосланнаго гр. Миниха онъ попалъ въ флигель-адъютанты новаго временщика, извѣстнаго гр. А. Г. Разумовскаго, и преспокойно продолжалъ свои литературныя занятія, доказательствомъ чего служитъ слѣдующая отмѣтка современника, проф. Штелина: «Съ 1742 года гг. Сумароковъ и Ломоносовъ издавали по временамъ нѣсколько удачныхъ одъ и пѣсенъ. Первый упражнялся также въ трагическомъ и эпическомъ родѣ, подражая французскимъ авторамъ». Подъ 1743 годомъ тотъ же Штелинъ отмѣтилъ: «Вышли три переложенія псалма, сдѣланныя профессоромъ Ломоносовымъ, капитаномъ Сумароковымъ и профессоромъ Тредіаковскимъ, — и были напечатаны вмѣстѣ Достигнувъ по 1745 году званія генералъ-адъютанта при томъ же графѣ А Г. Разумовскомъ, Сумароковъ съ прежнимъ усердіемъ занимался литературой, писалъ эпистолы и въ 1745 году напечаталъ при академіи наукъ два свои труда: оригинальную трагедію Хоревъ, въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, и Шекспирова Гамлета, въ стихахъ же, — труды, въ январѣ 1740 года опубликованные академіей въ продажѣ, оба по 80 коп., а эпистолы 26 коп. Быстро раскупленныя любителями драматическія новинки Сумарокова весьма разнились между собою. Шекспиръ, впервые явившійся въ русской печати, мало походилъ на самого себя, хотя Сумароковъ, приноравливаясь къ содержанію трагедіи, старался сообщить слову своего перевода надлежащую мрачность — и, напримѣръ, въ извѣстномъ монологѣ: «Быть или не быть?» заставляетъ Гамлета излагать невыгоды бытія такими стихами:

Но если бы въ бѣдахъ жизнь здѣсь была вѣчна,
Кто бъ смертнаго не пожелалъ здѣсь сна?
И кто бъ могъ перенесть злосчастія гоненье,
Болѣзни, нищету и сильныхъ нападенье,
Неправосудіе безсовѣстныхъ судей,
Грабежъ, обиды, гнѣвъ, невѣрности друзей,
Вліянный ядъ въ сердца мучителей устами?
Когда бъ мы жили въ вѣкъ и скорбь жила бъ въ вѣкъ съ нами?

Зато «Хоревъ», переиначенный Сумароковымъ изъ русскаго историческаго преданія, нравился всему грамотному люду, неустанно ходилъ по рукамъ и, послѣ пестраго языка церковнаго языка мистерій, въ самомъ дѣлѣ, долженъ былъ плѣнять читателей стихами, напримѣръ, слѣдующаго монолога Оснельды, плѣнницы Кія, влюбленной въ Кіева брата Хорева, враждебнаго ея отцу, Завлоху:

Вотъ часть Оснельдина! о солнце! о луна!
Къ чему, увы! къ чему родилася она! и пр.
Желаю я любви, но узъ страшусь ея!
Страдай теперь душа, страдай душа моя!
Что будетъ сказано родительскою властью?
Терзаюсь объ отцѣ, терзаюсь я и страстью;
Со всѣхъ сторонъ напасть, нѣтъ помощи нигдѣ
Гдѣ скрыться? что начать въ несносной мнѣ бѣдѣ?
Когда подвергнусь я родительскому гнѣву,
Какую вѣсть скажу любезному Хореву?

Обаяніе, произведенное Хоревомъ, было такъ полно, что кадеты сухопутнаго шляхетскаго корпуса, гдѣ еще не переводилось общество любителей россійской словесности, попробовали разыграть трагедію Сумарокова и, довольные собою, однажды, именно въ 1749 году, пригласили посмотрѣть на ихъ искусство самого автора трагедіи, который, въ свою очередь, былъ изумленъ прекрасною игрою кадетовъ П. И. Мелиссино, П. С. Свистунова, Н. А. Бекетова, Х. Д. Остервальда — и поспѣшилъ донести о видѣнномъ своему покровителю гр. А. Г. Разумовскому, а этотъ не замедлилъ доложить обо всемъ государынѣ. Ея Величество пожелала сама видѣть спектакль импровизированной труппы, пригласила кадетовъ во дворецъ, велѣла отпустить имъ изъ царской кладовой бархаты, парчи, камки на костюмы, собственноручно убрала въ коронные брилліанты Оснельду, роль которой долженствовалъ выполнить кадетъ Свистуновъ, — и 8 января 1750 года Хоревъ былъ впервые сыгранъ въ комнатахъ государыни, съ блистательнымъ успѣхомъ, къ восторгу автора, лично участвовавшаго въ представленіи и обласканнаго императрицей. Въ томъ же 1750 году Сумароковъ не только поставилъ на сцену своего Гамлета, но написалъ еще двѣ трагедіи въ стихахъ: «Синавъ» и «Труворъ» въ 5 дѣйствіяхъ, игранную 29-го іюня въ Петергофѣ, и «Артистона» въ 3 дѣйствіяхъ, явившуюся въ октябрѣ, сочинилъ и комедію «Чудовище» — грубый фарсъ въ цѣломъ, дѣлающій однако честь автору, впервые вводившему на русскую сцену элементъ комическій. Что же касается трагедіи «Синавъ» и «Труворъ», Лагарпъ отозвался о ней, что она

«есть новое явленіе не только въ русскомъ театрѣ, но и въ общемъ мірѣ драматическомъ, такъ какъ все въ ней дышитъ простотою древнихъ греческихъ трагедій». Ободренный успѣхомъ на поприщѣ драматическомъ, Сумароковъ къ веснѣ 1751 года поставилъ на сцену новую трагедію «Семира» въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, долго остававшуюся любимицей русской публики, просвѣщенные представители которой, изъ стихотворцевъ, именовали Сумарокова не иначе какъ «Семиры нѣжныя пѣвцомъ», а издатели «Драматическаго словаря» 1787 года не обинуясь писали: «Семира всегдашнюю похвалу и вниманіе имѣла отъ публики. Въ ней красота стиховъ и геройскіе характеры достойны уваженія и безсмертія автора. Переведена сія трагедія на разные европейскіе языки; печатана многократно» Монаршее благоволеніе къ автору «Семиры» выразилось производствомъ его 5 апрѣля 1751 года въ полковники, съ оставленіемъ генеральсъ-адъютантомъ при гр. А. П. Разумовскомъ, который тогда же подарилъ Сумарокову табакерку, полученную имъ самимъ отъ императрицы и стоившую, какъ пишетъ Сумароковъ, «рублей съ семьсотъ».— Славу Сумарокова, какъ писателя драматическаго уже не могли умалить ни его присяжный критикъ Тредіаковскій ни его вѣчный соперникъ Ломоносовъ, изъ которыхъ первый, въ 1750 году, поставилъ на сцену трагедію «Деидамія» въ 2313 двоестрочныхъ гекзаметровъ, истомившую зрителей, и болѣе не игранную, а Ломоносовъ, по неотступной просьбѣ И. И. Шувалова, изготовилъ въ 1750 и 1752 годахъ двѣ трагедіи: «Темира и Селимъ» и «Демофонтъ», доказавшія только, что даже великій даръ стихотворства, безъ драматическаго содержанія, не пригоденъ для сцены. — Но еще болѣе поддержало славу Сумарокова обстоятельство совершенно неожиданное, случившееся въ 1752 году: изъ Ярославля по высочайшему повелѣнію, привезли тогда въ Петербургъ цѣлую труппу актеровъ по призванію, которая, составившись изъ разночинцевъ-любителей, удивляла ярославскія власти представленіемъ драмы «Есѳирь» и пасторали «Евдонъ и Берѳа», а въ Петербургѣ, въ комнатахъ императрицы, такъ хорошо выполнила одну за другою трагедіи Сумарокова «Хоревъ», «Синавъ» и «Труворъ», «Аристона» и «Гамлетъ», что государыня восхитилась и, по представленіи «Синава», пожаловала автору драгоцѣнный перстень съ собственной руки, а корифеевъ труппы — Волкова, Нарыкова (тогда же переименованнаго Дмитревскимъ), Попова, Шумскаго — приказала зачислить придворными актерами и дать имъ приличное образованіе Одержавъ, такимъ образомъ, рѣшительный верхъ на поприщѣ драматическомъ, — что, въ 1754 году, дало поводъ одному безымянному пасквиланту сказать нѣмецкими стихами, будто Ломоносовъ, «подобно Маргіусу, охотно опозорилъ бы Сумарокова за его смѣлое изобрѣтеніе просодіи по нѣмецкому образцу» — Сумароковъ продолжалъ ревностно служить русской Мельпоменѣ, и въ 1755 году поставилъ на сцену свой новый трудъ, оперу «Цефалъ и Прокриса», музыка придворнаго капельмейстера Арайи, — первая

опера въ родѣ лирическихъ драмъ Кино, написанная на русскомъ языкѣ и исполненная русскими пѣвцами. — Произведенный между тѣмъ въ бригадиры, Сумароковъ радостно внималъ извѣстію, что «Ея Императорское Величество изволила указать: для умноженія драматическихъ сочиненій, кои на россійскомъ языкѣ, при самомъ началѣ справедливую хвалу отъ всѣхъ имѣли, установить россійскій театръ», — а 30 августа 1756 года уже читалъ именной указъ Сенату о бытіи россійскаго театра, заключавшійся такъ: «Дирекція того русскаго театра поручается отъ насъ бригадиру Александру Сумарокову, которому изъ той же суммы (5000 руб. въ годъ на содержаніе театра) опредѣляется сверхъ его бригадирскаго оклада, раціонныхъ и деньщичьихъ денегъ въ годъ по 1000 руб., и заслуженное имъ по бригадирскому чину, съ пожалованья его въ оный чинъ, жалованье, въ дополненіе къ полковничью окладу додать, а впредь выдавать полное годовое бригадирское жалованье; а его бригадира Сумарокова, изъ армейскаго списка не выключать». Среди заботъ по устройству хозяйственной части петербургскаго театра, помѣщавшагося въ тѣсномъ домѣ гр. Головкина (на мѣстѣ нынѣшней Академіи Художествъ), Сумароковъ рачилъ и о заведеніи театра въ Москвѣ, куда были посланы Волковъ и Шумскій; не покидалъ и пера обогатившаго русскій репертуаръ въ 1757 году, драмою «Пустынникъ», а въ 1758 году — трагедіей «Ярополкъ и Дамиза»; пекся и о подчиненныхъ ему актерахъ, которымъ исходатайствовалъ дворянское отличіе — право носить шпаги. Неистощимый въ изобрѣтальности и неутомимый въ труженичествѣ для русскаго театра, Сумароковъ къ 5 сентября 1759 году, дню именинъ императрицы и торжествованія побѣды, одержанной русскими войскапи надъ Фридрихомъ II, 1-го августа при Франкфуртѣ, изготовилъ «Новые лавры» и драму-балетъ «Прибѣжище добродѣтели», пьесы аллегорическаго содержанія, обставленныя изящными декораціями, великолѣпными костюмами и дорогими машинами. Въ томъ же 1759 году Еврипидова «Альцеста», превращенная Сумароковымъ въ оперу, съ музыкою Раупаха, была впервые сыграна въ эрмитажномъ театрѣ и затѣмъ повторена нѣсколько разъ къ ряду, а такъ называемый Головкинскій театръ перемѣщенъ въ новое деревянное зданіе у Полицейскаго моста, соединенный коридоромъ съ императорскимъ дворцомъ (на мѣстѣ нынѣшняго дома Елисѣева). Наконецъ въ томъ же 1759 году Сумароковъ началъ ежемѣсячное изданіе «Трудолюбивая Пчела», которое наполнялось, главнымъ образомъ, произведеніями самого издателя и, за недостаткомъ денежныхъ средствъ, окончилось 12-ю книжкою. Вскорѣ затѣмъ окончилось и управленіе Сумарокова театромъ, отъ котораго онъ былъ уволенъ въ началѣ 1761 года по навѣтамъ враговъ. Послѣднихъ у Сумарокова было много, потому что онъ, при многихъ своихъ достоинствахъ, не умѣлъ уживаться не только съ посторонними, но и съ ближайшими родными, какъ доказываютъ эти слѣдующія выдержки изъ письма къ Сумарокову его старика-отца, отъ 12 іюля 1761 года;

что принадлежитъ о спросе, что угожденъ ли будетъ пріездъ ваш въ Москву, тому я дивлюся, и то мнѣ кажется съ натурою человѣческой несходно, чтобъ отецъ не хотѣлъ видѣть дѣтей своихъ, которыхъ нѣсколько времени не видалъ; и не знаю, о какомъ пишетъ развращеніи, которое, чтобъ быть въ Москвѣ, отвращает оттого жену твою, упоминая послѣднею бытность въ Москвѣ; и то къ резону ставить не подлежитъ, ибо какъ ты отсюда поѣхалъ, тогда проводы были и не безслезъ... Что пишешь о непосылкѣ къ тебѣ денегъ, то для того не посыланы, что и прежде запосылаемые и повсягодные запасы не только ко мнѣ благодареній, но и писемъ получено что или нѣтъ, ни отвѣтовъ противъ писемъ моихъ не было; и нынешнемъ году, посланной отъ меня запасъ полученъ ли, ни слуху, ни вѣсти (по пословицѣ) нѣтъ, для чего и посылать болѣе не разсудилось, думая, что такая малая бездѣлица посылаетца внѣ надежность». — Воцареніе Екатерины II застало Сумарокова въ какомъ-то раздраженіи, одушевляясь которымъ, онъ ко дню коронованія новой самодержицы, 22 сентября 1762 года, написалъ похвальное слово Екатеринѣ, блистающее, напр. такими тирадами: «Невѣжество есть источникъ неправды; бездѣльство полагаетъ основаніе храма его; безумство соединяетъ оный; непросвѣщенная сила, а иногда и смѣшавшаяся съ пристрастіемъ, укрѣпляетъ оный. Разруши, государыня, разруши стѣны храма сего, повергни столпы его и разори основаніе, созижди великолѣпный храмъ ненарушимаго правосудія!.. Что смерть воспрепятствовала сдѣлать Петру Великому, исполни то великая Екатерина!» и т. д. Понятый умной государыней, Сумароковъ въ самый день коронаціи, былъ произведенъ изъ бригадировъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и, къ масленицѣ 1763 года, изготовилъ для московскаго уличнаго маскарада «Торжествующая Минерва» описательные стихи — посвященные опять же осмѣянію личностей какъ, Кривосудъ, Обиралoвъ и Взятколюбъ Обдираловъ, бесѣдующіе объ акцидепціи, и при нихъ пакостники, и разсѣивающіе сѣмена кровопивные», — а весною уже въ Петербургѣ онъ распростился съ однимъ изъ своихъ покровителей И. И. Шуваловымъ, отъѣзжавшимъ тогда за границу, и получилъ отъ него на память какой-то «миниатурный портретъ», «который — поясняетъ самъ Сумароковъ — у него (Шувалова) надъ его Bureau стоялъ, какъ достойный зрѣнія, лѣтъ пять». — Тою же весной Сумароковъ, выпрашивая отцу своему и себѣ новыхъ даяній, писалъ къ одному высокопревосходительному милостивцу: «Я надѣяся на ея величество, что и я въ разсужденіи того, сколько меня обошли, а именно человѣкъ съ триста, нѣкоторыя поправки достоинъ. Я же и кромѣ поэзіи, можетъ быть нѣкоторыя достоинства имѣю принести пользы, а особенно по рефлексіямъ на Россію». — Съ такимъ высокимъ о себѣ мнѣніемъ Сумароковъ ни при чемъ жилъ въ Петербургѣ, гдѣ, въ апрѣлѣ 1765 года онъ проводилъ до могилы прахъ своего соперника, Ломоносова, благородно сказавъ о почившемъ

Онъ нашихъ странъ Малербъ; онъ Пиндару подобенъ, —

нѣсколько дней спустя, А. В. Олсуфьевъ, именемъ императрицы сдѣлалъ ему внушеніе на соблазнительныя слова и личные (на кн. Шаховского) намеки въ его притчѣ «Два повара». Возлагая на Олсуфьева это щекотливое порученіе, императрица приписывала къ нему по-французски: «Взвѣсьте хорошенько ваши выраженія, потому что мы имѣемъ дѣло съ горячей головой, которая начинаетъ терять смыслъ, если уже давно не потеряла его. Однако сдѣлайте такъ, чтобъ онъ поправилъ свои глупости или поправьте ихъ сами». Со всѣмъ тѣмъ Сумароковъ не терялъ милости государыни, что доказывается какъ пожалованною ему 26 января 1767 года аннинской лентой, такъ и еще болѣе тономъ прошенія, которое онъ, вовлеченный, по смерти своего отца, въ непріятности съ матерью, сестрою и зятемъ, подалъ государынѣ. Это любопытное прошеніе, вполнѣ характеризующее и «Семиры нѣжныя пѣвца» и доброе старое время, состоитъ изъ 38 пунктовъ, одинъ забавнѣе другого. Такъ обвиненіе, будто онъ хочетъ всѣхъ перерѣзать, авторъ «Синава и Трувора» отражаетъ доводами: «на висѣлицу я не хочу, а особливо, что я еще втораго всего изданія своихъ сочиненій къ чести моего отечества не выпустилъ»; противъ обвиненія, что онъ на мать свою написалъ пасквиль, приводитъ: «шествую я, по стопамъ Горація, Ювенала, Депрео и Мольера, и имѣю ли нужду въ пасквиляхъ? Сатира и комедія лучше бы мнѣ праведное учинили отмщеніе, и къ пользѣ публики, нежели пасквиль. Можетъ ли человѣкъ, снабдѣнный оружіемъ, ухватиться во время защищенія за заржавленное шило, а знатный стихотворецъ, вмѣсто сатиры и комедіи, за пасквиль?»; наконецъ, жалуясь, что зять и сестра «науки называютъ календаремъ, и стихотворство лихою болестью», Сумароковъ вопіетъ, что ссорами своими лишаютъ они его «спокойства и оставшаго времени къ сочиненію, ради чести отечества, ибо — продолжаетъ онъ — никто не можетъ оспорить, что Расинъ, Лабрюеръ и де Фонтень преумножили чести Франціи, и честью владѣнія Людовика, и не меньше, нежели побѣдоносное его оружіе. Сіе мое самохвальство всѣ въ Европѣ ученые утверждаютъ, всѣ академіи и университеты. Судя и по самымъ худымъ переводамъ нѣкоторыхъ малочисленныхъ сочиненій, Германія, Франція, Парижъ и самъ Волтеръ, единый съ Метастазіемъ изъ современниковъ моихъ достойный мнѣ совмѣстникъ».— Какой исходъ имѣло это прошеніе не видно; извѣстно только, что, тягаясь съ родными, Сумароковъ не покидалъ своего главнаго дѣла — и 3 октября 1768 года была играна на придворномъ театрѣ его новая трагедія «Вышеславъ», не имѣвшая успѣха и памятная развѣ только возвышенно благороднымъ монологомъ главнаго героя:

Я, царствуя, хочу вознесть санъ человѣка,
Законодавецъ я, народу я отецъ;
Хранитель чадъ моихъ, блаженства ихъ творецъ.

Впрочемъ слава Сумарокова, какъ дѣятеля, была уже давно упрочена — и анонимный авторъ нѣмецкаго «извѣстія о нѣкоторыхъ

русскихъ писателяхъ», напечатаннаго въ 1768 году въ Лейпцигѣ, н оставилъ, упоминая о Сумароковѣ, сказать, что «ему обязано оте чество наше основаніемъ хорошаго театра», затѣмъ похвалить вс его трагедіи, а о прочихъ произведеніяхъ сдѣлать такой — по нашему мнѣнію, справедливый отзывъ: шесть комедій Сумарокова («Чудовище» «Опекунъ», «Лихоимецъ», «Три брата совмѣстники», «Ядовитый», «Нар цисъ») не такъ удачны. Несмотря на множество разсѣянныхъ въ них комическихъ и остроумныхъ шутокъ, на многія ѣдкія, сатирическі черты, онѣ, по общему составу своему, не имѣютъ на сценѣ доста точной занимательности. Зато общаго одобренія удостоился автор въ отечествѣ своемъ за басни, изъ коихъ нѣкоторыя проф. Шлецер перевелъ на нѣмецкій языкъ; также цѣнятся его элегія, эклоги и пѣсни. Двѣ героическія оперы «Цефалъ и Прокриса» и «Алцеста также не безъ достоинствъ. Мелкія сатирическія статьи Сумароков остроумны и ѣдки. Въ письмахъ своихъ оказываетъ онъ не малу услугу своему отечеству по части правилъ языка и особенно стихо творства. Послѣднія суть извлеченія изъ «Искусства Поэзіи» Буало Оды его не такъ удачны, какъ Ломоносовскія. Авторъ нашъ измѣняетъ себѣ и въ прозѣ нѣкоторыхъ писемъ и похвальныхъ словъ».— А четыре года спустя, вотъ какъ отзывался о Сумароковѣ Н. И. Новиковъ въ своемъ «Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ» (1772): «Различныхъ родовъ стихотворными и прозаическими сочиненіями пріобрѣлъ онъ себѣ великую и безсмертную славу не только отъ россіянъ, но и чужестранныхъ академій и славнѣйшихъ европейскихъ писателей. И хотя первый онъ изъ россіянъ началъ писать традегіи по всѣмъ правиламъ театральнаго искусства, но столько успѣлъ во оныхъ, что заслужилъ названіе сѣвернаго Расина. Его эклоги равняются знающими людьми со Виргиліевыми, и поднесь остались еще неподражаемы; а притчи его почитаются сокровищемъ россійскаго Парнасса и въ семъ родѣ стихотвореній далеко превосходитъ онъ Федра и де ла-Фонтена, славнѣйшихъ въ своемъ родѣ. Впрочемъ, всѣ его сочиненія, любителями россійскаго стихотворства, весьма почитаются». Такъ разумѣли Сумарокова современники и также смотрѣла на него императрица Екатерина, которая, во вниманіе къ запутанному состоянію домашнихъ дѣлъ «Семиры нѣжныя пѣвца» съ 1 мая 1769 года повелѣла ежегодно выдавать ему по 2 тысячи рублей и нерѣдко жаловала его денежными подарками, при чёмъ всѣ сочиненія Сумарокова печатались на счетъ Кабинета. Но завистники автора «Синава» и «Трувора» не дремали. Воспользовавшись размолвкою Сумарокова съ содержателемъ московскаго театра Бельмонти по поводу представленія новопереведенной Н. Пушниковымъ драмы Бошарме «Евгенія», они подлили масла въ огонь и устроили дѣло такъ, что раздражительный Сумароковъ не только оскорбилъ Бельмонти печатною критикой, но и запретилъ ему играть свои трагедіи, а когда это было разрѣшено московскимъ главнокомандующимъ, фельдмаршаломъ гр. П. С. Салтыковымъ, не видав-

шимъ скрытой интриги противъ Сумарокова, послѣднiй, 30 января 1770 года, между прочимъ писалъ Бельмонти: «мои трагедiи моя собственность... Я уважаю фельдмаршала, какъ знаменитаго градоначальника древней столицы, а не какъ властелина моей музы; она не зависитъ отъ него. И такъ, по чредѣ, имъ занимаемой, я его почитаю, но на поприщѣ поэзiи я ставлю себя выше его. А милостей его — отнюдь не домогаюсь». И какъ бы въ доказательство этого, Сумароковъ отправилъ одно за другимъ жалобныя письма къ самой императрицѣ, которая однако взяла сторону не Сумарокова, а раздраженному трагику, между прочимъ писала: «Я думаю, что вы лучше всѣхъ знаете, какого уваженiя достойны люди, служившiе со славой и убѣленные сѣдинами. Вотъ почему совѣтую вамъ избѣгать впредь подобныхъ пренiй. Такимъ образомъ вы сохраните спокойствiе души, необходимое для произведенiй вашего пера, а мнѣ всегда прiятнѣй будетъ видѣть представленiе страстей въ вашихъ драмахъ, нежели въ вашихъ письмахъ». — Дѣлать было нечего, и Сумароковъ съ горя запилъ, но еще не настолько, чтобы негодиться ни куда — и 1 февраля 1771 года впервые была играна его трагедiя «Дмитрiй Самозванецъ», имѣвшая успѣхъ колоссальный, благодаря и патрiотическому ея содержанiю и блистательному выполненiю Дмитревскимъ главной роли и, наконецъ, прекраснымъ стихамъ, какъ напримѣръ, въ этомъ монологѣ, гдѣ Дмитрiй, увидѣвъ кн. Шуйскаго, говоритъ:

Мнѣ дерзкой площади извѣстенъ наглый шумъ,
И основанiе ея коварныхъ думъ.
Все то московскiе вельможи утверждаютъ
И благоденствiе престола разрушаютъ.

Шуйскiй.

Не важенъ черни шумъ, то только звукъ пустой;
Ихъ лай уноситъ вѣтръ, исчезнетъ онъ...

Дмитрiй.

Постой!
Нѣтъ, тайны ты своей сокрыть не можешь болѣ,
Все ясно: на моемъ ты хочешь быть престолѣ.

Шуйскiй.

Чтобъ я монархомъ былъ великой сей странѣ,
Не входятъ и на умъ такiя мысли мнѣ;
Ты нашъ монархъ и сынъ монарха Iоанна;
Въ соборной церкви намъ глава твоя вѣнчанна.
Тираномъ былъ у насъ зловредный Годуновъ;
Ты грозенъ, праведенъ; отецъ былъ твой таковъ.
Роптанье на тебя крамольники сугубятъ,
Буяны и тати; а прочiе всѣ любятъ.
По нуждѣ лютъ ты днесь, но будешь милосердъ...
Великiй Государь! Въ Москвѣ престолъ твой твердъ.

Успѣхъ «Дмитрiя Самозванца» не былъ силенъ воздвигнуть Сумарокова изъ его нравственнаго паденiя, соболѣзнуя которому, императрица вызвала пѣвца «Семиры» въ Петербургъ, гдѣ Сумароковъ далъ государынѣ слово не пить и, въ 1773 году, написалъ оду

Ея Императорскому Высочеству Государынѣ Великой Княгинѣ Наталіи Алексѣевнѣ въ 14 строфахъ, по 10 строкъ въ каждой, за что и получилъ отъ супруга великой княгини государя наслѣдника Павла Петровича, табакерку изъ лучшаго ласисъ-лазури, съ изящной золотой работой, и нѣсколькими брилліантами, цѣною до 2 тысячъ рублей. Тамъ же, въ Петербургѣ, Сумароковъ вручилъ императрицѣ свою послѣднюю трагедію «Мстиславъ», представленную на петербургскую сцену въ 1774 году, и, получивъ на дорогу 1000 руб. изъ кабинета, возвратился въ Москву, откуда онъ 11 ноября 1775 года, уже просилъ графа Г. А. Потемкина о защитѣ отъ преслѣдованій своего немилосерднаго кредитора П. Г. Демидова, при чемъ въ 6 п. «Записки ради памяти» полушутливо объяснилъ: «Книги мои и рукописи приказано было подканцеляристу магистратскому осмотрѣть и поставить при нихъ караулъ; хотя ни магистратъ, ни подканцеляристъ не знаютъ различія между Оды, Еклоги и Елегіи». Послѣднее время своей жизни Сумароковъ, по выраженію С. Н. Глинки, «исчезалъ въ бахусовомъ обаяніи», и москвичи часто видѣли его отправляющимся пить вино, черезъ Кудринскую площадь (гдѣ у него былъ собственный домъ), въ бѣломъ шлафрокѣ». «Но никто не указывалъ на него пальцемъ», продолжалъ тотъ же Глинка; обыватели московскіе встрѣчались съ нимъ привѣтливо и, перешептываясь между собою, говорили: «онъ хоть и крѣпко пьетъ, да добрый человѣкъ. У него вѣрно какое-нибудь горе на сердцѣ». И добрые москвичи не ошибались, потому что несчастный Сумароковъ тогда же писалъ кн. А. М. Голицину:

Не веселятъ меня пріятности погоды,
Ни рѣки, ни луга, ни плещущія воды,
Неправда дерзкая увы! эдемскій садъ
Преобразила ты въ кипящій, лютый адъ
О, Боже! Если бы была Екатерина
Всевидица, какъ ты, гдѣ бъ дѣлся толкъ судей,
Гонящихъ безъ вины законами людей!

Паденіе Сумарокова, къ счастью пѣвца «Семиры», не было продолжительно: онъ умеръ 1 октября 1777 года въ Москвѣ, 59 лѣтъ. Почитатели и студенты отнесли его гробъ до могилы въ московскомъ Донскомъ монастырѣ. Сумароковъ имѣлъ станъ стройный, лицо пригожее, но моргалъ такъ быстро, что нельзя было разсмотрѣть его глазъ, какъ бы увлекаемыхъ непрерывнымъ перелетомъ мыслей. Эту особенность онъ самъ выразилъ въ своемъ стихѣ:

Лечу изъ мысли въ мысль,
Бѣгу изъ страсти въ страсть.

Одѣвался Сумароковъ щегольски, въ бархатные кафтаны, карманы которыхъ были постоянно наполнены двумя сортами нюхательнаго табаку, ежеминутно употребляемаго Сумароковымъ и потому густо покрывавшаго его роскошные кружевныя манжеты. Самолюбивый и вспыльчивый и вмѣстѣ добрый и великодушный, Сумароковъ

любилъ славу, гонялся за похвалою, принималъ къ сердцу малѣйшее противорѣчіе. Зато выскочить, при видѣ встрѣчнаго бѣдняка, изъ кареты, сорвать съ себя кафтанъ, отдать его бѣдняку и возвратиться домой въ платьѣ своего лакея — для Сумарокова ничего не значило. Случалось также, что Сумароковъ, замѣтивъ на какомъ-нибудь гуляньѣ грубое обращеніе полиціи съ чернью, вскакивалъ на ближайшій прилавокъ и, несмотря на уговариванія болѣе, чѣмъ онъ, осторожныхъ друзей, звучнымъ голосомъ кричалъ: «наша матушка государыня бережетъ народъ; а вы что тутъ вздумали озорничать!» Заступиться за гонимаго, исходатайствовать забытымъ сиротамъ труженика ученаго казенное пособіе, помочь неимущему — Сумароковъ всегда считалъ своей обязанностью и, гдѣ можно, прилагалъ ее къ дѣлу. Какъ писатель, Сумароковъ, превознесенный современниками и достойно оцѣниваемый потомствомъ, всегда будетъ занимать одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ исторіи русской литературы, — не по одному множеству и разнообразію своихъ произведеній, но также по ихъ содержанію, духу и формѣ. Подаривъ русской сценѣ первыя, задуманныя и написанныя по-русски, оригинальныя трагедіи и первыя же, хотя менѣе удачныя комедіи, Сумароковъ — сатирикъ по преимуществу, оказалъ немаловажную услугу русскому языку уже однимъ тѣмъ, что онъ, въ видахъ обереженія этого языка отъ наплыва словъ и реченій иноземныхъ, всячески издѣвался надъ подобными покушеніями и, напр., въ комедіи «Пустая ссора» представлялъ такой образчикъ тогдашней модной болтовни: «Деламида. Вы такъ мнѣ флатируете, что ужъ невозможно. — Дюлишъ. Вы не повѣрите, что я васъ адорирую. — Деламида. Я этого, сударь, не меритирую. — Дюлишъ. Я думаю, что вы довольно ремаркированы быть могли, что я опре де васъ всегда въ конфузіи. — Деламида. Что вы дистре, такъ это можетъ быть отчего другого. — Дюлишъ. Я все, кромѣ васъ, мепризирую. — Деламида. Я этой пансе не имѣю, чтобъ я и въ прямь въ вашихъ глазахъ эмабль имѣла. — Дюлишъ. Трезэмабль, сударыня, вы какъ день въ моихъ глазахъ...» Еще выразительнѣе каралъ Сумароковъ такое смѣшеніе «французскаго съ нижегородскимъ» стихами, въ родѣ слѣдующихъ:

Взвращенъ дитя твое и сталъ уже дѣтина;
Учился, наученъ; ученый — сталъ скотина!
Болтать и попугай, сорока, дроздъ умѣютъ,
Но больше ничего они не разумѣютъ.
Французскимъ словомъ онъ въ рѣчь русскую плыветъ,
Солому — пальею, обжектомъ — видъ зоветъ,
И рѣчи русскія ему лишь тѣ прелестны,
Которы на Руси вралямъ однимъ извѣстны,
Есть, есть родители, желающи того,
Чтобъ дѣти языка не знали своего.

Сумароковъ же, первый изъ русскихъ, пробовалъ себя и въ баснѣ, но всѣ опыты его въ этомъ родѣ, ему не удавшемся, страждутъ однимъ общимъ недостаткомъ — продолжительными, и вовсе не нуж-

ными отступленіями отъ главнаго предмета разсказа, какъ напримѣръ въ слѣдующемъ началѣ басни «Кривая лисица»:

Была лисица
И отъ собакъ
Летала будто птица,
Не драться съ ними ей, она не львица,
Да имъ же по родству сестрица,
Была замужняя она или дѣвица,
Про то
Не сказывалъ никто:
Могла вдругъ дѣвка быть, и баба, и вдовица,
И попросту вдова и т. д.

Всѣ сочиненія Сумарокова, печатавшіяся при жизни автора, большею частію отдѣльно, какъ напримѣръ въ 1769 году, два тома стихотвореній, по смерти его, изданы Н. И. Новиковымъ дважды: въ 1781 и 1787 годахъ, оба раза въ 10 частяхъ. Эти десять частей содержатъ въ себѣ: ч. I — стихотворное переложеніе всей псалтири Давида; 28 духовныхъ одъ, церковныхъ стиховъ и библейскихъ главъ; нѣсколько надписей, въ томъ числѣ извѣстная къ памятнику Петра I, воздвигнутому Екатериной II; переводные отрывки изъ Тита Ливія, Расина, Корнеля, Вольтера и Фенелона: описаніе фейерверкера 1 января 1760 года; начало поэмы «Дмитрій Донской» 1769 года; «Персей», опера, въ родѣ Кино и 7 эпистолъ; ч. II — 74 торжественныя оды на разные случаи; мелкія стихотворенія изъ Горація; Флеминговы сонеты въ Москвѣ и 8 торжественныхъ словъ прозою; ч. III—трагедіи: «Хоревъ», «Гамлетъ», «Синавъ» и «Труворъ», «Артистона», «Семира», «Ярополкъ и Димиза»; ч. IV — трагедіи: «Вышеславъ», «Дмитрій Самозванецъ», «Мстиславъ»; прологъ «Новые лавры»; балетъ «Прибѣжище добродѣтели»; оперы: «Альцеста», «Цефалъ и Прокриса»; драма «Пустынникъ»; мнѣніе о французскихъ трагикахъ и выписки нѣжныхъ двустишій изъ трагедіи Сумарокова, сдѣланныя самимъ авторомъ, но издателемъ, по недоразумѣнію, принятыя за нѣчто особое, названное «Любовною гадательною книжкою»; ч. V — комедіи: «Опекунъ», «Лихоимецъ», «Три брата совмѣстники», «Ядовитый», «Нарцисъ», «Приданое обманомъ», «Чудовище», «Трессотиніусъ», «Пустая ссора»; ч. VI — комедіи: «Рогоносецъ по воображенію», «Мать совмѣстница дочери», «Вздорщица» и 30 статей смѣси разнаго содержанія, какъ напримѣръ: «О россійскомъ духовномъ краснорѣчіи», «Московская лѣтопись», «Стрѣлецкій бунтъ», и пр.; ч. VII — 378 притчей, въ 6 книгахъ и 10 сатиръ; ч. VIII — 65 эклогъ, 7 идиллій, 151 пѣсня, 12 маскарадныхъ хоровъ и 12 элегій; ч. IX — 12 эклогъ, 27 элегій, 4 станса, 9 сонетовъ, 27 эпиграммъ, 20 эпитафій, 18 мадригаловъ, 10 загадокъ, 167 разныхъ мелкихъ стихотвореній, 9 отрывковъ и до 30 прозаическихъ сочиненій и переводовъ; ч. X — 22 прозаическія статьи, какъ напримѣръ: «Разсужденіе о русскомъ языкѣ, съ разборомъ одъ Ломоносова»; «отвѣтъ на критику Тредіаковскаго; о происхожденіи русскаго народа»; переводъ повѣсти Монтескьё: «Исменія и Исмена»;

разборъ «Синава и Трувора», переведенный съ французскаго, и пр. Многія сочиненія Сумарокова не оставались достояніемъ одной русской печати, и «Семира», въ 1760 году издана по-нѣмецки въ Бреславлѣ, и всѣ его трагедіи вмѣстѣ переведены на французскій языкъ Попандопуломъ, и въ 1801 году напечатаны въ Парижѣ въ 2 томахъ. Французскій же переводъ оперы «Альцесты» изданъ въ Петербургѣ. А. П. Сумароковъ былъ женатъ трижды и отъ перваго брака, съ Іоганною Христіановною Балкъ, каммеръ-юнгферою и хранительницею кружевъ великой княгини Екатерины Алексѣевны (впослѣдствіи императрицы) имѣлъ двухъ дочерей: Прасковью, за гр. Головинымъ, и Екатерину, за извѣстнымъ писателемъ Я. Б. Княжнинымъ. Сынъ Сумарокова отъ перваго же брака въ 1774 году былъ капраломъ Преображенскаго полка и умеръ въ молодости. Другіе три сына, отъ браковъ второго и третьяго, сдѣлались жертвами братской привязанности: купаясь вмѣстѣ въ рѣкѣ, они послѣдовательно старались спасти одинъ другого отъ потопленія и, такимъ образомъ, погибли всѣ трое въ 1809 году. «Уже ѳиміамъ не дымится передъ кумиромъ, сказалъ Карамзинъ, но не тронемъ мраморнаго его подножія, оставимъ въ цѣлости и надпись: Великій Сумароковъ! Соорудимъ новые памятники, если надобно, но не будемъ разрушать тѣхъ, которые воздвигнуты благородною ревностію отцовъ нашихъ».

Хмыровъ.

Общій обзоръ литературной дѣятельности Сумарокова.

Русская критика смотрѣла на Сумарокова и его сочиненія съ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія: она или безусловно склонялась передъ его талантомъ, считая и именуя его «русскимъ Расиномъ» или «сѣвернымъ Лафонтеномъ», какъ было то въ прошломъ вѣкѣ и началѣ нынѣшняго, или безусловно отнимала у него всякое литературное значеніе. Это было естественно и зависѣло отъ развитія идей эстетическихъ и теорій литературныхъ въ обществѣ. Современники, воспитывавшіеся по тѣмъ же теоріямъ, по которымъ учился и Сумароковъ, видѣли въ немъ блестящаго выразителя современной литературы, современнаго взгляда на искусство. Они благоговѣли передъ Сумароковымъ. Люди позднѣйшихъ поколѣній, знакомые съ новою, болѣе полною литературною формою, добытою ими отрицаніемъ прежней, должны были враждебно смотрѣть на Сумарокова. Языкъ, развившійся впослѣдствіи и младенческій у Сумарокова, много помогалъ этой враждѣ. Подъ устарѣлою формою не видѣли живого содержанія и не хотѣли знать его. Пушкинъ, воспитанный новою критикою, въ пылкомъ восторгѣ молодыхъ силъ, въ сознаніи владычества надъ новою формою искусства, еще въ школѣ говоритъ:

...Слабое дитя чужихъ уроковъ,
Завистливый гордецъ, холодный Сумароковъ,
Безъ силы, безъ огня, съ посредственнымъ умомъ,
Предразсужденіямъ обязанный вѣнцомъ,
И съ Пинда сброшенный и проклятый Расиномъ[1]).

[1]) Лицейское стихотвореніе: «Благослови, поэтъ»! Сочиненія. Т. IX.

Но Пушкинъ, подобно всѣмъ, смотрѣвшимъ его глазами, за этою наружною формою, не удовлетворявшею его, не хотѣлъ видѣть живого человѣка, воспитаннаго обществомъ и живущаго въ немъ. Критика должна отдѣляться отъ своего времени, должна забывать пріобрѣтенное ею въ развитіи и переноситься вполнѣ во время, въ которое жилъ литературный дѣятель, разбираемый ею. Писатель — сынъ времени. Оно, какъ нянька, держитъ его на рукахъ своихъ, не спускаетъ съ нихъ и убаюкиваетъ разсказами и пѣснями своего времени. Для того, чтобъ писатель явился намъ въ полной правдѣ, надобно изучить его время, надобно знать, что онъ взялъ изъ него и что принесъ онъ новаго ему. Только такой историческій взглядъ на писателя можетъ быть вѣренъ.

Когда Сумароковъ въ первый разъ печатно появился въ русской литературѣ, она едва только начала свое существованіе. Не говоря о сатирахъ Кантемира, извѣстныхъ тогда немногимъ, и то въ рукописяхъ, и слѣдовательно не имѣвшихъ печатнаго вліянія, русская литература началась одою, торжественнымъ пареніемъ на высоты Пинда, въ соборъ пермесскихъ дѣвъ, какъ говорили тогда. Эта ода необходимо должна была быть *торжественною*, то-есть чисто внѣшнею, возбужденною толчкомъ, внѣшнимъ событіемъ. Военныя грозы, молніи и громы побѣдъ, которыми повита была едва только призванная къ жизни Петромъ Россія, были единственнымъ почти предметомъ, вдохновлявшимъ громкіе гимны. Въ этихъ громкихъ одахъ, молодыхъ порывахъ національнаго чувства, сначала было что-то оглушительное, подымающее сердце. Поэтъ являлся вѣщимъ пѣвцомъ родной славы. Но единственный предметъ вдохновенія не можетъ вызывать къ жизни разнообразныя творенія. Пѣніе одъ скоро прискучило однообразнымъ паденіемъ строфъ, напыщеннымъ тономъ выраженія, поддѣльнымъ восторгомъ и всею этою слишкомъ пошлою механикою, которая была осмѣяна Дмитріевымъ въ «Чужомъ толкѣ». Долго еще продолжалось *одопѣніе*, но никто не слушалъ уже его, и всѣ расходились съ этого надоѣвшаго концерта. Внѣшняя лирика не скоро могла замѣниться внутреннею, лирическимъ выраженіемъ чувства и страсти, которыя бы развились до драматическаго движенія. Общество было еще слишкомъ молодо для такой лирики.

Когда Сумароковъ сошелъ съ литературнаго поприща, русская литература, начавшаяся громкою одою, сдѣлала уже исполинскіе шаги въ развитіи. Въ сатирическихъ журналахъ, за восемь лѣтъ до смерти Сумарокова, подняты были самые живые общественные вопросы, — вопросы, касавшіеся существенныхъ сторонъ отечественной жизни, и журнальное движеніе, общественная сатира, замѣнили оду. Отъ безсознательнаго, крикливаго гимна до глубоко-сознающей сатиры кажется переходъ труденъ и далекъ, а онъ совершился быстро и ровно въ тридцать лѣтъ, считая съ Ломоносовской оды на взятіе Хотина. Такими широкими шагами шла наша, теперь забытая лите-

ратура. Въ этомъ быстромъ возрастаніи нашей литературы, въ этомъ времени ея исполинскаго развитія, времени чрезвычайно любопытномъ для историка литературы, Сумароковъ былъ самымъ живымъ, самымъ дѣятельнымъ лицомъ. Кажется всѣ направленія, всѣ формы литературныя, были если не созданы имъ, то вызваны подъ его вліяніемъ. Онъ одинъ заключаетъ въ себѣ всю тогдашнюю литературу, а потому его литературная дѣятельность стоитъ подробнаго разбора. Онъ былъ совершенно представителемъ своего времени, сыномъ его. Общественное развитіе Россіи въ этотъ періодъ времени вполнѣ выражается въ сочиненіяхъ Сумарокова. Ломоносовъ слишкомъ далеко уходилъ отъ жизни въ своихъ одахъ, фантазія его летала на недоступныхъ высотахъ и, запѣвъ первую оду, и тѣмъ положивъ основаніе нашей литературѣ, онъ не развивался вмѣстѣ съ обществомъ. Его заслуга — въ созданіи стремленія къ наукѣ, въ созданіи началъ ея. Здѣсь онъ творецъ, и дѣло его соотвѣтствуетъ дѣлу Петра В. въ нашей исторіи. Сумароковъ же былъ продолжателемъ, имѣвшимъ то, чего не было у послѣдняго, но составляло главное достоинство Сумарокова — чувство сознанія исторической истины.

Наша литература на первыхъ порахъ своего существованія не могла быть народною литературою. Народность не составляла условія писателя и существовала въ немногихъ произведеніяхъ, не имѣвшихъ эстетическаго достоинства. У народа была своя литература: пѣсни и сказки, большею частію, переходившія изъ рода въ родъ живымъ словомъ или въ рукописи. Наша печатная литература, вслѣдствіе новаго историческаго толчка, началась отрицаніемъ этой народности. Ей нужно было разомъ создать всѣ литературныя формы, извѣстныя на Западѣ. Она существовала для высшаго общества, а оно было воспитано въ европейскихъ понятіяхъ о литературѣ. Поэтому нашимъ писателямъ была одна дорога — подражаніе тому, что существовало уже въ Европѣ. Ихъ дѣло было пересадить на нашу почву цвѣты чужого климата, Потому и Сумароковъ былъ искусственнымъ писателемъ. Онъ отвернулся отъ народности, смотрѣлъ на нее враждебно и всю жизнь хлопоталъ о томъ, чтобъ «явить Россіи театръ Расиновъ». Онъ первый познакомилъ нашу литературу съ литературою западною, преимущественно французскою, и всякая литературная форма, тамъ извѣстная, вызывала его дѣятельность, и страстно стремился онъ усвоить ее своему отечеству, забывая о томъ, естественна ли она или нѣтъ, Но, знакомя насъ съ западными литературными формами, Сумароковъ не думалъ о внутреннемъ содержаніи произведеній европейскихъ литературъ. Воспитанный преимущественно французскими трагиками и теоретиками литературными, онъ подчинялся только вліянію французской литературы XVII и начала XVIII вѣка, которая кромѣ внѣшней формы, мало имѣла общественнаго значенія. Поэтому Сумароковъ не могъ перенести къ намъ содержанія европейскаго. Въ душѣ его жило

убѣжденіе, что подражать классическимъ писателямъ Франціи — необходимо, что въ этомъ подражаніи заключается непремѣнное условіе русскаго писателя. Это убѣжденіе раздѣляли тогда всѣ, и театральныя произведенія Сумарокова основаны, главнымъ образомъ, на немъ. Но, при подражаніи чужимъ формамъ, не было органической передачи идей: внутренній смыслъ западныхъ литературныхъ явленій не былъ передаваемъ. Если западная литература въ прошломъ вѣкѣ и имѣла на нашу существенное вліяніе, то оно оказалось уже позже, именно на Державинѣ, какъ на лирикѣ. Но Державинъ былъ живымъ современникомъ конца XVIII столѣтія. Русское общество уже много выросло тогда, а потому много сторонъ литературы того вѣка, много вопросовъ, поднятыхъ ею, общественныхъ, политическихъ, мистическихъ, отразилось въ лирическихъ произведеніяхъ Державина. Сумароковъ же жилъ раньше; въ его время этого быть не могло.

Если и отразилось что въ произведеніяхъ Сумарокова изъ внутренняго содержанія европейскихъ литературъ, то это было *сатирическое направленіе*, главнымъ представителемъ котораго былъ онъ у насъ. Оно перешло къ Сумарокову чрезъ журналы. Вся литература XVIII вѣка носитъ сатирическій характеръ. Этотъ характеръ возникъ сначала въ Англіи, въ ея пуританской литературѣ, слѣдовавшей за роскошными царствованіями Стюартовъ. Тамъ историческій смыслъ сатиры былъ ясенъ. Родившись на протестантской почвѣ, она относилась ко всему, и всѣ англійскіе писатели, начиная съ Шефтсбюри, были сатириками. «Spectator» Аддисона и «Tattler» были главными сатирическими журналами того времени. Въ послѣдствіи эта англійская сатира, смягченная, измѣненная, болѣе въ легкой и роскошной формѣ, перешла во Францію. Здѣсь блестящія «Lettres persannes» Монтескьё служатъ самымъ лучшимъ представителемъ сатиры. Онѣ отразились даже въ «Адской Почтѣ» — журналѣ Эмина. Изъ Франціи, слѣдовательно, могло перейти сатирическое направленіе, которое, преимущественно, замѣтно въ Сумароковѣ. Конечно, первымъ сатирикомъ русскимъ былъ Кантемиръ, но его сатира, несмотря на то, что и въ ней являются черты и слѣды русскаго быта, все-таки была далека отъ общества. Она создана была по классической формѣ древнихъ и далека была отъ живого, вседневнаго содержанія, которое живымъ ключемъ бьетъ въ прозаическихъ произведеніяхъ Сумарокова. Сатира Кантемира, строгая и важная, имѣетъ мѣсто въ исторіи нашей литературы по отношенію болѣе къ ея художественной классической формѣ. Сатира Сумарокова, летучая и подвижная, полное выраженіе его характера, входитъ въ исторію нашей литературы болѣе своимъ внутреннимъ содержаніемъ, выросшимъ на общественной почвѣ. Наша литература въ своихъ сатирическихъ явленіяхъ имѣетъ много правъ на уваженіе. Вся она проникнута глубокимъ сознаніемъ нравственности и на первыхъ порахъ своего существованія отзывалась на все доброе, что только успѣвала

подмѣчать въ обществѣ. Это составляетъ важное моральное достоинство ея. Наша литература была учительницею народною и воспитательницею. Она шла впереди развитія общественнаго. Она была провозвѣстницею всѣхъ благородныхъ чувствъ и побужденій; она развивала для общества высокія понятія нравственности, правды и добра; она указывала ему цѣли стремленій.

Опредѣлить хронологически время произведеній Сумарокова, какъ и позднѣйшихъ, чрезвычайно трудно, даже невозможно въ настоящее время. Новиковъ, издавшій два раза полное собраніе сочиненій его, со многими опечатками и пропусками, не позаботился о хронологическомъ указаніи, что легко было сдѣлать ему, имѣя подъ руками первыя изданія. Для насъ эти первыя изданія, любопытныя во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ очень немногихъ, рѣшительно не существуютъ. Сдѣлавшись библіографическими рѣдкостями, они даже не находятся въ извѣстныхъ библіографическихъ каталогахъ, а потому мы поневолѣ должны будемъ отказаться отъ хронологическаго плана разсматриванія литературной дѣятельности Сумарокова и ограничиться разборомъ его сочиненій по родамъ и формамъ литературнымъ. Но гдѣ указанія хронологическія существуютъ, тамъ мы постараемся воспользоваться ими.

Первыя произведенія Сумарокова явились въ печати еще въ то время, когда онъ былъ въ корпусѣ. Мы знаемъ уже о существованіи кадетской поэзіи, къ которой принадлежала и первая ода Сумарокова 1740 года. Онъ самъ говоритъ, что они напечатаны были отъ кадетскаго корпуса для показанія его ученичества[1]), и жалѣетъ объ этомъ раннемъ появленіи въ свѣтъ своихъ стихотвореній. Видно, что онъ сознавалъ впослѣдствіи бѣдность прежней литературной формы своей. Неизвѣстно, на какомъ основаніи Глинка говоритъ[2]), что они явились въ 1736 году. Какъ бы то ни было, они явились въ свѣтъ и сдѣлались извѣстными около времени появленія первой Ломоносовской оды. Кромѣ того существуетъ преданіе, что однимъ изъ первыхъ поэтическихъ произведеній Сумарокова были пѣсни, которыя вошли тогда же въ моду и сдѣлали извѣстнымъ имя Сумарокова. Онѣ были положены на музыку. Современнымъ Сумарокову сочинителемъ пѣсенъ или романсовъ является Алексѣй Нарышкинъ, котораго нѣкоторыя пѣсни перешли въ народъ. Что касается до «пѣсенъ» Сумарокова, то ихъ у него 151[3]). Это собственно не пѣсни, а романсы того времени, и народнаго нѣтъ ничего въ нихъ, хотя Сумароковъ и поддѣлывается въ иныхъ пѣсняхъ подъ народный ладъ, напр. въ 8-й:

Въ рощѣ дѣвки гуляли,
　　Калина ли, малина ли моя.
И весну прославляли,
　　Калина ли... и проч.

---

[1]) «Трудолюбивая Пчела» 1759 года. Декабрь. Статья — «Къ несмысленнымъ рифмотворцамъ». Стран. 765.

[2]) «Очерки жизни и избранныя сочиненія А. П. Сумарокова, ч. 2, стран. 3.

[3]) Сочиненія. ч. 8, стран. 179—334.

Всѣ онѣ наполнены любовною тоскою двухъ сердецъ, и эта любовь до того сентиментальна и неестественна, что какъ-то и не вѣрится ей. У сочинителя пѣсни она является чисто придуманнымъ элементомъ ея, а потому и никакъ не можетъ служить для объясненія характера писателя. Это не душа плачетъ и выливается, какъ въ современной лирикѣ, напримѣръ въ пѣснѣ Цыганова и Кольцова, гдѣ эта самая страстная сила чувства, это драматическое движеніе страсти дѣлаютъ теперь пѣсню народною. Во время славы Сумароковскихъ пѣсенъ общество было еще молодо, и чувство не могло въ немъ быть глубоко, вырости до той глубины, которая рождаетъ драму. Поэтому пѣсни Сумарокова любопытны для насъ именно по отношенію къ обществу современному. Бѣдность ихъ содержанія заставляетъ догадываться о пустотѣ того общества, гдѣ были они въ ходу. Эти пѣсни вертятся около двухъ-трехъ нотъ. Но напрасно позднѣйшій изслѣдователь будетъ думать, судя по сентиментальности пѣсенъ Сумарокова, о нѣжности въ общественныхъ отношеніяхъ. Эта сентиментальность была одно только искусственное направленіе въ обществѣ, и поэтому исторія романсовъ въ Россіи любопытна въ исторіи нашей литературы для опредѣленія извѣстныхъ направленій въ обществѣ. Но Сумароковъ и въ пѣснѣ оставался вѣренъ своему сатирическому направленію, которое составляетъ главную и существенную сторону его таланта. Его любимою пѣснію, по извѣстіямъ ему современнымъ, была:

Савушка грѣшенъ,
Сава повѣшенъ.
Савушка, Сава!
Гдѣ твоя слава?

Больше не падки
Мысли на взятки.
Савушка, Сава!
Гдѣ твоя слава? и проч.[1]).

Есть у Сумарокова и историческая пѣсня, написанная въ честь графа П. И. Панина, покорителя Бендеръ[2]). Сумароковъ въ 1763 году, къ различнымъ группамъ огромнаго маскарада, устроеннаго въ Москвѣ въ коронацію Императрицы Екатерины II-й Волковымъ, написалъ «хоры». Нѣкоторые приписываютъ ихъ однакожъ самому Волкову. Особенно замѣчательны: *хоръ пьяницъ*, *хоръ невѣжества*, поющій:

Мы полезнаго желаемъ,
А на вредъ ученья лаемъ;
Прочь и азъ и буки,

Прочь и литеры всѣ съ ряда:
Грамота, науки,
Вышли въ міръ изъ ада[3]).

и другой *хоръ*, — *ко превратному свѣту*, начинающійся народнымъ складомъ:

Прилетѣла на берегъ синица,
Изъ за полночнаго моря,
Изъ за холодна океана.

Спрашивали гостейку пріѣзжу,
За моремъ какіе обряды[4]). . . .
и пр.

---

[1]) Сочиненія, ч. 8-я, стран. 212.
[2]) Сочиненія, ч. 8-я, стран. 204.
[3] Тамъ же, стран. 337.
Тамъ же, стран. 339.

Этотъ довольно длинный хоръ, не смотря на легкую, повидимому, форму, заключаетъ въ себѣ чрезвычайно ѣдкую сатиру на общественные порядки.

Изъ указаній Штелина[1]) видно, что Сумароковъ еще съ 1742 года писалъ и издавалъ оды. Между «торжественными одами» (числомъ 33), напечатанными Новиковымъ, нѣтъ однакожъ ни одной старѣе 1755 года[2]). Послѣдняя ода Сумарокова написана въ 1775 году, на торжество мира съ портою Оттоманскою. Всѣ эти оды касаются двухъ царствованій: Елисаветы и Екатерины. Разсматривая ихъ съ художественной точки зрѣнія, легко убѣдиться, что Сумароковъ не былъ поэтомъ: у него не было того вдохновенія, которое внушало современнику его Ломоносову иногда звучные, полные чувства стихи. Стихъ Сумарокова чрезвычайно прозаиченъ вообще, а въ одахъ даже замѣтно особое усиліе, трудъ созданія. Ода въ наше время и тогда принадлежала и принадлежитъ къ искусственному роду поэзіи. Въ ней слышится что-то заказное, а не прямо выливающееся изъ души поэта. Самая постройка ихъ отзывается внѣшнею работою, замѣтнымъ тяжелымъ механизмомъ. Это мануфактурное произведеніе. Посмотрите на эти начала одъ, которыя у Сумарокова чисто случайны и расплодились въ нашей литературѣ съ легкой руки Ломоносова, перешедъ прямо отъ Ж. Б. Руссо и Боало.

Мой духъ и сердце возлетаютъ
Туда, гдѣ музы обитаютъ
И съ лирой слышенъ Апполонъ.

или:

Ищи избранныхъ словъ союза,
Взлети со мной на Геликонъ
Воспой Елизавету, муза.

или:

Не сирена мя прельщаетъ
Нимфа тайну возвѣщаетъ.

Воззваніе къ музѣ и миѳологическая обстановка были необходимыми условіями одъ. Этимъ подслащивался непоэтическій вообще складъ оды, и они давали ему внѣшнюю блестящую одежду. Съ точки зрѣнія практической, ода въ то время была, можетъ быть, самымъ выгоднымъ родомъ поэзіи для поэта. Кстати поднесенная, она вызывала не только благосклонную улыбку вельможи-мецената, но и вела къ болѣе существеннымъ наградамъ. Въ тогдашнемъ обществѣ, еще при дѣтскомъ пониманіи значенія писателя, ода походила на поздравленіе, приносимое дѣтьми въ праздникъ родителямъ, за что получаютъ они улыбки и подарки. Почти всѣ наши писатели прошлаго вѣка начали свое литературное поприще съ оды, и она про-

---

[1]) «Записка» Штелина въ журналѣ «Москвитянинъ» 1851. Январь. № 2-й.

[2]) Сочиненія. Ч. 2, стран. 1—134. Неизвѣстно, въ которомъ году вышла 1-я ода: «На побѣды Государя Императора Петра Великаго».

ложила имъ дорогу къ дальнѣйшимъ почестямъ и литературнымъ успѣхамъ.

Разсматривая торжественныя оды Сумарокова по отношенію къ историческимъ событіямъ, казалось бы надобно ожидать живого участія поэта къ современнымъ успѣхамъ нашей исторіи. Время, въ которое писалъ свои оды Сумароковъ, было дѣйствительно замѣчательное время. Къ преобразованіямъ и нововведеніямъ въ началѣ царствованія Екатерины II, вызвавшимъ широкое развитіе нашей общественной жизни, присоединились вскорѣ, громъ за громомъ, неслыханныя побѣды русскаго оружія. Появились люди дотолѣ невиданные. Это былъ какой-то яркій разгаръ жизни, въ которомъ всѣ силы были напряжены. Казалось тутъ бы и возникнуть поэту, тутъ бы и пѣть ему хвалебные, торжественные гимны. Ничуть не бывало. Мы не видимъ въ одахъ Сумарокова сердечнаго участія къ событіямъ. Оды его вялы и напыщенны, и не внутренній, пиндарическій восторгъ заставлялъ его складывать строфы, а только, можетъ быть, желаніе прослыть лирическимъ стихотворцемъ. Разъ только, въ годъ первой войны съ Турціею, въ 1769, въ «Одѣ на день тезоименитства Государыни», Сумароковъ, повидимому, поднялся выше надъ обыкновеннымъ лирическимъ полетомъ, и представились ему и освобожденная Греція, и вновь процвѣтающія Аѳины, и іоническіе города въ прежнемъ блескѣ, и соединеніе народовъ.... Но непривычная вспышка была непродолжительна. Къ тому же Сумароковъ не находилъ и стиха хоть сколько-нибудь гармоническаго. Его строфы не отличаются поэзіей и далеко ниже Ломоносовскихъ.

Кромѣ торжественныхъ одъ, у Сумарокова есть еще цѣлый отдѣлъ одъ, подъ названіемъ *разныхъ*[1]). Ихъ у него числомъ 36. Въ этотъ отдѣлъ входятъ такъ называемыя анакреонтическія, сафическія, гораціанскія оды, написанныя въ подраженіе внѣшней формы этихъ поэтовъ древности, но, разумѣется, далекія отъ нихъ по духу и содержанію. Подраженіе совершенно принадлежитъ пріемамъ XVIII вѣка. У Сумарокова есть даже переводъ IV олимпійской оды Пиндара, сдѣланный, по всему вѣроятію, съ французскаго, или съ прозаическаго перевода Козицкаго. Козицкій переводилъ ему оды Сафо и Анакреона прозою, а Сумароковъ перекладывалъ эту прозу въ стихи. Къ этой одѣ Сумароковъ дѣлаетъ примѣчаніе и задѣваетъ въ немъ соперника своего по одѣ — Ломоносова. «Г. Ломоносовъ, говоритъ онъ, не зная по гречески и весьма мало зная по французски (Сумароковъ считалъ знаніе французскаго языка необходимымъ для знакомства съ Пиндаромъ), можетъ быть никогда не читалъ Пиндара, и хотя нѣкоторыя сего россійскаго лирика строфы великолѣпіемъ и изобильны, но Пиндара въ нихъ не видно; ибо вкусъ Пиндаровъ со всѣмъ иной. *А какъ писалъ Пиндаръ: я при семъ сообщаю его IV олимпійскую оду — для желающихъ ему подражати*[2]). Любопытно и

[1]) Сочиненія. Ч. 2-я, стран. 137—202.
[2]) Сочиненія. Ч. 2-я, стран. 193.

справедливо» его замѣчаніе, которое впрочемъ, можетъ быть, отнесено и къ нему: «многіе наши одослагатели не помнятъ того, что они поютъ: и вмѣсто того говорятъ, разсказываютъ и надуваются».

Между *разными* одами Сумарокова есть одна «Къ Потемкину», его покровителю, на отъѣздъ его въ Москву. Въ ней замѣчательно то, что Сумароковъ всего болѣе выставляетъ литературныя стремленія Потемкина и его любовь къ наукѣ:

Прощаюся съ тобой Потемкинъ,	Подобно какъ дѣла воински,
Въ Москвѣ тя зрѣть желая здрава,	Въ которыхъ твой великъ успѣхъ,
Россійскій любяща языкъ,	Граждански и духовны правы.
Словесны чтущаго науки,	До сама центра ты проникъ... и пр.

Въ 22-й одѣ разсказываются ужасы московской чумы и подвиги, прекратившіе ихъ. Въ *одахъ вздорныхъ*[1]) Сумароковъ хотѣлъ посмѣяться надъ современными ему одописцами и преимущественно Ломоносовымъ. Вотъ въ образецъ начало одной изъ вздорныхъ одъ:

Среди зимы, въ часы мороза,	Цвѣтовъ царицу вы на вѣки;
Когда во мнѣ вся стынетъ кровь,	Взнесите шумно въ небеса,
Хочу твою воспѣти, роза,	Стремитесь мысленные взоры,
Съ Зефиромъ сладкую любовь.	На многія парнасски горы
Въ верхахъ парнасскихъ быстры рѣки	Моря внимайте и лѣса.

Въ 1744 году вышли три преложенія 143-го псалма, сдѣланныя Ломоносовымъ, Сумароковымъ и Тредьяковскимъ, и были напечатаны вмѣстѣ[2]). У Сопикова это изданіе отнесено правильно къ 1744 году. Оно называется: «Три оды парафрастическія псалма 143, сочиненныя чрезъ трехъ стихотворцевъ (Ломоносова, Сумарокова и Тредьяковскаго), изъ которыхъ каждой одну сложилъ особливо». С.-Пб., 1744. 4⁰ [3]). Изданіе это снабжено предисловіемъ, написаннымъ Тредьяковскимъ, которое напечатано и въ его «Сочиненіяхъ и переводахъ», изданныхъ Академіей. О переводчикахъ сказано слѣдующее: «Чтожъ еще до сихъ одъ писателей, ихъ токмо всѣхъ троихъ имена здѣсь объявляются, т.-е. что авторы сіи именно: Александръ Сумароковъ, генеральсъ-адъютантъ, Михаилъ Ломоносовъ, адъюнктъ при Академіи, да тояжъ Академіи секретарь Василій Тредьяковскій. Но который изъ нихъ которую оду сочинилъ о томъ умалчивается: знающіе ихъ свойства и духъ тотчасъ узнаютъ сами, которая ода чрезъ котораго сложена (стран. 6)». Первая ода сочинена Сумароковымъ.

Что касается до «преложеній псалмовъ», сдѣланныхъ Сумароковымъ, то, вѣроятно, въ продолженіе многихъ лѣтъ жизни трудился онъ надъ переводомъ всего псалтыря. Этотъ переводъ, въ XX книгахъ, напечатанъ Новиковымъ въ собраніи сочиненій Сумарокова[4]).

[1]) Сочиненія. Ч. 2-я; стран. 205—215.
[2]) Записка Штелина. Здѣсь ошибочно показанъ 1743 годъ.
[3]) У Сопикова невѣрно показано in 8⁰.
[4]) Ч. 1-я, стран. 1—218.

«Духовныя стихотворенія»[1]) посвящены «Ихъ Преосвященствамъ, Святѣйшаго Правительствующаго Синода членамъ: Гавріилу, Архіепископу Петербургскому, Иннокентію, Архіепископу Псковскому, Платону, Архіепископу Тверскому». Въ посвященіи, какъ и во всемъ, что писалъ Сумароковъ, высказался его характеръ и самолюбіе, а потому не лишнимъ считаемъ привести слова его:

«Я приношу духовныя мои стихотворенія, вашимъ Преосвященствамъ, ради засвидѣтельствованія моего къ вашимъ особамъ отличнаго усердія и ради умноженія безгрѣшнаго моего любочестія, симъ предчувствіемъ нынѣ, что потомки знати будутъ то, что я живучи съ вами въ одномъ вѣкѣ и въ едино время царствованія Великія Екатерины, ей посвящая сей мой трудъ, вашими особами, былъ не только знаемъ, но и любимъ. Усугубятъ потомки симъ ко мнѣ почтеніе, хотя и то правда, что хвалити будутъ тѣ люди, которыхъ еще нѣтъ, того, котораго уже не будетъ. Но что дѣлати! Такова судьбина человѣческая.

Вашихъ Преосвященствъ,

Усердный и покорный слуга[2]).

Трудно думать, чтобъ божественная книга Давида, въ которой поэты всѣхъ вѣковъ и народовъ находили источникъ вдохновенія, которая подымаетъ сердце и поитъ вѣчнымъ содержаніемъ духовную жажду души, не разбудила лиру Сумарокова и не вызвала сколько нибудь вдохновенныхъ пѣсенъ. Въ псалмахъ есть отголосокъ на всѣ человѣческія стремленія; этотъ звучный, полный жизни строй божественной лиры, вызываетъ душу и волю къ дѣятельности поэтической. Нѣмецкій поэтъ Гете въ одномъ изъ самыхъ поэтическихъ стихотвореній своихъ восклицаетъ:

Ist auf deinem Psalter:
Vater der Liebe, ein Ton,
Seinem Ohre vernehmlich —
So erquicke sein Herz.

---

[1]) Они напечатаны въ 1774 году. С.-Пб. 8°. Страницъ 163 перемѣнныхъ и 11 не перемѣченныхъ.

[2]) Продолженіе этихъ стихотвореній вышло тамъ же, въ томъ же году и въ томъ же форматѣ подъ заглавіемъ: «Нѣкоторыя духовныя стихотворенія, служащія продолженіемъ прежнимъ», такъ что нумерація страницъ идетъ по порядку числъ за послѣднею страницею первой книжки. Кромѣ этого продолженія, въ томъ же году вышло «Дополненіе къ духовнымъ стихотвореніямъ». (Стран. 52 и 3 безъ перемѣтки). Оно снабжено *предисловіемъ*, въ которомъ Сумароковъ посвящаетъ и это свое изданіе тѣмъ же духовнымъ особамъ. Это предисловіе очень любопытно во многихъ отношеніяхъ и надобно сожалѣть, что Новиковъ въ своемъ изданіи не помѣстилъ предисловій Сумарокова, этой живой исторіи его литературнаго характера и его произведеній, въ которыхъ отражалась жизнь его. Въ этой же книгѣ есть и *послѣсловіе*, въ которомъ Сумароковъ свидѣтельствуетъ, что при переводѣ псалмовъ онъ пользовался какимъ-то нѣмецкимъ ихъ переводомъ.

И Сумароковъ, вѣроятно, въ тяжелыя минуты жизни, прибѣгалъ къ псалтырю. Въ немъ онъ можетъ быть находилъ утѣшеніе въ скорби жизненной и нѣтъ сомнѣнія, что иныя преложенія вызваны были минутнымъ настроеніемъ. Но при всемъ желаніи найти поэтическія мѣста въ его преложеніяхъ, которыя бы указывали на состояніе духа переводчика и были бы вѣрнымъ выразителемъ его, мы должны отказаться отъ этого желанія. Иныя строфы, очень рѣдкія, представляютъ намъ языкъ не похожій на тотъ, который встрѣчаемъ въ другихъ произведеніяхъ Сумарокова, напр. начало 28-го псалма:

О чада, подвластныя ложнымъ богамъ,
Узрите владыки вселенныя честь,
Почувствуйте область его многомочну
И слышите славное имя его:
Узрите Творца и падите предъ нимъ,
Услышите Вышняго гласъ надъ водами. . . . и пр.

Этотъ болѣе поэтическій языкъ встрѣчается также въ псалмахъ 2, 60, 80-мъ и еще очень не многихъ. Вообще о преложеніяхъ Сумарокова надобно сказать, что они, можетъ быть вызванныя примѣромъ Ломоносова, стоятъ ниже образца своего. Въ Сумароковѣ замѣчательно только обиліе размѣровъ и разнообразіе ихъ. Какъ кажется онъ хотѣлъ пощеголять ими, но это механика, а не признакъ творчества. То же самое механическое искусство владѣть стихомъ заставило его 100-й псаломъ переложить акростихомъ, начальныя буквы котораго составляютъ: Екатерина Великая. Видно, что, увлекаясь вѣчною прелестію небесной поэзіи, онъ не забывалъ и о землѣ.

Къ преложеніямъ псалмовъ, по содержанію, близко относятся *оды и другія духовныя сочиненія и преложенія*. Здѣсь, кромѣ одъ, болѣе важнаго содержанія, гимновъ и молитвъ, встрѣчаются «Стихиры Пресвятой Дѣвѣ» и «Стихиры Св. Александру Невскому», и переводы изъ разныхъ мѣстъ библіи. Можетъ быть въ молитвахъ выражается внутреннее состояніе духа Сумарокова. Въ иныхъ нельзя не слышать внутренней скорби, при всемъ томъ, что мы не можемъ сочувствовать стиху, напр.:

Правосудное Небо воззри,
Милосердіе мнѣ сотвори
И всѣ дѣйства мои разбери!
Во всей жизни минуту я кажду
Утѣсняюсь гонимый и стражду,
Многократно я алчу и жажду. . .

Живая натура Сумарокова, часто и близко къ сердцу принимавшая оскорбленія и преувеличивавшая ихъ, выливалась въ этихъ духовныхъ одахъ и молитвахъ. Какъ выливалась — это другой вопросъ, и намъ нельзя и требовать художественности тамъ, гдѣ ея быть не могло. Но и здѣсь читатель поражается странною выходкою, которой объясненіе надобно искать въ условіяхъ тогдашней искусственной поэзіи и въ томъ, что Сумароковъ не одаренъ былъ поэтическимъ талантомъ. Мы встрѣчаемъ молитву, «которая и по первымъ литерамъ молитва», какъ сказано въ примѣчаніи Сумарокова. Молитва, которая должна быть невольною пѣснію сердца и прямо итти отъ него, если и допустить стихотворную форму, является у Сумарокова

акростихомъ, поэтическою игрушкою. Вотъ какое понятіе было тогда о поэзіи.

Сумароковъ не былъ поэтомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Вообще, по нашему мнѣнію, въ XVIII вѣкѣ, кромѣ очень немногихъ стихотвореній Ломоносова и тоже очень немногихъ строфъ Державина, хотя и въ большемъ количествѣ, нежели у перваго, у насъ не было настоящей поэзіи. Поэтамъ прошлаго вѣка у насъ недоставало многаго: недоставало глубокаго пониманія жизни пріобрѣтаемаго жизнію, недоставало чувства и страсти, которое даетъ поэзіи и смыслъ и движеніе, а дается нравственнымъ развитіемъ. Но Сумароковъ былъ замѣчательный и чрезвычайно плодовитый стихотворецъ. Смотря на произведенія его съ риѳмами, которыя составляютъ большую половину всѣхъ его сочиненій, нельзя не удивляться, если не таланту его, то огромному трудолюбію. Зная его живой характеръ и безпрерывныя увлеченія, не знаешь, откуда бралъ онъ время писать. Надъ всѣми его непрозаическими статьями возвышается однакожъ мысль — создать поэтическія формы у насъ, за которую мы должны быть ему благодарны. Увлекаясь похвальнымъ рвеніемъ пересадить на родную почву стихотворныя растенія чужой земли, преимущественно французской, которая воспитала его, онъ писалъ во всѣхъ стихотворныхъ родахъ и этимъ, отдадимъ ему справедливость, онъ создалъ нашу литературу. Только такой талантъ, какой былъ у него, талантъ чисто подражательный, довольно образованный для того, чтобъ понимать образцы, и такая натура, какая была у него, натура живая и всѣмъ увлекающаяся, могли рѣшиться на это дѣло. Этому помогала и страстная любовь его къ родному слову, выказывающаяся вездѣ, и, наконецъ, его самолюбіе, подстрекавшее его къ дѣятельности и возбудившее въ немъ желаніе быть первымъ въ нашей литературѣ. Въ «Эпистолѣ о стихотворствѣ»[1]) онъ говоритъ:

Все хвально: драма ли, эклога или ода,
Слагай, къ чему влечетъ твоя природа,
Лишь просвѣщеніе писатель дай уму,
Прекрасный нашъ языкъ способенъ ко всему.

Тогда именно въ нашей литературѣ необходимъ былъ не столько геній поэтическій, сколько просвѣщеніе, это умѣнье познакомить русскихъ съ литературными формами европейскими. Эпистола Сумарокова, несмотря на то, что она заимствована, большею частію изъ Боало, замѣчательна въ томъ отношеніи, что представляетъ намъ взглядъ Сумарокова на поэзію, какъ на особое искусство. Онъ говоритъ:

Стихи слагать не такъ легко, какъ многимъ мнится...
. . . Оно не плодъ единыя охоты,
Но прилежанія и тяжкія работы.

---

[1]) «Двѣ епистолы Александра Сумарокова. Въ первой предлагается о русскомъ языкѣ, а во второй о стихотворствѣ. Печатано при Императорской Академіи Наукъ.» С.-Пб. 1748. 8⁰. Стран. 20. См. также Сочиненія. Ч. 1-я, стран. 348.

И Сумароковъ былъ трудолюбивый работникъ въ дѣлѣ поэзіи. Не легко давались ему формы чужого народа. Мы приведемъ еще мѣста изъ этой эпистолы при разсматриваніи поэтическихъ его произведеній.

Эти поэтическія произведенія, кромѣ разобранныхъ уже нами, состоятъ изъ элегій, эклогъ, идиллій, стансовъ, сонетовъ, надписей, эпиграммъ, эпитафій, мадригаловъ, разныхъ мелкихъ стихотвореній, не подходящихъ подъ эти роды, эпистолъ, сатиръ и, наконецъ, басенъ. Такое разнообразіе родовъ доказываетъ страшную дѣятельность Сумарокова, и мы должны о каждомъ изъ нихъ сказать нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что Сумароковъ былъ образцемъ въ этихъ родахъ для всѣхъ стихотворцевъ нашихъ прошлаго вѣка.

Часть «элегій» напечатана была самимъ Сумароковымъ подъ названіемъ: «Элегіи любовныя». С.-Пб., 1774. 8., съ эпиграфомъ:

Противнѣе всего элегіи притворство,
И хладно въ ней всегда безъ страсти стихотворство,
Колико мыслію въ него ни углубись,
Коль хочешь ты писать, такъ прежде ты влюбись.

Въ этомъ собраніи только 12 элегій[1]). Къ нимъ Новиковъ прибавилъ еще 27 элегій, напечатанныхъ отдѣльно, или вовсе при жизни Сумарокова не напечатанныхъ[2]). Въ «Эпистолѣ о стихотворствѣ» Сумароковъ говоритъ:

Когда ты мягкосердъ и жалостливъ рожденъ,
И ежели при томъ любовью побѣжденъ,
Пиши элегіи, вспѣвай любовны узы
Плачевнымъ голосомъ стенящей де ла Сузы.

По этому правилу главнымъ содержаніемъ элегій Сумарокова была любовь, но объ этой любви въ элегіи мы можемъ повторить только то, что сказали уже, говоря о пѣснѣ Сумарокова. Эта любовь скучна и однообразна до крайности и не понятна намъ. Элегическія восклицанія: «драгая! о день лютый! о мой несчастный вѣкъ! о сладкая моя надежда! о злая вѣдомость!» и надоѣдаютъ и смѣшатъ. Эта пряничная любовь Сумароковскихъ элегій была въ рѣзкой противоположности съ жизнію, въ которой трудно было, думаю, найти и чувство и любовь, воспѣтую столькими поэтами. Какъ далека эта элегія отъ скорбнаго чувства элегистовъ современныхъ, выстраданнаго развитіемъ внутреннимъ! Поколѣнія живутъ и умираютъ не даромъ, и внутреннее содержаніе отжившаго входитъ въ жизнь начинающаго жить и послѣднее богаче сердцемъ и чувствомъ перваго.

У Сумарокова, кромѣ общихъ любовныхъ элегій, есть элегіи также на смерть разныхъ его друзей и родныхъ: сестры его Бутурлиной, Волкова, графини Шереметьевой, графа А. Г. Разумовскаго, дочери И. П. Елагина, актрисы Троепольской и др. Въ нихъ, кромѣ чувства, дѣлающаго честь сердцу автора, поэзіи нѣтъ. Здѣсь также находятся двѣ элегіи, любопытныя для біографіи Сумарокова и при-

[1]) Въ изданіи «Сочиненій у Новикова». Ч. 8-я, стран. 347—358.

[2]) Сочиненія. Ч. 9-я, стран. 50—94.

веденныя уже нами. Одна по поводу его театральныхъ непріятностей[1]), а другая по случаю извѣстнаго представленія трагедіи «Синавъ и Труворъ»[2]).

Собраніе «эклогъ» своихъ, печатанныхъ прежде въ журналѣ Миллера и «Трудолюбивой Пчелѣ», Сумароковъ издалъ также въ 1774 г. С.-Пб. 8. Въ этомъ собраніи 64 эклоги[3]). Къ нимъ Новиковъ прибавилъ еще 12 эклогъ[4]). Эклоги свои Сумароковъ посвятилъ «Прекрасному россійскаго народа женскому полу». Въ «посвященіи», которое заступаетъ мѣсто предисловія, много любопытнаго. «Ежели, кому изъ васъ подумается» говоритъ онъ, обращаясь къ прекрасному полу, что мои эклоги наполнены излишно любовью, такъ должно знати, что недостаточная любовь не могла быть матерію поэзіи; сверхъ того должно и то вообразити, что во дни златаго вѣка не было ни бракосочетанія, ни обрядомъ къ оному принадлежащихъ: едина нѣжность только препровождаема жаромъ и вѣрностію была основаніемъ любовнаго блаженства». Въ концѣ посвященія, продолжая говорить о любви, называя ее «источникомъ и основаніемъ всякаго дыханія и поэзіи», Сумароковъ не могъ не задѣть ябеды и крючкотворства, съ которыми боролся цѣлую жизнь. Натура его не измѣнила себѣ и сказалась: «Что почтеннѣе, заключаетъ онъ, эклоги ли составлять, наполненныя любовнымъ жаромъ, *и пишемыя хорошимъ складомъ*, или тяжебныя ябедниковъ письма, наполненныя плутовствомъ и складомъ писанныя скареднымъ?» Къ эклогамъ, по сходству родовъ, могутъ быть отнесены и 9 «идиллій» Сумарокова[5]). Различая эклоги отъ идиллій, Сумароковъ кажется слѣдовалъ Баттё, теоретику и учителю искусственныхъ стихотворцевъ прошлаго вѣка. Баттё говоритъ: «S'il y a quelque différence entre les Idylles et les Eclogues, elle est fort légère. Les auteurs les confondent souvent. Cependant il semble que l'usage veut plus d'action et de mouvement dans l'Eclogue, et que dans l'Idylle, on se contente d'y trouver des images, des récits ou des sentimens seulement»[6]).

Пасторальная поэзія была въ большой модѣ въ искусственной литературѣ XVIII вѣка. Фонтенель, Флоріанъ и мадамъ Дезульеръ были представителями ея во Франціи, перенеся на французскую почву пьесы Тасса и Гварини. Общество прошлаго вѣка, которое съ другой стороны было развито до чрезвычайности, которое все знало и ничему не вѣрило, казалось, хотѣло забыть свою агонію въ этихъ первоначальныхъ, свѣжихъ звукахъ природы. Въ немъ

---

1) Сочиненія. Ч. 9-я, стран. 74.

2) Ibid., стран. 93.

3) Ibid. Ч. 8. Стран. 3 — 149. Здѣсь прибавлена еще 65-я эклога: «Переводъ 5-й эклоги Фонтенеля», которая не вошла въ собраніе эклогъ, изданныхъ самимъ Сумароковымъ.

4) Ibid. Ч. 9-я, стран. 3—50.

5) Сочиненія. Ч. 8-я, стран. 151—160.

6) Principes de la littérature. Paris. 1764 T. 2, p. 80.

была замѣтна какая-то тоска по природной естественной жизни, ему хотѣлось лѣсовъ первобытнаго міра и дикое общество, безъ всякихъ условій развитой гражданственности, было идеаломъ тогдашнихъ утопистовъ. Le monde enfant казался обѣтованною землею. Въ этомъ возвратѣ къ дѣтству стараго общества былъ смыслъ и правда, какъ въ дѣтской радости слишкомъ много жившаго старика. Общество какъ-будто забывалось передъ смертію и надъ гробомъ его, вмѣсто печальной похоронной пѣсни, раздавались веселые звуки свирѣли идеальнаго пастуха. Такъ было въ Европѣ, и такой смыслъ имѣетъ тамъ пасторальная поэзія XVIII вѣка. Но не то было въ Россіи и эклоги и идилліи Сумарокова не имѣютъ историческаго смысла у насъ, а по содержанію своему суть только пересадка чужой формы въ нашу литературу. Всѣ эклоги Сумарокова носятъ названіе идеальныхъ именъ пастушекъ, всѣ онѣ представляютъ сначала несчастную любовь, разлуку, тоску двухъ любящихся сердецъ и оканчиваются къ обоюдному счастію — вожделѣннымъ образомъ, «въ рощѣ нимфы, при сладкомъ дыханіи зефира, при кроткихъ лучахъ Діаны или при появленіи блѣдно-розовой Авроры». Справедливость требуетъ упрекнуть Сумарокова въ нѣкоторой сладострастности рисуемыхъ имъ картинъ, которая иногда доходитъ до излишества и можетъ не понравиться читательницамъ нашего времени. Въ идилліяхъ воспѣвается тоска любовниковъ и несчастная любовь. Эти произведенія лирической музы Сумарокова, можетъ быть, нравились, какъ и пѣсни его, современному обществу поэта. Можетъ быть и любовь эта, однообразная и приторная, приходилась по вкусу тогда, но для насъ эклога Сумарокова не имѣетъ никакого значенія.

Въ «стансахъ», которыхъ не много у Сумарокова[1]), онъ касается и современности: «городу Симбирску на Пугачева», описывая стихами ужасы Пугачевскаго времени. И здѣсь выказывается наружу его сатирическое направленіе, существенная сторона таланта Сумарокова (стансъ 4).

«Сонеты»[2]) большею частію переведены Сумароковымъ, напримѣръ «Три сонета нѣмецкаго поэта Флемминга», написанные имъ въ Москвѣ, гдѣ онъ былъ съ гольштинскимъ посольствомъ. Одинъ сонетъ «нарочно написанъ дурнымъ складомъ для показанія, что если мысль и изрядна, стихи порядочны, риѳмы богаты, однако при неискусномъ, грубомъ и принужденномъ сложеніи, все то сочинителю никакого плода, кромѣ посмѣшества не принесетъ». Современный читатель, впрочемъ, съ трудомъ разберетъ теперь, который сонетъ нарочно написанъ дурнымъскладомъ и который хорошъ.

«Надписи» Сумарокова[3]) не отличаются большою изобрѣтательностію и остроуміемъ. Стихъ ихъ тяжелъ, по обыкновенію. Большая часть ихъ относится къ Петру В., а прочія къ Екатеринѣ II, ея

---

[1]) Сочиненія. Ч. 9, стран. 94—103.
[2]) Ibid., стран. 103—109.
[3]) Ibid. Ч. 1-я, стран. 265—284.

соподвижникамъ и главнымъ событіямъ ея царствованія. Въ доказательство того, что Сумароковъ считался образцомъ, которому другіе подражали, приведемъ слѣдующую надпись, очень напоминающую извѣстную Рубановскую:

Гора содвигнулась, а мѣсто премѣня, Прешла балтійскую пучину
И видя своего стоянія кончину, И пала подъ ноги Петрова, здѣсь коня.

Всѣхъ надписей у Сумарокова 55.

Въ 97 «эпиграммахъ» Сумарокова[1]) нельзя найти современной намъ эпиграммы, которая бы, какъ у Пушкина или Баратынскаго, хлестала въ немногихъ словахъ по лицу, выводимому въ эпиграммѣ. У Сумарокова встрѣчаются чрезвычайно общія нападенія на какой-либо порокъ, совершенно безличный, или сладкія двустишія, ничего колкаго не заключающія въ себѣ. Замѣчательна, по отношенію къ самому поэту, слѣдующая эпиграмма:

Грабители кричатъ: бранитъ онъ насъ.
Грабители! не трогаю я васъ;
Не въ злобѣ, въ ревности къ отечеству духъ стонетъ,
А васъ и Ювеналъ сатирою не тронетъ.
Тому кто воръ,
Какой стихи укоръ?
Ворамъ сатира то: веревка и топоръ.

«Эпитафіи»[2]) — тоже общія мѣста, кромѣ тѣхъ, которыя написаны подъячимъ. Въ «мадригалахъ»[3]) своихъ Сумароковъ высказывалъ вовсе не тонкую лесть, которая, какъ лесть, характеризующая время, довольно любопытна. Нѣкоторые изъ своихъ мадригаловъ Сумароковъ подносилъ за торжественнымъ обѣдомъ присутствующимъ вельможамъ. Кромѣ мадригаловъ Сумароковъ писалъ и «загадки», первый образецъ тѣхъ шарадъ, которыя наполняли журналы наши двадцатыхъ годовъ и въ свое время нравились публикѣ.

Въ «разныхъ мелкихъ стихотвореніяхъ»[4]), которыя не вошли подъ исчисленныя нами рубрики стихотвореній Сумарокова, попадается много для характеристики его, какъ писателя и какъ человѣка. Здѣсь мы встрѣчаемъ извѣстную «цидулку» къ дѣтямъ профессора Крашенинникова; здѣсь же попадаются не большія, но зато мѣткія нападенія на подъячихъ. Пугачевъ опять преслѣдуется стихами. «Жалоба» Сумарокова, вѣроятно, написана была въ самый разгаръ дѣла его съ Демидовымъ:

Слаба отрада мнѣ, что слава не увянетъ,
Которой никогда тѣнь чувствовать не станетъ.
Какая нужда мнѣ въ умѣ;
Коль только сухари таскаю я въ сумѣ?
На что писателя отличнаго мнѣ честь,
Коль нечего ни пить, ни ѣсть?

---

1) Ibid. Ч. 9-я, стран. 109—134.
2) Ibid, ч. 9-я, стран. 135—141.
3) Сочиненія, стран. 141—147.
4) Ibid, стран. 150—216.

Къ тому же времени, безъ всякаго сомнѣнія, относится и небольшая пьеска: «Разставаніе съ музами», гдѣ Сумароковъ, прощаясь навсегда съ музами, обѣщается не писать никогда болѣе и, вѣроятно, послѣ того онъ не писалъ ничего. Какъ механическій слагатель стиховъ, Сумароковъ является здѣсь въ двухъ стихотвореніяхъ. Въ одномъ: «На стрѣльцовъ», онъ хочетъ показать, что «весьма удобно описать автору день и часъ, не называя днемъ и часомъ того времени, которое потребно, и что піиту и ритору надлежитъ искуснымъ быти, когда онъ, напримѣръ, время возвышеннымъ словомъ изобразить намѣренъ». Въ другомъ, посвященномъ Потемкину, онъ пишетъ сряду двадцать двѣ различныя риѳмы. Къ мелкимъ стихотвореніямъ отнесены также и «билетцы» или двустишія, пригодныя для конфетъ.

Разбирая стихотворныя произведенія Сумарокова, мы придемъ къ той мысли, что тамъ, гдѣ онъ оставлялъ ему несвойственный тонъ влюбленнаго элегиста, или нѣжнаго идиллика, или громкаго слагателя одъ и шелъ дорогою сатиры, насмѣшки, преслѣдуя особенно мракъ и невѣжество, тамъ стихъ его становился и глаже и изящнѣе и для насъ понятнѣе.

Гдѣ нѣтъ наукъ, тамъ нѣтъ ни счастья ни покою

говоритъ онъ въ «Письмѣ къ князю А. М. Голицыну», выражая здѣсь свою пламенную любовь къ просвѣщенію. Сатира оживляла его и измѣняла рѣшительно. Порокъ, преслѣдуемый имъ, задѣвалъ его за живое и вдохновлялъ его.

Но, несмотря на это рѣшительное призваніе къ сатирѣ, «сатиры» Сумарокова[1]) не имѣютъ художественнаго достоинства, какое мы привыкли требовать отъ этого рода стихотвореній. Имъ недостаетъ спокойнаго тона, которымъ отличается сатирикъ настоящій. Мы имѣемъ уже довольно художественную, образованную по классическимъ образцамъ сатиру Кантемира. Она спокойна и безстрастна, какъ и надобно понимать этотъ родъ искусственной поэзіи. Сумароковъ же хотѣлъ, чтобы она «въ страстныя сердца втекла». Оттого въ ней много желчи, и она скорѣе походитъ на памфлетъ. Да Сумароковъ и созданъ былъ собственнно для задору памфлетиста. Его страстная натура вполнѣ соотвѣтствовала этому задору и онъ былъ сатирикомъ въ прозѣ, въ летучихъ листкахъ сатирическаго журнала, созданнаго имъ у насъ. Зато въ сатирахъ его больше русскихъ началъ, чѣмъ у Кантемира. Сатиръ, написанныхъ стихами, отъ Сумарокова осталось намъ 10. Въ первой сатирѣ разсуждаютъ самъ поэтъ и другъ его, удерживающій его отъ сочиненія сатиръ. Поэтъ говоритъ о себѣ:

---

[1]) Онѣ напечатаны безъ означенія года и мѣста, въ 8. Но Сумароковъ при эклогахъ говоритъ: „Не поставлено въ сатирахъ времени и мѣста, когда и гдѣ они напечатаны, такъ извѣщается, что онѣ отпечатаны въ 1774 году при Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ“. См. Сочиненія. Ч. 7-я, стран. 351—382.

Когда я истину народу возвѣщу,
И нѣсколько людей сатирой просвѣщу,
Такъ люди честные, мою зря міру службу,
Противъ бездѣльниковъ ко мнѣ умножатъ дружбу.
Невѣжество меня ни чѣмъ не возмутитъ,
И росская меня Паллада защититъ;
Не малая статья ея безсмертной славы
Чтобъ были чищены ея народы нравы.

Другъ доказываетъ ему всю трудность жребія сатирическаго писателя. Онъ говоритъ ему, что противъ пороковъ невозможно воевать одною логикою и разумными доказательствами, что

. . . . логики у насъ и имя рѣдко вѣстно:
Такъ трудно доказать безчестно что иль честно.

Но поэтъ не отказывается отъ борьбы до тѣхъ поръ, пока смерть не заградитъ ему устъ и, можетъ быть, въ этомъ горячемъ profession de foi поэта было и горячее убѣжденіе самого Сумарокова. По крайней мѣрѣ вся жизнь его была продолжительною, ожесточенною борьбою съ пороками, и мы знаемъ, что онъ не кривилъ душою, не продавалъ себя. Можетъ быть эта борьба еще болѣе ожесточила и безъ того задорный характеръ его. Нельзя упрекать Сумарокова въ томъ, что сатира его носитъ мелкій, придирчивый характеръ: въ томъ обществѣ, въ которомъ жилъ онъ, другою она и быть не могла. Сатира Ювенала могла быть почти такою же, если бъ Ювеналъ не выросъ въ апатіи стоическаго ученія и если бъ онъ, съ своей философской точки зрѣнія, смотря на неизбѣжное крушеніе древняго міра, не складывалъ порою спокойно рукъ на груди, повторяя, можетъ быть, про себя знаменитый стихъ Горація:

Impavidum ferient ruinae.

Въ ѣдкомъ и придирчивомъ характерѣ сатиры Сумарокова была практичность, желаніе и возможность дѣйствовать, необходимыя въ молодомъ, еще недалеко ушедшимъ впередъ обществѣ.

Въ сатирѣ «Кривой толкъ» мало русскаго, потому что почти вся она заимствована изъ Боало и заключаетъ въ себѣ общія мѣста. Но зато въ сатирѣ «О благородствѣ», обращенной авторамъ къ дворянамъ, виденъ уже бытъ русскій, бытъ, который окружалъ поэта и въ которомъ онъ самъ выросъ. Тѣмъ же характеромъ отличается и сатира «О худыхъ судьяхъ», въ которой Сумароковъ преслѣдуетъ ябеду, со всею ея темною обстановкою. Тутъ уже черты не общія, не блѣдныя и когда сатирикъ говоритъ:

Въ три фунта выписка слыветъ у насъ экстрактъ,

то читатель знаетъ, гдѣ подмѣтилъ это авторъ. Въ сатирѣ «О французскомъ языкѣ», Сумароковъ нападаетъ на неумѣренное употребленіе французскаго языка въ явный ущербъ родному, и въ этомъ нападеніи слышится оскорбленное чувство истины и особенно горячая любовь къ родному языку. Онъ говоритъ:

Кто русско золото французской мѣдью мѣдитъ
Ругастъ свой языкъ и по французски бредитъ
. . . .
Прекрасенъ нашъ языкъ единой старинной,
Но глупостью писцовъ онъ нынѣ сталъ иной.
И ежели отъ ихъ онъ узъ не освободится,
Такъ скоро никуда онъ больше не годится.

Особенно хороша сатира Сумарокова: «Наставленіе сыну». Въ ней столько ѣдкой и вмѣстѣ съ тѣмъ грустной иронiи, она такъ художественно задумана, что и теперь, не смотря на тяжелый стихъ свой, можетъ произвесть впечатлѣніе. Въ ней старый плутъ, прощаясь съ жизнію, даетъ сыну уроки жизни и въ этихъ урокахъ разсказываетъ невольно свою оскорбительную для человѣчества біографію. Тою же иронiею отзывается ода, присоединенная къ сатирамъ: «Отъ лица лжи».

Но не въ этихъ классически-правильныхъ сатирахъ, гдѣ нужно было работать надъ формою и не выходить изъ рамокъ, означенныхъ условными правилами господствующей теоріи, надобно искать сатиры Сумарокова. Съ сатирою мы привыкли соединять, повторяю, строгость формы, а въ эту форму не вмѣщался сатирическій пылъ Сумарокова. Пожалуй, нельзя назвать сатирою и мелкія прозаическія статьи Сумарокова, потому что онѣ не согласны съ формою, но назовемъ ихъ *критикою*. Въ нихъ-то особенно и надобно искать всего того, что составляло содержаніе сатиры Сумарокова, и онѣ-то, вызвавъ собою явленіе сатирическаго журнала, служили статьямъ ихъ образцами. Сумароковъ своею «Трудолюбивою Пчелою» былъ провозвѣстникомъ послѣдующихъ журнальныхъ явленій. Тамъ, въ журналѣ, сатира его уже не вдавалась въ общія мѣста, не заимствовала изъ Боало, а черпала изъ быта.

Басни Сумарокова, которыя онъ самъ назвалъ «притчами»[1]), стоятъ болѣе подробнаго разбора, нежели позволяетъ намъ объемъ статьи. Не даромъ Карамзинъ называлъ ихъ самымъ лучшимъ произведеніемъ Сумарокова, а Новиковъ считаетъ ихъ «сокровищемъ россійскаго Парнаса», хотя въ наше время онѣ совершенно забыты. Сумароковъ былъ самымъ плодовитымъ нашимъ баснописцемъ. Басни его дѣлятся на 6 книгъ и всѣхъ басенъ у него 378. Такое количество удивляетъ насъ, но не надобно забывать, что въ это число входитъ довольно стихотвореній, не имѣющихъ ничего общаго съ баснею, ни по формѣ ни по содержанію. Это энциклопедія легкой насмѣшки, а иногда и ѣдкой и тяжелой сатиры. Талантъ Сумарокова и то, составляло сущность его, выказывался вездѣ и прорывался сквозь условную форму искусства.

Баснямъ Сумарокова придаетъ много жизни ихъ явное сатирическое содержаніе, и потому онѣ вполнѣ достойны изученія. Нравы

---

[1]) Первое изданіе «Притчей», въ 3-хъ книгахъ, вышло въ 1763—1769 годахъ, С.-Пб. 8. У Новикова: Собраніе сочиненій, ч. 7-я, стран. 8—348.

времени и картины современнаго быта разбросаны въ нихъ щедрою рукою и попадаются на каждомъ шагу; особенно любопытны въ нихъ русскія черты, не похожія на тѣ, какія встрѣчаемъ мы у Крылова. И нравы и общество измѣнилось, такъ что, сравнивая басни обоихъ поэтовъ между собою, мы можемъ сдѣлать довольно полное заключеніе объ историческомъ развитіи общества въ нравственномъ отношеніи. Сумароковъ еще тѣмъ замѣчателенъ въ своей баснѣ, что онъ мало думалъ о формѣ ея, объ аллегоріи, о которой естественно должны были хлопотать позднѣйшіе, болѣе развитые баснописцы. При разборѣ басенъ Сумарокова совершенно не умѣстенъ вопросъ: прозрачна или нѣтъ ея аллегорія? О ней и не думалъ, повидимому, поэтъ. Перенося въ русскую литературу форму басни Лафонтена, онъ, славу Богу, забылъ ея общее содержаніе, забылъ эту вѣчную мораль, которая даже у Крылова иногда является приторною. У него басня — совершенная сатира. Басня вообще есть самая робкая, незрѣлая форма искусства; она могла возникнуть только на Востокѣ, гдѣ правда не высказывается прямо, а идетъ обинякомъ, гдѣ самыя священныя понятія для человѣка называются не существительными, а прилагательными. Поэтому, при всемъ уваженіи, которое всякій русскій долженъ чувствовать къ таланту Крылова, воспитателю у насъ уже нѣсколькихъ поколѣній, образованный человѣка останется въ душѣ не совсѣмъ довольнымъ его формою, на которую онъ растратилъ свой огромный и самородный талантъ. Въ баснѣ Сумарокова замысловатой аллегоріи не было. она выражалась, хоть грубо, но зато ясно, и смыслъ не терялся подъ блестящею фантастическою игрою словъ и образовъ. Эта старая басня еще и потому заслуживаетъ вниманія и уваженія, что позднѣйшіе баснописцы заимствовали много изъ нея. Не приводя много примѣровъ, что легко бы было сдѣлать, скажемъ, что одна изъ оригинальнѣйшихъ басенъ Крылова—«Муха и дорожные» очень напоминаетъ басню Сумарокова «Услужливый Комаръ»[1]). Къ тому же, по нашему крайнему разумѣнію, въ баснѣ Сумарокова гораздо больше отражается русское содержаніе того времени, нежели у позднѣйшихъ баснописцевъ — имъ современное.

Главною цѣлію нападеній, разумѣется, были: ябеда, подъячество, крючки и плутни приказныхъ, и Сумароковъ не щадилъ ихъ нисколько въ баснѣ. Большая и самая злая часть басенъ направлена была на эти язвы, которая, какъ мы знаемъ, были конькомъ Сумарокова. Несмотря на грубую форму, легко видѣть въ нихъ умно подмѣченные черты времени. Безъ всякаго сомнѣнія, въ басняхъ Сумарокова было много личностей; вѣроятно, онѣ указывали на лица, извѣстныя многимъ, но намъ невозможно проникнуть въ эти закулисныя тайны тогдашней литературы. Конечно завязка многихъ басенъ очень нелѣпа, дѣйствія собственно нѣтъ никакого, искус-

[1]) Сочиненіе Ч. 7-я, стран. 221.

ства вообще мало, но все это выкупается злою затирою, не хитрымъ добродушіемъ, какъ у Крылова, добродушіемъ, которому иногда мало вѣришь, не зная, что за нимъ скрывается. Мораль выражается въ немногихъ словахъ, часто въ одной строчкѣ у Сумарокова; но иныя изъ этихъ строчекъ и теперь многими повторяются напримѣръ;

На что и голова, когда ума въ ней нѣтъ...
Не сдѣлаешь во вѣкъ красавца изъ урода:
Никто того недастъ, чего недастъ природа...

Опасно наставленье строго.
Гдѣ звѣрства и безумства много...:
Достойной похвалы невѣжи неумалятъ,
А то не похвала, когда невѣжи хвалятъ...

Между баснями встрѣчаются совсѣмъ не басни. Иногда же басня, безъ всякаго смысла, приплетается къ какой-нибудь истинѣ, напр. «Порча языка» (III. 30), гдѣ Сумароковъ воюетъ за чистоту русскаго языка и обращается къ Козицкому и Мотониссу.

Собраніе своихъ басенъ Сумароковъ посвятилъ Наслѣднику Престола Великому Князю Павлу Петровичу.

Между «эпистолами» Сумарокова[1]), которыхъ очень немного у него, заслуживаетъ больше вниманія: «О стихотворствѣ», гдѣ разсказывается въ стихахъ теорія поэзіи того времени, заимствованная болѣе всего изъ Боало. Въ ней выражается довольно полно понятіе того вѣка о поэзіи, и читатель современный съ улыбкою прочтетъ здѣсь имя *Шекспира непросвѣщеннаго*. Въ примѣчаніяхъ, гдѣ Сумароковъ говоритъ нѣсколько о тѣхъ поэтахъ, имена которыхъ упоминаются въ эпистолѣ, Ломоносовъ названъ «хорошимъ лирикомъ». Изъ нея мы уже привели нѣсколько стиховъ и еще представится случай привести ихъ. Въ эпистолѣ «О русскомъ языкѣ» поэтъ желаетъ отечеству своему языка образованнаго, имѣющаго литературу, не такого, какой у Мордвы и Вотяковъ:

Возьмемъ себѣ въ примѣръ словесныхъ человѣковъ:
Такой намъ надобенъ языкъ, какъ былъ у Грековъ;
Какой у Римлянъ былъ, и слѣдуя въ томъ имъ,
Какъ нынѣ говоритъ Италія и Римъ,
Каковъ въ прошедшій вѣкъ прекрасенъ сталъ французскій,
Иль наконецъ, сказать, каповъ способенъ русскій.

Въ дополненіе обозрѣнія поэтической дѣятельности Сумарокова, скажемъ еще, что у него есть и небольшіе «отрывки»[2]) переводные, преимущественно изъ французскихъ трагиковъ. Они не замѣчательны. Эпическій родъ поэзіи кажется не возбуждалъ его дѣятельности, по крайней мѣрѣ, кромѣ начала «Димитріяды», состоящаго изъ нѣсколькихъ стиховъ, до насъ ничего не дошло въ этомъ родѣ. Въ «Димитріядѣ» Сумароковъ хотѣлъ воспѣть подвиги Дмитрія Донского. Въ примѣчаніи сказано, что это начало «зачато Ноября 20 дня 1769. Москва». Неизвѣстно почему не продолжалъ Сумароковъ.

---

[1]) Сочиненія. Ч. 1-я, стран. 325—369.
[2]) Сочиненія. Ч. 1-я, стран. 287—316.

Въ этомъ краткомъ очеркѣ поэтическихъ трудовъ Сумарокова главное стараніе было показать, что онъ не былъ поэтомъ въ прекрасномъ смыслѣ этого слова. Творчества недоставало у него, поэзіи было мало; стихъ тяжелѣе, нежели у Ломоносова. Но чуть только Сумароковъ вступалъ на сатирическую арену, онъ измѣнялся. Сатира, казалось, была его жизненнымъ дыханіемъ, и придавала ему даже какое-то величіе. На призывный голосъ сатиры онъ подымался и возвышался. Но это исключительное направленіе его не отнимаетъ однакожъ у него таланта и въ другихъ родахъ поэзіи, а его много нужно было, чтобъ написать такую громаду стиховъ, которую не всякій согласится перечитать теперь. Въ этихъ стихахъ былъ здравый смыслъ; въ нихъ было то, что нравилось времени, а этого было довольно. Не даромъ же современники и очень умные и очень образованные склонялись съ почтеніемъ предъ Сумароковымъ.

Н. Буличъ.

Сумароковъ „сѣверный“ Расинъ.

Трагедія Сумарокова возникла вполнѣ на почвѣ ложноклассической, размѣренной, чрезвычайно хитро придуманной и механической трагедіи французовъ. Эта французская трагедія имѣетъ такое же отношеніе къ древней греческой трагедіи, какое Буало, Баттё и Лагарпъ, теоретики ея, имѣли къ Аристотелю: исковерканная ими Аристотелева теорія трагедіи, основанная на великихъ сценическихъ явленіяхъ древней трагедіи, стоитъ неизмѣримо выше ихъ бѣдной теоріи. Древній театръ имѣлъ такое полное значеніе для всей греческой жизни, съ которою тѣсно былъ слитъ, что ни одинъ новый театръ не можетъ похвалиться подобнымъ. Развѣ англійская драма Шекспира подходитъ къ нему нѣкоторыми сторонами своими. Въ древней греческой жизни было такое глубокое всемірно-человѣческое содержаніе, что греческое искусство, прекрасное воспроизведеніе этой жизни, сохранило въ вѣчныхъ типахъ своихъ обаятельные, но недосягаемые образцы для насъ. Оттого на греческой сценѣ могли быть представляемы миѳы цѣлаго человѣчества; миѳы, которые и теперь заставляютъ сердце биться въ груди, какъ, напр., миѳъ о Прометеѣ, такъ исполински развитый въ титаническомъ созданіи Эсхила. Драма грековъ была изображеніемъ широкой исторической жизни. Родная дочь греческаго эпоса, въ которомъ сохранились всѣ народныя, всѣ племенныя преданія грековъ, она постоянно представляла ихъ живыми передъ народомъ. Она была всегда художественно понятною исторіею прошлаго и вѣрною изобразительницею настоящаго. Тѣсно связанная съ религіозными учрежденіями, греческая драма была и государственнымъ учрежденіемъ, какъ это видимъ мы въ Аѳинахъ. Она была такъ же необходима въ Греціи, какъ Ареопагъ. И что за великолѣпная внѣшняя обстановка была у этой греческой драмы!.. Археологи съ любовью говорятъ о роскоши древней сцены. Съ зад-

нихъ мраморныхъ скамеекъ аѳинскаго театра можно было видѣть Эгейское море подъ яркимъ солнцемъ Эллады; на этомъ морѣ, въ голубомъ прозрачномъ воздухѣ, передъ глазами аѳинскихъ зрителей, плавали острова, полные историческихъ воспоминаній, и виднѣлся заливъ, на которомъ только что совершилась національная побѣда надъ персами; надъ театромъ возвышался акрополь аѳинскій, съ блестящими колоннами Партеона и другихъ храмовъ. На такой только театръ поэтъ могъ призвать цѣлый хоръ пятидесяти нимфъ Океанидъ, дочерей сѣдого океана, до которыхъ, въ подводную глубину ихъ жилищъ, долетѣлъ страшный стонъ Прометея и ужасный звукъ молота, кующаго цѣпи страдальца. И съ грустною пѣснью сострадапія прилетѣли безсмертныя дѣвы на воздушныхъ коняхъ своихъ къ Прометею. Только на такомъ театрѣ могъ изобразить трагикъ цѣлый народъ греческій, какъ Эсхилъ въ «Персахъ», или исполинскіе образцы и трагическую судьбу Эдипа и бѣшенаго Аякса, въ которыхъ было много общаго, по художественной отдѣлкѣ, съ группою Лаокоона и другими великими созданіями греческой скульптуры.

Ничего этого, разумѣется, не было въ трагедіи французовъ, а слѣдовательно не могло быть и у Сумарокова. Французская сцена заимствовала отъ греческой героевъ, которые необходимо должны были дѣйствовать на ней, но греческіе герои были люди, а герои новой трагедіи были такъ далеки отъ жизни дѣйствительной, что страсти ихъ, слова, поступки, движенія казались совершенно условными и недѣйствительными. Корнель, на основаніи своихъ трагедій, написалъ правила французской драмы, и имъ слѣдовали всѣ безъ противорѣчія. Онъ старался смягчить въ нихъ все, что было естественно на греческомъ театрѣ и что казалось ему преувеличеннымъ, но отъ общаго тона греческой драмы отказаться не могъ. Потому его трагическія лица становились на ходули, котурна была имъ необходима. Фантастическій элементъ, вытекавшій изъ религіозныхъ вѣрованій грековъ, исчезъ во французской трагедіи. Она сдѣлалась ровною, гладкою, вѣрнымъ изображеніемъ чопорнаго общества маркизъ и дюшессъ, но поэзіи и жизни въ ней не было. Французскіе трагики очень много хлопотали о правдоподобномъ (vraisemblable) и ему жертвовали истиной. Для этого мнимаго правдоподобія они утвердили правило знаменитыхъ трехъ единствъ, conditio sine qua non ложноклассической трагедіи, — правило, неизвѣстное Аристотелю, потому что греческая сцена была свободна отъ этихъ ухищреній. Любопытны хитрости французскихъ трагиковъ о распредѣленіи времени въ трагедіи: какое событіе должно было совершиться во время антракта для того, чтобы дѣйствіе не заключало въ себѣ ни минуты болѣе времени того, что происходитъ на сценѣ. Цѣль трагедіи, согласно ученію Корнеля, была не изображеніе жизни и дѣйствительности, а *героическаго дѣйствія,* способнаго возбудить въ зрителяхъ ужасъ и состраданіе. Возбуждать ужасъ и состраданіе было необходимымъ правиломъ такой трагедіи — règle qui est de rigueur. Она должна была заключать

въ себѣ и нравственный урокъ; но здѣсь трагики впадали въ довольно запутанную дилемму: или торжествуетъ порокъ, и страдаетъ добродѣтель, — тогда зритель не видитъ морали въ пьесѣ, а трагедія сохраняетъ свой характеръ; или порокъ наказанъ, и добродѣтели возвеличена: тогда зритель доволенъ, получивъ нравственный урокъ но зато трагедія исчезаетъ; она оканчивается счастливо, радостью; слѣдовательно переходитъ въ комедію. Все это было опредѣлено, вымѣрено и разсказано подробно французскими теоретиками, повторяя которыхъ Сумароковъ въ своей «эпистолѣ о стихотворствѣ» говоритъ:

Трагедія намъ плачъ и горесть представляетъ...
...Не тщись глаза и слухъ различіемъ прельстить,
И бытіе трехъ лѣтъ мнѣ въ три часа вмѣстить:
Старайся мнѣ въ игрѣ часы часами мѣрить;
Чтобъ я, забывшися, возмогъ себя повѣрить;
Что будь то не игра то дѣйствіе твое.
Но самое тогда случившись бытіе.
. . . .
Не сдѣлай трудности и мѣстомъ мнѣ своимъ,
Чтобъ мнѣ театръ твой зря имѣючи за Римъ,
Не полетѣть въ Москву, а изъ Москвы къ Пекину;
Всмотряся въ Римъ, я Римъ такъ скоро не покину.

Нельзя, слѣдовательно, обвинять Сумарокова въ томъ, что его трагедія не имѣетъ въ жизни и дѣйствія. Онъ не могъ тогда отбросить отъ себя вліянія французской литературы, этого блестящаго выраженія, блестящаго двора Людовика XIV, которому подражала и къ которому стремилась, какъ къ идеалу, вся просвѣщенная тогда Европа. Были и свои достоинства въ этой классической трагедіи французовъ. Лучшіе трагики французскіе умѣли во многихъ своихъ произведеніяхъ представить высокую идеализацію характеровъ и страстей. У многихъ изъ нихъ психологическій анализъ сердца и страсти веденъ съ особеннымъ совершенствомъ. Все дѣйствіе трагедіи лежитъ на развитіи страсти въ главномъ характерѣ, и потому часто вся судьба пьесы падаетъ на главнаго исполнителя. Простота дѣйствія, привлекающая съ перваго раза, и особенно прелесть стиха, достигшаго у Расина высокаго поэтическаго достоинства, выработаннаго до того, что онъ кажется роскошной игрушкой, принадлежатъ также къ достоинствамъ французской сцены. Этимъ обаяніямъ нельзя было не поддаться, когда Франція была законодательницею вкуса для всего образованнаго міра. По ту сторону пролива была болѣе богатая жизнь въ драмѣ, жизнь широкая, дѣйствительная, страстная, полная глубокаго юмора, гдѣ страшныя проклятія короля Лира смѣнялись ѣдкими насмѣшками шута, гдѣ дикія рѣчи леди Макбетъ прикрывались веселыми выходками привратника, но Шекспиръ на ареопагѣ вкуса былъ признанъ грубымъ и непросвѣщеннымъ дикаремъ, хотя Сумароковъ чрезъ французскую реторту и перенесъ къ намъ «Гамлета». Но что это за Гамлетъ! Только въ 1767 году

явилась умная критика Лессинга, и началась открытая борьба съ французскимъ вліяніемъ въ литературѣ.

Мы не станемъ подробно указывать всѣ тѣ мѣста, которыя взяты Сумароковымъ и переведены изъ Корнеля, Расина, Вольтера. Ограничимся болѣе подробнымъ разборомъ первой трагедіи Сумарокова «Хоревъ» (1747), какъ образца для послѣдующихъ, и скажемъ нѣсколько словъ о другихъ.

Дѣйствіе «Хорева» происходитъ въ Кіевѣ, въ княжескомъ домѣ, въ баснословныя времена Кія. Повидимому, сцена на Руси, и дѣйствительно, въ то время трагедію Сумарокова считали русскою, взятой изъ нашей исторіи. Тогда обращеніе къ такимъ отдаленнымъ и невѣрнымъ древностямъ, какъ тѣ, въ которыя развивается дѣйствіе трагедіи, было похвальнымъ. О русской исторіи были очень темныя понятія. Главнымъ источникомъ ея былъ «Синопсисъ» Гизеля, а о памятникахъ нашей исторіи, лѣтописяхъ, и помину не было. Только настоящее время начало сознавать отдаленное прошлое нашего отечества, а тогда чѣмъ отдаленнѣе была эпоха, чѣмъ неопредѣленнѣе бытъ ея и нравы, тѣмъ, по предписаніямъ условій теоріи, легче было поэту работать и создавать какіе угодно характеры. Объ исторической вѣрности, о правильномъ изображеніи данной эпохи нечего было и думать. Поэтому мы мало имѣемъ права упрекать Сумарокова за то, что лица его трагедіи не принадлежатъ никакому времени и никакому народу. У Расина было то же. Переименуйте Тезея, Британника, Полиника какъ угодно, перенесите сцену изъ Рима въ Египетъ, изъ Аѳинъ въ Индію, и вы нисколько не нарушите условій трагедіи Расина. Тутъ дѣло шло только о внутреннемъ развитіи человѣка, о коллизіяхъ трагическихъ, особенно долга и чувства — этомъ ржавомъ винтѣ ложно-классической трагедіи. Требовать нравовъ эпохи изображаемой, чтобъ Неронъ былъ Нерономъ, Эдипъ — Эдипомъ была неумѣстная тогда роскошь.

Въ *первомъ* актѣ требовалось, по правиламъ трагической теоріи, изложить положеніе дѣйствующихъ лицъ и обозначить будущую судьбу ихъ. Здѣсь знакомимся мы съ Оснельдою, дочерью прежняго кіевскаго владѣтеля Завлоха, которая, послѣ пораженія отца своего и овладѣнія городомъ его, Кіевомъ, осталась во власти побѣдителя — Кія. Дѣйствіе открывается тѣмъ, что Завлохъ подступилъ къ городу съ войскомъ, и Кій хочетъ освободить свою плѣнницу и выдать ее отцу. Оснельда и желаетъ и не желаетъ этой свободы. Въ напыщенномъ діалогѣ она повѣряетъ мамкѣ своей Астрадѣ, имѣющей въ трагедіи значеніе наперсницы, тайну своего сердца, любовь къ молодому брату врага своего рода — Хореву. Она разсказываетъ борьбу въ душѣ своей, борьбу между долгомъ и любовью. Это первая трагическая коллизія. Является Хоревъ, и она открываетъ ему свою преступную любовь. Въ груди Хорева та же борьба: онъ страстно любитъ Оснельду, а братъ и государь его посылаетъ сражаться съ отцомъ ея. Во *второмъ* актѣ, гдѣ начинается собственно уже дѣйствіе трагедіи. Сталь-

верхъ, бояринъ и наперсникъ Кія, вливаетъ въ душу его подозрѣнія насчетъ Хорева, разсказывая о любви его къ Оснельдѣ. Хоревъ уговариваетъ брата на миръ и на прекращеніе войны, съ которой борется его сердце, но, наконецъ, убѣжденный сознаніемъ долга, идетъ къ войску. Оснельдѣ повѣряетъ онъ внутреннюю борьбу свою, говоритъ ей, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ идетъ противъ отца ея. Въ *третьемъ* актѣ Оснельда получаетъ письмо отъ отца, которымъ онъ запрещаетъ ей любить Хорева, и въ отчаяніи хочетъ лишить себя жизни, но Астрада удерживаетъ занесенный кинжалъ. Приходитъ Хоревъ и узнаетъ о содержаніи письма. Въ разговорѣ съ Оснельдою онъ опять разсказываетъ борьбу свою, но долгъ одолѣваетъ, и, когда наперсникъ его приходитъ съ вѣстью о начавшемся подъ стѣнами Кіева сраженія, онъ спѣшитъ, скрѣпя сердце, къ оружію. *Четвертый* актъ открывается побѣдами Хорева надъ Завлохомъ, и Кій уже вѣритъ въ правоту своего брата, какъ вдругъ является Стальверхъ съ донесеніемъ о томъ, что Велькаръ, наперсникъ Хорева, освободилъ именемъ Кія изъ темницы плѣннаго и послалъ его съ письмомъ Оснельды во вражескій станъ. Призванный плѣнникъ подтверждаетъ это обстоятельство, говоря, что княжна велѣла ему объявить отцу ея, что она надѣется взойти на кіевскій тронъ. Кій рѣшается отравить Оснельду и велитъ надѣть на нее оковы. Напрасно призванная плѣнница, осыпая упреками Кія, старается оправдать и защитить передъ нимъ брата его. Кій не вѣритъ и отсылаетъ ее въ темницу, велитъ Стальверху подать ей кубокъ съ ядомъ. Въ *пятомъ* актѣ должна быть разрѣшена завязка трагедіи и рѣшена судьба всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Дѣйствіе послѣ монолога Кія открывается приходомъ наперсника Хорева съ мечомъ плѣннаго Завлоха. Кій вѣритъ, наконецъ, невинности брата, спѣшитъ послать къ Оснельдѣ и поздравить ее невѣстою княжескою, но посланный застаетъ ее уже мертвою. Между тѣмъ является Хоревъ съ Завлохомъ, который соглашается на бракъ своей дочери съ Хоревымъ, но вдругъ приносится извѣстіе о самоубійствѣ Стальверха. Кій долженъ разсказать о смерти Оснельды, и Хоревъ, послѣ длинныхъ тирадъ, закалывается. Смертью его оканчивается трагедія, какъ можно было догадаться сначала.

Разсказывая это содержаніе «Хорева», мы старались показать дѣйствіе въ этой трагедіи, но дѣйствія, собственно, въ ложноклассической трагедіи не было. Поэты выѣзжали на длинныхъ, напыщенныхъ тирадахъ дѣйствующихъ лицъ, на монологахъ, гдѣ герои откровенно разсказывали всѣмъ, что совершилось внутри души ихъ и, наконецъ, на длинныхъ разсказахъ наперсниковъ, объявлявшихъ зрителямъ о томъ, что совершилось за сценою, передававшихъ побудительныя причины дѣйствія въ присутствіи своихъ героевъ. Самую жизнь классическіе поэты какъ-будто боялись вывести на сцену. Не говоря о неумѣстности длинныхъ рѣчей и тирадъ, когда герой и героиня въ самую трудную минуту жизни стараются выражаться какъ можно

краснорѣчивѣе, не говоря о томъ, что вездѣ эти рѣчи не соотвѣтствуютъ историческому смыслу, напр. Оснельда (дѣйствіе III, явл. 2), говоря о любви своей, противной долгу, выражается такъ:

А свѣтъ, превратный свѣтъ того не разсуждаетъ,
Не праведнымъ судомъ, но злобой осуждаетъ,

забывая, что такія рѣчи не свойственны женщинамъ вѣка Кія, Щека и Хорева; надобно замѣтить, что въ этихъ рѣчахъ выражались понятія XVIII вѣка. Потому трагедіи этого вѣка имѣютъ историческое значеніе для современнаго имъ общества. Въ нихъ выражается одна изъ любопытнѣйшихъ сторонъ жизни общества, потому что поэты свой взглядъ современный переносили въ трагедію, напр. странное понятіе о долгѣ въ трагедіи Сумарокова «Вышеславъ». И вообще понятія о нравственности въ этихъ трагедіяхъ кажутся извращенными, потому что далеко не похожи на наши. Планъ этихъ трагедій былъ довольно плохъ, потому что о дѣйствіи не заботились. Въ «Синавѣ и Труворѣ» Гостомыслъ, который борется съ любовью своей дочери къ Трувору, совершенно необдуманно два раза оставляетъ ее наединѣ съ нимъ, а это вовсе не входитъ въ расчетъ его и совершенно противорѣчитъ его планамъ. Любовь была главною пружиною дѣйствія въ трагедіи, а такъ какъ въ обществѣ эта любовь не могла быть развита до драматизма, то всѣ трагедіи, а особенно русскія подражанія, являются намъ бѣдными содержаніемъ, вялыми и скучными. Много зависѣло тогда отъ исполнителей, отъ актеровъ, которые поневолѣ должны были быть декламаторами; поэтому, вѣроятно, успѣху Сумароковскихъ трагедій помогалъ Дмитревскій, и поэтъ часто слушался его. Извѣстность Дмитревскаго началась съ «Хорева».

Гриммъ, другъ энциклопедистовъ, въ одномъ мѣстѣ своей остроумной переписки говоритъ, что въ XVIII вѣкѣ, изъ всѣхъ произведеній человѣческаго разума, трагедія требовала меньше всего таланта и воображенія. И это совершенно справедливо. Образцы существовали. Содержаніе одно и то же, большею частью, любовь; стоило только присѣсть поэту — и трагедія готова. Всѣ трагедіи поэтому похожи одна на другую, и изобиліе ихъ такъ велико, что очень порядочную библіотеку можно составить изъ однѣхъ трагедій. У насъ также было много трагедій въ прошломъ вѣкѣ и своихъ и переводныхъ, и это неразработанное поле русской литературы, въ которомъ, безъ сомнѣнія, скрывается нѣсколько любопытныхъ фактовъ для исторіи ея, ждетъ своего воздѣлывателя.

Сумароковъ строго держался классическихъ образцовъ своихъ. Расинъ былъ его идеаломъ, дальше котораго онъ не шелъ и которымъ хотѣлъ быть на русской сценѣ. Но сущность содержанія трагедій Расиновыхъ была недоступна для Сумарокова, а по недостатку таланта онъ не могъ создать тѣхъ прекрасныхъ женскихъ типовъ, которые составляютъ славу Расина. Эти типы завѣщаны были Расину древностью; тутъ была связь историческая, несмотря

на поблѣднѣвшія нѣсколько черты, а у Сумарокова этого не могло быть.

Вторая трагедія Сумарокова была «Гамлетъ», появившаяся въ 1748 году, а игранная въ 1750 году. Это — темное, отдаленное и извращенное преданіе о датскомъ принцѣ Шекспира. Здѣсь у каждаго дѣйствующаго лица есть наперсникъ или наперсница, а у Офеліи даже мамка. Элементъ фантастическій, который придаетъ такую роскошную жизнь великому созданію англійскаго трагика, отброшенъ совершенно, согласно французской теоріи, по которой чудесное есть достояніе эпопеи, а никакъ не трагедіи. Третья трагедія — «Синавъ и Труворъ», одна изъ любимѣйшихъ публикою трагедій Сумарокова и часто даваемая на сценѣ, по свидѣтельству «Драматическаго словаря», играна была въ 1750 году и напечатана въ 1751 году. Она — изъ баснословныхъ временъ Новгорода, и весь интересъ заключается въ страсти двухъ братьевъ къ Ильменѣ, дочери Гостомысла. Четвертая трагедія — «Артистона», изъ временъ Кира, явилась въ одно время съ «Синавомъ и Труворомъ». Пятая — «Семира», изъ временъ Олега, играна была въ концѣ 1751 года. «Драматическій словарь» говоритъ о ней: «красота стиховъ и геройскіе характеры достойны уваженія и безсмертія автора» (стран. 124). Шестая — «Ярополкъ и Димиза», играна была въ первый разъ въ 1758 году. Здѣсь замѣчательны имена любимца и намѣстника Ярополка, составленныя Сумароковымъ, желавшимъ, можетъ-быть, русскихъ чертъ въ трагедіи: *Крѣпостатъ* и *Силотѣлъ*, но въ характерахъ ихъ нѣтъ ничего особенно русскаго. Седьмая — «Вышеславъ», представленная въ 1768 году изъ языческихъ временъ Новгорода. Восьмая трагедія Сумарокова изъ историческихъ временъ, уже нѣсколько ближе къ намъ — «Димитрій Самозванецъ». Она представлена была въ первый разъ въ 1771 году. Но, несмотря на историческое основаніе, она похожа на прежнія трагедіи Сумарокова. Онъ ввелъ сюда эпизодъ, неизвѣстный историкамъ: дикую любовь самозванца къ Ксеніи, дочери Шуйскаго, и выставилъ его самымъ страшнымъ трагическимъ злодѣемъ, въ сущности довольно смѣшнымъ, потому что онъ всѣмъ и на каждомъ шагу твердитъ о своихъ злодѣяніяхъ:

Зла фурія во мнѣ смятенно сердце гложетъ,
Злодѣйская душа спокойна быть не можетъ.

Очень спокойно и не скрываясь, объявляетъ онъ своему наперснику, что хочетъ отравить жену свою:

Я къ ужасу привыкъ, злодѣйствомъ разъяренъ,
Наполненъ варварствомъ и кровью обагренъ.

Въ монологѣ, въ концѣ втораго дѣйствія, когда самозванецъ остается одинъ съ своею совѣстью, эта совѣсть подымается тяжелымъ укоромъ въ душѣ его. Сумароковъ умѣлъ передать драматическую истину положенія самозванца лучше, нежели неестественный, мелодраматическій характеръ его. То же самое можно сказать и о моно

логѣ въ началѣ 5-го дѣйствія. Самозванецъ представленъ грубымъ и дикимъ злодѣемъ; въ немъ не замѣтно ни малѣйшей хитрости, которою отличался историческій самозванецъ. Какая разница между этимъ неестественнымъ героемъ Сумарокова и Ричардомъ III напр.!— Послѣдняя трагедія Сумарокова, представленная въ 1774 году, была «Мстиславъ». Дѣйствіе происходитъ въ Тмутаракани, и историческаго въ ней нѣтъ ничего.

Эти классическія трагедіи Сумарокова въ свое время считались образцами, и Херасковъ и Княжнинъ склонялись передъ авторитетомъ нашего поэта. Онъ былъ ихъ учителемъ въ дѣлѣ трагедіи. Онѣ имѣютъ историческое значеніе въ нашей литературѣ, и историку ея нельзя пройти ихъ молчаніемъ. На нихъ отразилось вліяніе вѣка, и стать выше существовавшей тогда теоріи онѣ не могли.

Что касается до трагедій Сумарокова по отношенію ихъ къ французскимъ образцамъ его, то, сравнивая тѣ и другія, мы легко увидимъ, какъ дѣтски-жалки, какъ ничтожны попытки Сумарокова создать лица, характеры, положенія, содержаніе трагедіи. Его пьесы представляютъ только внѣшній видъ трагедіи, сохраняя на первый разъ ея условія. Вы видите, что пьеса раздѣлена на пять актовъ, что выходятъ герои, говорятъ длинныя, напыщенныя рѣчи, спорятъ и шумятъ, и убиваютъ другъ друга и самихъ себя. Вся внѣшняя форма соблюдена удивительнымъ образомъ, но какое бѣдное содержаніе входитъ въ эту чужую, выработанную чужими усиліями, форму. Здѣсь содержаніе оказывается несостоятельнымъ передъ формою, что бываетъ довольно рѣдко въ искусствѣ. Лица трагедій Сумарокова похожи на маріонетокъ, водимыхъ за проволоку рукою ребенка. Мы не знаемъ, зачѣмъ они дѣйствуютъ, зачѣмъ выходятъ на сцену, зачѣмъ говорятъ и хлопочутъ на сценѣ. Ни одного правильнаго повода къ дѣйствію, ни одного исторически-созданнаго характера, и, возникая подобно тѣнямъ волшебнаго фонаря, они исчезаютъ въ глазахъ нашихъ, какъ тѣни безъ жизни, хотя съ яркими красками. Но виноватъ ли Сумароковъ въ пустотѣ драматическихъ лицъ своихъ, въ этомъ мишурномъ блескѣ, прикрывающемъ страшную бѣдность? Могла ли жизнь, окружавшая поэта, создать типы могучихъ характеровъ, полныхъ исторической правды и дѣйствительности? Нѣтъ, трагедія Сумарокова — раскрашенная яркими красками, но жалкая литографія съ болѣе достойнаго оригинала. Въ классической трагедіи Корнеля и Расина вы видите, какъ вѣковая жизнь историческая подымается передъ вами въ рельефныхъ и полныхъ внутренняго содержанія лицахъ. Вы слышите заглушенныя рыданія страсти древней женщины, величавой, какъ античная статуя, и вы дѣлаетесь участникомъ древней жизни, понимаете ее. Передъ вами выходитъ римская дѣвушка, брошенная въ коллизію между долгомъ къ вѣчному городу и страстью къ альбанскому юношѣ, врагу ея отечества, и эта борьба, понятная и дѣйствительная, будитъ въ душѣ вашей историческія воспоминанія. Суровый рыцарь Сидъ мститъ

за отца своего и женится на дочери убитаго врага; и условія средневѣковаго быта воплощаются въ лица, созданныя французскимъ трагикомъ. Дѣйствующія же лица трагедій Сумарокова не принадлежали никакой странѣ, никакому народу. Ни историческаго ни жизненнаго содержанія въ нихъ не было никакого, и ко всѣмъ трагедіямъ Сумарокова легко можно поставить эпиграфомъ извѣщеніе, находящееся при его трагедіи «Мстиславъ»: «Дѣйствіе происходитъ въ Тмутаракани!»

Буличъ.

Первая трагедія Сумарокова въ отношеніи ея къ современности.

Первая трагедія Сумарокова «Хоревъ», написанная въ 1747 году, останавливаетъ наше вниманіе по многимъ отношеніямъ. Не станемъ искать тамъ оригинальности въ формѣ, въ развитіи и пр.; все это намъ только покажетъ, что Сумароковъ прекрасно усвоилъ себѣ всѣ правила французской классической теоріи, въ непогрѣшимости которой вѣрилъ, какъ и вся тогдашняя литературная Европа. Не станемъ сравнивать его и съ знаменитыми его образцами: имъ онъ долженъ уступить и въ талантѣ, и въ изображеніи страстей, и въ умѣніи ставить лица въ истинныя трагическія положенія и пр.; его трагедія для нашей современности кажется слишкомъ слаба и по содержанію и по развитію, и стоитъ далеко ниже Расиновскихъ, хотя и тѣмъ мы уже мало сочувствуемъ. Но для насъ важно только то, что Сумароковъ первый перенесъ къ намъ форму тогдашней трагедіи, и при всей ея искусственности, умѣлъ въ ней выразить свои стремленія и тѣмъ тѣсно связать ее съ своею современностью. Здѣсь Сумароковъ впервые является писателемъ, который уже сознавалъ свое назначеніе и вникалъ, какъ онъ долженъ дѣйствовать на общество. Основаніе французской трагедіи, борьба личной страсти съ общественнымъ долгомъ, была хорошо понята имъ и пришлась очень кстати для тогдашней русской современности, гдѣ личные интересы не допускали яснаго сознанія интересовъ общественныхъ и въ большинствѣ слишкомъ ярко выдвигались передъ ними впередъ. Прояснить эти идеи было полезно и даже необходимо русскимъ людямъ, чтобы дѣйствовать на ихъ нравственную сторону, а прояснять въ дѣйствіи было вѣрнѣе, чѣмъ въ какой-нибудь рѣчи или въ отвлеченномъ разсужденіи. Такимъ образомъ, не выходя изъ предѣловъ, предписанныхъ французскою теоріею, Сумароковъ могъ и въ этой тѣсной трагической формѣ найти средства дѣйствовать на мысль своихъ современниковъ. Изображая величіе борьбы, гдѣ долгъ торжествуетъ, гдѣ страсть сама себя побѣждаетъ изъ сознанія святости этого долга, онъ приносилъ большую пользу общественной жизни и образованію; онъ становился посредникомъ между тѣмъ и другимъ. И это представленіе нельзя назвать у Сумарокова случайнымъ слѣдствіемъ подражанія, безъ сознанной ясно цѣли; нѣтъ, кто прочитаетъ вним

тельно его трагедію, тотъ убѣдится, что авторъ постоянно старается выставить на видъ эту борьбу, рѣзко опредѣлить и общественный долгъ и личныя страсти, которыя стали съ нимъ въ противорѣчіе.

Съ другой стороны, представляя людей съ возвышенными характерами, авторъ имѣлъ возможность влагать имъ въ уста мысли, которыя облагораживали человѣка и проясняли ему понятія объ его истинныхъ обязанностяхъ. Конечно, намъ эти мысли могутъ показаться общими мѣстами; но для того времени онѣ имѣли свой смыслъ, какъ прекрасныя поученія, и многіе зрители слушали ихъ не хладнокровно, а, напротивъ, сопровождали нерѣдко рукоплесканіями, что служитъ вѣрнымъ знакомъ близкаго отношенія монологовъ къ современности. Такимъ образомъ Хоревъ и Кій, одинъ, какъ военачальникъ, другой какъ князь, съ разныхъ сторонъ обрисовываютъ идеалъ человѣка, тотъ идеалъ, къ которому было направлено стремленіе тогдашнихъ лучшихъ людей.

Щедрота похвалы въ побѣдахъ умножаетъ
И человѣчество въ душахъ изображаетъ.
Или подобиться во бранныхъ дѣйствахъ намъ
Въ пустыняхъ яростно воюющимъ звѣрямъ,
Которые щадить невинныхъ не умѣютъ!
Не звѣри — люди мы! пусть звѣри свирѣпѣютъ!
Довольно безъ того мы кровь взаимно пьемъ,
Когда по должности сражаемся съ врагомъ
И защищеніе съ отмщеніемъ мѣшаемъ
Подъ видомъ мужества мы звѣрство возвышаемъ.
Какое имя злу лесть низкая дала?
Убійство и грабежъ — геройствомъ назвала!
Кому на свѣтѣ семъ повѣрить здѣсь возможно?
Хочу равно и ложь и истину внимать.
И слѣпо никого не буду осуждать.
Мнѣ жаль и лютаго злодѣя видѣть въ горѣ.
Князь — кормщикъ корабля, власть княжеская - море,
Гдѣ вѣтры, камни, мель препятствуетъ судамъ,
Желающимъ пристать къ спокойнымъ берегамъ.
Но часто кажутся и облака горами,
Летая вдалекѣ по небу надъ водами,
Которыхъ кормщику не должно обѣгать;
Но горы ль то иль нѣтъ, искусствомъ разбирать.

О время тяжкое порфиры и короны!
Законодавцу всѣхъ труднѣй его законы.
Во всей подсолнечной онъ славою гремитъ;
Но часто долженъ онъ и судъ употребить.
А милость винному, преступнику прощенье
Нерѣдко и царю и всѣмъ въ отягощенье.
Но мѣру правоты всегда ли льзя найти,
Чтобъ къ общему по ней блаженству намъ итти?
И сколько надобно монарху проницанья,
Коль хочетъ онъ носить вѣнецъ безъ порицанья!
И если хочетъ онъ въ величіи быть твердъ,
Быть долженъ праведенъ, и строгъ, и милосердъ
И уподобиться правителямъ природы,
Какъ должны подражать ему его народы.

Что всѣ эти мысли также не были случайнымъ философствованіемъ, а строго обдуманныя, имѣли поучительную цѣль, на это у насъ есть сознаніе самого Сумарокова. Въ просьбѣ своей къ императрицѣ Екатеринѣ онъ указываетъ на свои трагедіи, «наполненныя моралію и проповѣданіемъ добродѣтели»[1]). Своимъ героямъ онъ постоянно старается дать возвышенныя стремленія; а первый бояринъ Кія Сталверхъ, оклеветавшій Хорева и Оснельду, въ страшномъ угрызеніи совѣсти бросается въ Днѣпръ, называя себя злодѣемъ. Такимъ образомъ, все было обдумано въ пользу нравственной стороны трагедіи, и въ этомъ отношеніи она обращаетъ на себя вниманіе историка литературы.

Любовь Сумарокова, выраженная въ идилліяхъ, перешла и въ трагедію съ тѣмъ же характеромъ, хотя авторъ и хотѣлъ возвысить ее въ героическую страсть, заставляя ее питаться мыслію о насильственной, трагической смерти въ случаѣ неудачи.

Съ другой стороны, представляется намъ еще одна особенность, которую необходимо замѣтить. Усвоивъ себѣ французскую теорію, Сумароковъ хотѣлъ связать ее съ именемъ русской трагедіи: онъ обратился за содержаніемъ къ русской исторіи и, разумѣется, къ древнимъ, темнымъ временамъ ея, какъ французскіе поэты обращались къ древней исторіи Рима и Греціи. Этимъ онъ выказалъ свою мысль, которую потомъ нерѣдко повторялъ въ разныхъ видахъ, что русскому не слѣдуетъ совершенно отрываться отъ Россіи, а, напротивъ, необходимо обращаться къ предкамъ и у нихъ искать себѣ уроковъ. Это — первая мысль сближать два тогдашніе крайніе полюса, мысль, которая, между прочимъ, легла въ основаніе литературной дѣятельности Сумарокова и которую не оставляли дальнѣйшіе дѣятели на поприщѣ литературы. Тутъ мы видимъ какую-то смутную, еще невыясненную мысль о народности, у людей, уже отвлеченно сознавшихъ идеи общечеловѣческаго. Сумароковъ понималъ, что европейское образованіе не должно устранять все русское и измѣнять природныя черты русской физіономіи; ее онъ часто бралъ подъ свою защиту и дорожилъ своимъ народнымъ именемъ. Какое же содержаніе для своей трагедіи онъ могъ найти въ русской исторіи или, лучше, въ лѣтописи, бывшей у него подъ рукою? Конечно, для классической формы содержаніе нужно было выдумать, сообразно съ теоретическими требованіями и связать его съ какимъ-нибудь фактомъ, разсказаннымъ въ лѣтописи. Это-то и дѣлалъ Сумароковъ, да ничего болѣе и не могъ сдѣлать. Ему не возможно было и помышлять о тѣхъ требованіяхъ, какія теперь существуютъ у насъ для исторической драмы; русская жизнь древнѣйшаго періода не могла обрисоваться даже и тѣнью въ его трагедіи; у него не было даже никакихъ данныхъ, если бы онъ и хотѣлъ обрисовать ее. Повидимому, онъ воспользовался тѣми мелочами, какія зналъ, чтобы придать ей русскій характеръ, такъ напр.

[1]) Москвитянинъ, 1842 г., № 3, стран. 126.

Юпитеръ замѣненъ у него славянскимъ богомъ Перуномъ, Оснельдина наперсница названа мамкою и пр. т. п.; но все это еще не могло дать никакого колорита. По крайней мѣрѣ, мы видимъ желаніе обрусить классическую трагедію и сдѣлать приложеніе современной теоріи къ Россіи. Наконецъ, здѣсь была возможность выразиться и патріотическому чувству Сумарокова въ нѣкоторыхъ описаніяхъ, которыя имѣли прямое отношеніе къ его современности и, конечно, во многихъ встрѣтили сочувствіе. Вотъ, напр., описаніе сраженія, напоминающее тогдашнія воинственныя времена одъ:

Завущія на смерть по накрамъ громки бои,
Являютъ каковы россійскіе герои,
И что въ природѣ нѣтъ такова ничево,
Чтобъ въ ужасъ привести въ полкахъ могли ково,
Вы сами скажете державы сей сосѣды,
Колики одержалъ надъ вами Кій побѣды.
Которая земля прославилася такъ?
Здѣсь воинъ въ брань идетъ, подобно какъ на бракъ.
Какъ быстрая рѣка, ліяся чрезъ долины,
Что встрѣтитъ, все влечетъ съ собой въ морски пучины:
И разліяніемъ валъ ко устью горделивъ,
Отъемлетъ брегъ топя плоды съ далекихъ нивъ,
Таковъ есть нашъ народъ въ сраженіи жестокомъ,
Хоть смерть въ очахъ ево, онъ зритъ безстрашнымъ окомъ...

Вотъ въ какомъ видѣ и въ какихъ отношеніяхъ къ своей современности представляется намъ первая наша трагедія, съ которою Сумароковъ выступилъ на поприще русскаго писателя.

Стоюнинъ.

Содержаніе трагедіи Сумарокова «Хоревъ и ея ложно-классическій строй».

Русская трагедія появилась въ XVIII вѣкѣ. Первымъ по времени представителемъ ея былъ Сумароковъ (1718—1877). Мы остановимся на одной изъ лучшихъ трагедій его «Хоревъ».

Трагедія эта переноситъ насъ въ доисторическія времена кіевской древности, о которыхъ записано нѣсколько скудныхъ народныхъ преданій въ начальной русской лѣтописи. Сумароковъ взялъ одно изъ этихъ преданій и удержалъ изъ него только имена двухъ братьевъ — старшаго Кія и одного изъ младшихъ — Хорева, все же остальное самъ выдумалъ. Легко упрекать его за этотъ пріемъ, несообразный съ исторической правдой, но не нужно упускать изъ виду, что онъ не могъ почерпнуть изъ исторіи того, чего въ ней нѣтъ, такъ какъ въ настоящее время наука ничего не знаетъ о личной жизни Кія и Хорева, да и вообще мало знаетъ о жизни доисторическихъ обитателей Кіева. Можно сказать даже, что Сумароковъ сознательно искалъ въ туманѣ незапамятныхъ временъ героевъ для своихъ трагедій, желая не стѣснять своей фантазіи въ изображеніи человѣческой природы; но такъ

какъ нельзя представить себѣ человѣка внѣ опредѣленныхъ условій мѣста и времени, то Сумароковъ замѣнилъ неизвѣстное ему извѣстнымъ, поэтому и въ трагедіяхъ ею замѣтны нѣкоторыя черты его времени, перенесенныя въ баснословныя времена Кія.

Экспозиція въ трагедіи «Хоревъ» тянется чрезъ все первое дѣйствіе, въ которомъ обрисовываются отношенія между Хоревомъ и Оснельдой, дочерью Завлоха, бывшаго князя Кіевскаго, изгнаннаго Кіемъ. Завлохъ съ войскомъ подступилъ къ городу и требуетъ, чтобы Кій возвратилъ ему плѣнную дочь его. Но Оснельда питаетъ любовь къ врагу своему Хореву. Она открываетъ свою тайну Астрадѣ, мамкѣ своей, и говоритъ ей, что, повинуясь долгу, готова на разлуку съ Хоревомъ, если Кій отпуститъ ее (явл. I). Между тѣмъ Хоревъ извѣщаетъ Оснельду о согласіи Кія на требованіе отца ея и при этомъ не можетъ удержаться отъ выраженія своей горести по поводу разлуки съ нею. Онъ утѣшаетъ себя и ее мыслію, что «брань окончится любовью, не мечемъ», что Кій не будетъ препятствовать ихъ счастью. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній она рѣшается остаться въ Кіевѣ. Хоревъ совѣтуетъ ей написать отцу письмо съ извѣстіемъ о томъ, что она согласна на бракъ съ Хоревомъ, наслѣдникомъ престола (явл. II). Письмо Оснельды дало поводъ къ интригѣ: въ немъ же заключается и завязка трагедіи.

Второе дѣйствіе открывается драматическою интригой. Стальверхъ, бояринъ Кія, предупреждаетъ его, что Завлохъ, получивъ дочь, можетъ напасть на городъ, Кій не боится этого. Онъ увѣренъ въ любви къ нему его подданныхъ и въ героизмѣ своего брата. Стальверхъ забрасываетъ въ душу Кія сомнѣніе въ вѣрности Хорева (явл. 1). Является Хоревъ. Кій напоминаетъ ему, что отечество зоветъ его на брань. Хоревъ отвѣчаетъ ему:

Когда на жертву насъ злой смерти долгъ приноситъ,
Помремъ, но жертвы сей оно теперь не проситъ.

Онъ удивляется, почему Кій, всегда щадившій жизнь своихъ подданныхъ, теперь хочетъ воевать съ Завлохомъ, который

Дочери своей одной отъ насъ желаетъ,
А прочее все намъ безбранно оставляетъ.

Онъ не понимаетъ кровопролитія безъ всякой надобности и говоритъ:

Довольно въ варварствѣ мы кровь свою піемъ.
Когда по должности другъ друга мы біемъ
И защищеніе съ отмщеніемъ мѣшаемъ,
Подъ видомъ мужества мы звѣрство возвышаемъ.
Какое имя ты, лесть груба, злу дала?
Убійство и грабежъ геройствомъ назвала!

Скрѣпя сердце онъ повинуется своему долгу и обѣщаетъ Кію возвратиться назадъ съ головой Заволоха (явл. II).

Узнаетъ объ этомъ Оснельда и горько упрекаетъ себя въ томъ, что измѣнила своему отцу ради любви къ коварному Хореву. Она обращается къ Хореву съ вопросомъ:

> Взглянешь ли ты на лавръ веселыми глазами,
> Который орошенъ моими весь слезами?

Хоревъ проситъ боговъ, чтобы они спасли его честь и послали ему или смерть или забвеніе любви къ Оснельдѣ (явл. 6).

Въ третьемъ дѣйствіи наступаетъ поворотъ къ «злосчастію» героевъ, или же кульминаціонный пунктъ трагедіи. Оснельда получила отъ отца своего гнѣвное письмо, въ которомъ онъ упрекаетъ ее за то, что она полюбила врага своего. Напрасно Астрада старается успокоить ее, увѣряя, что наступитъ время, когда отецъ проститъ ее. Безутѣшная Оснельда хочетъ лишить себя жизни. Астрада говоритъ ей, что въ такомъ случаѣ и Хоревъ послѣдуетъ ея примѣру. Она показываетъ Хореву письмо Завлоха къ Оснельдѣ, которая умоляетъ Хорева пустить ее къ отцу. Хоревъ отвѣчаетъ ей, что онъ не можетъ быть измѣнникомъ отечества, что сама Оснельда не могла бы любить измѣнника (явл. 3). Велькаръ, наперсникъ Хорева, извѣщаетъ его, что «Завлохъ у самыхъ стѣнъ, и зачалась осада». Хоревъ поспѣшаетъ къ войску. «Разверзися земля и поглоти меня!» восклицаетъ Оснельда (явл. 4).

Съ этого момента начинается развязка трагедіи, или же пониженіе дѣйствія. Стальверхъ доноситъ Кію о перепискѣ между Оснельдой и отцомъ ея. Письма туда и назадъ носилъ плѣнникъ, выпущенный изъ темницы Велькаромъ по приказанію Хорева. Плѣнникъ подтверждаетъ, что онъ ходилъ съ письмомъ Оснельды къ Завлоху, который тоже писалъ ей о чемъ-то, а устно велѣлъ передать ей, чтобы она исполнила свой долгъ. Оснельда чистосердечно разсказываетъ Кію, что она испрашивала у отца позволенія вытти замужъ за Хорева, и что отецъ ея противъ этого брака. Кій требуетъ отъ нея письменнаго доказательства ея словъ. Оснельда отвѣчаетъ, что она разорвала письмо отца. Кій приговариваетъ ее къ смерти и посылаетъ ей кубокъ съ ядомъ (дѣйствіе IV).

Въ пятомъ дѣйствіи изображается катастрофа. Является Велькаръ съ Завлоховымъ мечомъ и извѣщаетъ Кія, что Завлохъ отдался въ плѣнъ. Кій понялъ все. Онъ приказываетъ одному изъ воиновъ бѣжать къ Оснельдѣ и объявить ей, что онъ даруетъ ей жизнь и свободу, но было уже поздно. Оснельда приняла ядъ. Ничего не зная объ этомъ, Завлохъ даетъ свое согласіе на бракъ ея съ Хоревомъ, а Кію между тѣмъ докладываютъ, что Стальверхъ бросился въ волны Днѣпра. Среди всеобщаго смятенія Хоревъ узнаетъ о своемъ несчастіи. Онъ обращается къ Кію съ просьбою, чтобы Завлоху и всему его войску дана была свобода, а самъ закалываетъ себя мечомъ.

Пересказывая содержаніе этой трагедіи, мы отмѣчали составныя ея части, правильно расположенныя по опредѣленному, строго

обдуманному плану. Повидимому, есть въ ней все, что требуется отъ трагедіи, а между тѣмъ не производитъ она глубокаго и сильнаго впечатлѣнія. Объясняется это въ значительной степени свойствомъ таланта Сумарокова, который не обладалъ въ достаточной мѣрѣ живымъ чувствомъ душевныхъ движеній, обязательнымъ въ поэтическомъ творчествѣ. Но есть въ трагедіи Сумарокова недостатки, объясняемые литературной школой, которая въ его время господствовала во всей Европѣ. Эта была та же псевдоклассическая французская школа, съ которою мы отчасти знакомы по отраженію ея въ лирическихъ и эпическихъ произведеніяхъ русской поэзіи XVIII вѣка. Сумароковъ былъ сознательнымъ и усерднымъ ученикомъ этой школы и гордился тѣмъ, что своими драматическими произведеніями онъ «явилъ театръ Расиновъ россамъ». Театръ еще въ XVII вѣкѣ выработалъ теорію драмы, которою руководствовался Сумароковъ. Не входя въ подробности этой теоріи, мы остановимся на тѣхъ особенностяхъ ея, которыя ясно выступаютъ въ трагедіи Сумарокова.

Кромѣ единства дѣйствія, безусловно необходимаго во всякой драмѣ, французская теорія требовала еще двухъ единствъ мѣста и времени, въ силу которыхъ дѣйствіе не должно было выходить за предѣлы одного города и продолжиться болѣе однѣхъ сутокъ. Объ этихъ послѣднихъ двухъ единствахъ Сумароковъ въ своей «Эпистолѣ о стихотворствѣ» говоритъ слѣдующее:

Не тщись глаза и слухъ различіемъ прельстить
И бытіе трехъ лѣтъ мнѣ въ три часа вмѣстить:
Старайся мнѣ въ игрѣ часы часами мѣрить,
Чтобъ я, забывшися, возмогъ себѣ повѣрить,
Что будто не игра то дѣйствіе твое,
Но самое, тогда случившись, бытіе.
Не сдѣлай трудности и мѣстомъ мнѣ своимъ,
Чтобъ мнѣ, театръ твой зря, имѣючи за Римъ
Не полетѣть въ Москву, а изъ Москвы къ Пекину:
Всмотряся въ Римъ, я Римъ такъ скоро не покину.

Изъ этихъ словъ видно, что, подъ защитой единства мѣста и единства времени, Сумароковъ надѣялся сохранить внѣшнее правдоподобіе драматическаго дѣйствія и стремился къ тому, чтобы оно было точнымъ снимкомъ съ дѣйствительности. Но посмотримъ, что изъ этого вышло.

Слѣдуя французскимъ образцамъ, онъ постоянно изображалъ столкновеніе любви и долга въ душѣ своихъ героевъ, но мы не знаемъ, какими нитями прикрѣплены эти чувства къ личности героевъ, къ индивидуальнымъ особенностямъ характера ихъ, не знаемъ и самыхъ этихъ особенностей, дающихъ тотъ или другой отпечатокъ любви и долгу. Въ самомъ дѣлѣ, кто такой Оснельда и Хоревъ не какъ герои, а просто какъ люди въ сферѣ своихъ обычныхъ настроеній и склонностей. Въ Хоревѣ мелькаютъ еще нѣкоторыя черты, навѣянныя міровоззрѣніемъ писателя и образованныхъ современниковъ его: мы разумѣемъ утонченныя понятія его о войнѣ и варварскихъ по-

слѣдствіяхъ ея, о долгѣ и чести, о человѣколюбіи и справедливости. Въ Оснельдѣ же ничего нѣтъ, кромѣ безконечнаго стона о любви, для которой жертвуетъ она своимъ долгомъ. Вотъ почему страданія нашихъ героевъ не имѣютъ психологическаго правдоподобія, не вытекаютъ съ неизбѣжною послѣдовательностью изъ своеобразныхъ проявленій ихъ мысли, чувства и воли, — потому-то и самая гибель ихъ не волнуетъ и не трогаетъ насъ. Такимъ образомъ въ трагедіи «Хоревъ» нѣтъ истиннаго единства дѣйствія. Замѣняется оно единствомъ интриги. Безъ Стальверха и его коварныхъ происковъ не было бы и катастрофы, не было бы и самой трагедіи. Что касается до единства мѣста и единства времени, то они строго выдержаны въ трагедіи «Хоревъ». Между тѣмъ именно эти единства, выведенныя изъ ложно понятнаго ученія Аристотеля о драмѣ, и составляютъ самое больное мѣсто французской драмы. Они задерживаютъ ходъ ея, такъ какъ нельзя изобразить надлежащимъ образомъ *характеръ въ дѣйствіи*, если самое дѣйствіе приковано къ одному мѣсту и длится всего нѣсколько часовъ. Оттого и въ трагедіи Сумарокова взамѣнъ характеровъ выдвинуты страсти, или, лучше сказать, одна страсть—любовь, овладѣвшая героями, да и самая страсть эта изображается не въ разные моменты развитія ея, а въ періодъ сильнаго возбужденія, — передъ самой катастрофой.

Понятно послѣ того, что дѣйствіе, ограниченное тѣсными предѣлами мѣста и времени и мотивированное только страстью, само себя не объясняетъ и нуждается поэтому въ объясненіяхъ, отчасти лирическаго, отчасти эпическаго характера. Отсюда — длинные монологи дѣйствующихъ лицъ, высказывающихъ свои задушевныя чувства. Отсюда же присутствіе такихъ лицъ въ трагедіи Сумарокова, которыя не столько дѣйствуютъ, сколько разсказываютъ о дѣйствіи. Таковъ, напримѣръ, наперсникъ Хорева Велькаръ, сообщающій Кію о побѣдѣ Хорева надъ Завлохомъ въ длинной рѣчи, состоящей изъ 65 стиховъ. Къ этому нужно прибавить, что Сумароковъ старался усвоить и изысканнный тонъ французской классической драмы, которая развилась въ придворной обстановкѣ временъ Людовика XIV, требовавшей на сценѣ изображенія обычаевъ и нравовъ высшаго французскаго общества и не допускавшей ничего простонароднаго, забавнаго и смѣшного. Возвышенному строю мыслей и чувствъ въ ней должны были соотвѣтствовать возвышенныя, патетическія рѣчи безукоризненнаго художественнаго стиля. Вотъ этотъ стиль и былъ недоступенъ Сумарокову, такъ какъ въ его время литературный русскій языкъ не выработанъ еще былъ для выраженія разнообразныхъ и тонкихъ движеній души человѣческой. Недоступенъ былъ ему также и глубокій анализъ страстей человѣческихъ, которымъ отличаются произведенія такихъ первоклассныхъ поэтовъ, какъ Корнель и особенно Расинъ. Сумароковъ усвоилъ только архитектурное построеніе французской трагедіи съ ея недостатками, но безъ ея достоинствъ

Житецкій.

Идеалы Сумарокова, проводимые въ трагедіи и общественное ихъ значеніе.

Два главные идеала чаще всего представляетъ Сумароковъ, — идеалъ человѣка и народнаго правителя; съ ними онъ соединяетъ большую часть общественныхъ вопросовъ, служащихъ къ объясненію идеи истиннаго образованія. Характеръ идеаловъ всегда зависитъ отъ характера современной эпохи, которая и вызываетъ ихъ къ жизни; потому, чтобы опредѣлить ихъ, нужно обратить вниманіе на связь ихъ съ дѣйствительностью, окружавшею писателя. Мы уже отчасти видѣли, что эта была за дѣйствительность въ эпоху, современную Сумарокову: въ массѣ русскаго общества еще не была прояснена идея о высоконравственномъ человѣкѣ, о святомъ общественномъ долгѣ; человѣкъ, по большей части, жилъ для себя, для своихъ личныхъ интересовъ въ самомъ грубомъ эгоизмѣ; многіе, въ сношеніяхъ съ равными себѣ людьми, казались и добрыми, и прекрасными; но лишь только дѣло касалось общественныхъ интересовъ, тутъ ихъ понятія противорѣчили съ разумностью и съ законами, склоняясь въ пользу отдѣльныхъ личностей: они искали счастія только во внѣшности и къ этому направляли свои помыслы: законы, правда, честь многимъ казались врагами, которые страхомъ наказанія удерживали ихъ личныя эгоистическія стремленія; но многіе не отказывались, если представлялся случай, обмануть этихъ враговъ ловкостью и хитростью и незамѣтно проскользнуть мимо нихъ; въ ихъ понятіяхъ это не было преступленіемъ. Конечно, и въ наше время встрѣчаются такіе люди, но число ихъ несравненно менѣе, и дѣйствуютъ они не съ такой грубостью, не съ такимъ сознаніемъ своего личнаго права, а главное — ихъ казнитъ общественное мнѣніе, уже выработавшее себѣ идею о нравственномъ благородствѣ; въ наше время такіе люди дѣлаютъ безсовѣстные поступки въ тайнѣ, сознавая свою безсовѣстность и пріискивая ей оправданіе; тогда же все это дѣлалось как будто по праву. Изъ этого видно, какія главныя черты должны были обрисовывать идеальнаго человѣка, къ которому стремились лучшіе люди. Онъ долженъ былъ олицетворить идею самаго строгаго долга, гдѣ общественное благосостояніе занимаетъ первое мѣсто и гдѣ должна смолкать всякая личная страсть, если она не можетъ назваться добродѣтелью. Этотъ идеалъ находитъ себѣ честь только въ одномъ исполненіи долга, и за него готовъ вытерпѣть всѣ страданія и муки, и даже смотритъ на нихъ какъ на что-то пріятное. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ Гостомыслъ въ трагедіи «Синавъ и Труворъ»:

Гдѣ должность говоритъ или любовь къ народу,
Тамъ нѣтъ любовника, тамъ нѣтъ отца, ни роду.
Кто должности своей храненіе являетъ,
Храня се въ бѣдахъ, свой духъ успокояетъ:

Страдая за нея, когда онъ помнитъ то,
За что онъ мучится, вся мука та ничто.
Коль чистая душа не хочетъ быть превратна,
За добродѣтели и мука ей пріятна[1]).

Этотъ идеалъ страшится уже одной мысли подать подозрѣніе, что личная страсть взяла верхъ надъ долгомъ, какъ, напр., выражаетъ это Гамлетъ Сумарокова:

Умри!... но что потомъ въ несчастной сей странѣ
Подъ тяжкимъ бременемъ народъ речетъ о мнѣ?
Онъ скажетъ, что любовь геройство побѣдила
И мужество мое тщетою учинила,
Что я мнѣ данну жизнь безславно окончалъ
И малодушіемъ токъ крови проливалъ,
Котору за него пролить мнѣ должно было.
Нельзя мнѣ умереть — исполнить надлежитъ,
Что совѣсти моей днесь истина гласитъ.

Этотъ идеалъ обязанъ во имя долга безпрестанно бороться и съ людьми и со своими страстями; слѣдственно, отличительнымъ его качествомъ должно быть геройство, но геройство не варварское, основанное не на матеріальной силѣ, а, напротивъ, на лучшихъ стремленіяхъ души — истинѣ, правдѣ, добродѣтели, мягкосердіи; это его главныя черты:

Любовь къ отечеству есть перва добродѣтель
И нашей честности не споримый свидѣтель;
Не только можно быть героемъ безъ нея,
Не можно быть никакъ и честнымъ человѣкомъ[2]).

Кто хочетъ помнить долгъ, не можетъ быть злобенъ, говоритъ Труворъ, или какъ выражается Гамлетъ:

Сердце благородно
Быть должно праведно, хоть плѣнно, хоть свободно...
Во гнѣвѣ человѣкъ лютѣйшій самый звѣрь.

Только въ борьбѣ человѣкъ можетъ выказать все величіе своей души, и только въ бѣдахъ показать, какъ сильно вкоренена въ немъ добродѣтель. Въ трагедіи «Артистона» наперсница Мальмира говоритъ персидской царевнѣ Федимѣ:

Оставь въ лукавствѣ міръ, ты истиной живи.
Когда угодна жизнь по радостямъ катится,
Великія души тогда еще не зрится:
Какъ не прикоснется спокойствію бѣда.
Духъ слабостей лишенъ и бодрствуетъ всегда.
Но какъ чувствительно нашъ разумъ огорчится,
Тогда, коль бодръ нашъ духъ, тогда лишь объявится.
Пусть счастье звѣрствуетъ, ты бѣдства презирай,
Что добродѣтель въ вѣкъ, не разлучайся съ нею,
Въ ней счастіе ищи.

---

[1]) Сочин. Сумар. часть 3, стран. 150.

[2]) Изъ одной эпистолы Сумарокова, написанной, какъ можно догадываться, великому князю Петру Ѳеодоровичу.

Выбираю болѣе рѣзкіе примѣры изъ многихъ, разсѣянныхъ въ трагедіяхъ Сумарокова. Общественному счастію, основанному на истинѣ и добродѣтели, мѣшаютъ эгоизмъ и личныя страсти:

Нѣтъ счастья на землѣ, на небесахъ оно
Оставлено богамъ и смертнымъ не дано...
Дано, но мы его страстями разрушаемъ,
Другъ друга общаго спокойствія лишаемъ.
Гдѣ только человѣкъ печется о себѣ,
Жилища тамо нѣтъ, о истина, тебѣ,

говоритъ Гостомыслъ, весьма ярко представляя идею Сумарокова. Обязанность идеальнаго человѣка — приводить въ гласность неправду и всѣ поступки людей, противорѣчащихъ идеалу. По словамъ Гамлета,

Кто слышачи молчитъ о мерзостныхъ дѣлахъ;
Не добродѣтеленъ, но лютъ въ моихъ глазахъ.
Разбойникъ такъ какъ тотъ, ково кто умерщвляетъ,
И тотъ, кто вѣдая, ту тайну сокрываетъ.

По этому убѣжденію Сумароковъ дѣйствовалъ всю жизнь: онъ постоянно кричалъ противъ неправды и рѣзко выставлялъ ее. Но спросимъ въ заключеніе, гдѣ же этотъ идеальный человѣкъ будетъ искать успокоенія, награды и утѣшенія за свою постоянную борьбу? На это онъ отвѣчаетъ самъ въ лицѣ Гостомысла, Оскольда (тр. Семира), Семиры и др.

Забавы, счастіе переходятъ такъ, какъ тѣнь,
И весь нашъ краткій вѣкъ минется такъ, какъ день,
А если въ животѣ мы чѣмъ тебя прославимъ,
Мы имя симъ твое надолго жить оставимъ.
Не вѣчно въ свѣтѣ жить родится человѣкъ,
Но вѣчно будетъ тотъ иль очень долгославенъ,
Кто въ злополучіи и въ счастіи былъ равенъ.

Во злополучіи никто хоть намъ не льститъ,
Но добродѣтели и молча всякій чтитъ.

Мучительно сіе природѣ бремя несть,
Какъ съ животомъ отъ насъ отходитъ наша честь.

Вотъ какъ создался идеальный человѣкъ Сумароковской эпохи и вотъ какіе подвиги предназначались ему. Отъ него заимствуетъ свои черты и другой идеалъ — народнаго правителя и царя, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ и черты особенныя, которыя также связываютъ его съ эпохою. Съ одной стороны, русское правительство, идя впереди своихъ подданныхъ въ дѣлѣ образованія, выказывало много заботъ въ своихъ учрежденіяхъ, стараясь кроткими мѣрами смягчать нравы народа и направлять его къ добру; съ другой стороны, многія злоупотребленія и закоснѣлость въ общественной жизни требовали отъ правительства мѣръ строгихъ, устрашающихъ, законовъ немилующихъ никого изъ преступныхъ людей, и защищающихъ всякаго обиженнаго, притѣсненнаго, немощнаго. Изъ этихъ

положительныхъ качествъ правительства и отрицательныхъ общества и образовался тотъ идеалъ, черты котораго разсѣяны во всѣхъ трагедіяхъ Сумарокова. Вотъ какъ онъ представляется въ описаніи Гертруды, матери Гамлета:

Царь мудрый есть примѣръ всей области своей,
Онъ правду паче всѣхъ подвластныхъ наблюдаетъ
И всѣ свои на ней уставы созидаетъ,
То помня завсегда, что краток смертныхъ вѣкъ,
Что онъ въ величествѣ такой же человѣкъ.
Рабы его ему любезныя суть чады,
Отъ скипетра его ліется токъ отрады,
Милъ праведнымъ на немъ и страшенъ злымъ вѣнецъ
И не приблизится къ его престолу льстецъ[1]).

или какъ Артистона говоритъ персидскому царю Дарію:

Ты правосудіе и милость наблюдалъ
И подданнымъ своимъ въ себѣ примѣръ являлъ,
Что человѣчество отъ звѣрства отдѣляетъ
И чѣмъ насъ естество отъ скотства возвышаетъ...
Въ рукахъ имѣя скиптръ и на главѣ вѣнецъ,
Преступниковъ каралъ, невиннымъ былъ отецъ...
Хотя и славится народовъ повелитель,
Но славнѣе еще отечества любитель;
Гдѣ къ обществу любовь съ вѣнцомъ сопряжена
О коль тогда, о коль блаженна та страна!
Коль покрываетъ царь рабовъ своихъ щедротой,
Они за честь его льютъ кровь свою съ охотой...

Двѣ черты царственнаго идеала особенно выдаются передъ прочими во всѣхъ описаніяхъ Сумарокова — это любовь къ отечеству, соединенная съ самою строгою правдою, и безпощадная кара людямъ, вреднымъ общественному благосостоянію. Явныя и грубыя злоупотребленія среди русскаго общества внушили Сумарокову убѣжденіе, что только одна строгая казнь можетъ очистить это общество отъ злодѣевъ, торгующихъ совѣстью и тѣми священными правами, на которыхъ основываются общественное счастіе и спокойствіе. Мысль эту Сумароковъ потомъ развивалъ во многихъ сочиненіяхъ. Ее внушила ему любовь къ отечеству и ближнему. Но въ то же время онъ даетъ своему идеалу сердце милостивое и заставляетъ его отличить человѣческія слабости отъ грубыхъ пороковъ; за первыя онъ вступается и проситъ имъ снисхожденія и милости; на вторые указываетъ, какъ на язву, которую необходимо уничтожать съ корнемъ. Въ эпистолѣ къ великому князю Петру Өеодоровичу, описывая идеалъ царя, котораго сердце наполнено щедротами и жалостью, онъ прибавляетъ:

Но съ слабостію я злодѣйства не мѣшаю,
И беззаконниковъ я симъ не утѣшаю:
Рождаются они ко общему вреду
И подвергаются строжайшему суду.

---

[1]) Сочин. Сумар., часть 3, стран. 78.

Мужъ пагубный грѣшитъ отъ предпріятья злого,
Царь праведный грѣшитъ, ему являя благо.
И тако тяжкій грѣхъ злодѣя извинить,
Но тяжче грѣхъ еще за слабости казнить.

Точно такъ же говоритъ и Семира Олегу:

Въ судѣ противъ бездѣльствъ имѣя сердце твердо,
Взирай на слабости людскія милосердо.

Къ числу злодѣевъ Сумароковъ относитъ льстецовъ:

Льстецы не обществу работать осуждены,
Льстецы боготворятъ ласкательствомъ царей,
О пользѣ не его пекутся, о своей,
Не сынъ отечества ласкатель, но злодѣй.
Коль хочетъ наказать царя когда Создатель,
Льстецами окружитъ со всѣхъ сторонъ его:
Не зритъ онъ вѣрнаго раба ни одного,
И будетъ онъ врагамъ своимъ щедротъ податель[1]).

Какъ въ борьбѣ за долгъ простому подданному нуженъ героизмъ, такъ онъ нуженъ и царю, чтобы не поддаться лести, гдѣ нужна правда, или чувству жалости, гдѣ нужно произнести казнь. Это мы уже видѣли въ монологѣ Кія, но еще рѣзче представляется въ лицѣ Олега въ трагедіи Семира, гдѣ онъ борется съ мыслью о правосудіи и съ жалостью, подписывая смертный приговоръ Аскольду. Наконецъ, представимъ еще одинъ монологъ изъ трагедіи Синавъ и Труворъ: онъ ярче чѣмъ гдѣ-нибудь обрисовываетъ царственный идеалъ и притомъ имѣетъ видимое отношеніе къ двумъ современнымъ царственнымъ особамъ — императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ и великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

Говоритъ Гостомыслъ своей дочери:

Взошедъ на тронъ, будь мать народа своего,
Ищи утѣхъ среди величества и славы;
Не гордости тебѣ отецъ искать велитъ,
Престолъ не тѣмъ людей великихъ веселитъ,
Но чтобъ ты сѣяла повсюду добродѣтель,
На то имѣетъ власть надъ обществомъ владѣтель.
Онъ всѣ съ высокаго сѣдалища страны,
Которы отъ боговъ ему поручены,
Объемля взорами, брежетъ и учреждаетъ,
Искореняетъ ложь и правду учреждаетъ...
Отъ скверныхъ льстивыхъ устъ ты уши отвращай
И въ утѣсненіи невинныхъ защищай.
Храни незлобіе, людей чти въ чести твердыхъ,
Отъ трона удаляй людей немилосердныхъ:
И огради его людьми такихъ сердецъ,
Какое показалъ, имѣя твой отецъ.
Превозноси людей ко правдѣ прилѣпленныхъ,
Разумныхъ и честныхъ, искусствомъ укрѣпленныхъ,
Премудрости во всѣхъ послѣдуй ты дѣлахъ,
И спутницей имѣй ее во всѣхъ путяхъ.

---

[1]) Сочин. Сум., часть 1, стран. 327—28.

Покровомъ будь сиротъ, прибѣжищемъ вдовицъ.
Яви ты истину подъ именемъ царицы
И добродѣтель здѣсь, гнушаяся тщеты,
Яви во образѣ дѣвичьей красоты.
Надеждой веселись, что ты себя прославишь
И подданнымъ своимъ златые дни возставишь[1]).

Всѣ эти стихи для того времени не были общими мѣстами; они, напротивъ, составляли тѣ нервы, которые связывали трагедіи съ современностью. Всѣ ихъ лица служили олицетвореніемъ стремленій и мыслей лучшихъ людей и если не имѣютъ значенія въ искусствѣ, то имѣютъ для насъ значеніе историческое. Содержаніе для всѣхъ ихъ Сумароковъ выдумывалъ по извѣстной теоріи такъ же, какъ выдумалъ его и для Хорева, одушевляя лица не дѣйствительною жизнію, а тѣми мыслями, которыя хотѣлъ передать обществу, чтобы разъяснять и очищать его понятія. Потому не станемъ въ Гамлетѣ Сумарокова искать Шекспировскаго Гамлета, котораго тамъ не найдемъ и тѣни; его содержаніе авторъ перекроилъ по французской мѣркѣ, давъ ему то назначеніе, для котораго писалъ всю свою трагедію; тутъ онъ остался вѣренъ самому себѣ. Онъ самъ говоритъ: «Гамлетъ мой кромѣ монолога въ окончаніи третьяго дѣйствія и Клавдіева на колѣни паденія, на Шекспирову трагедію едва едва походитъ»[2]). Означенный монологъ есть извѣстный «быть или не быть», впрочемъ значительно измѣненный; онъ, какъ видно, производилъ на Сумарокова сильное впечатлѣніе, потому что и въ другихъ его трагедіяхъ встрѣчаются разсужденія героевъ на ту же тему, что даже замѣтилъ и французскій критикъ Сумарокова Лагарпъ. Вольтеровскій взглядъ на Шекспира повторился и во взглядѣ нашего писателя, который называлъ великаго англійскаго поэта непросвѣщеннымъ[3]), хотя и признавалъ въ немъ геніальность.

Стоюнинъ.

Трагедіи Сумарокова.

Лучшими трагедіями Сумарокова у современниковъ считались: «Хоревъ», «Синавъ и Труворъ», «Семира», «Дмитрій Самозванецъ» и «Мстиславъ». Сюжетъ «Хорева» взятъ изъ баснословныхъ временъ Кіева. Русскій князь Кій разбилъ кіевскаго князя Завлоха, овладѣлъ Кіевомъ и взялъ въ плѣнъ дочь Завлоха, Оснельду. Но спустя 16 лѣтъ, побѣжденный Завлохъ, собравъ войско, подступилъ къ Кіеву и требуетъ выдачи Оснельды. Кій согласенъ выдать ему Оснельду; но Оснельда полюбила брата Кія, Хорева, который также любитъ ее взаимно. Мамка Астрада говоритъ Оснельдѣ:

[1]) Сум. соч. часть III, стран. 164.
[2]) Соч. Сумар. часть X, стран. 103.
[3]) «Эпистола о стихотворствѣ».

«Княжна! сей день тебѣ свободу обѣщаетъ,
Въ послѣднія тебя здѣсь солнце освѣщаетъ.
Завлохъ, родитель твой, пришелъ ко граду днесь,
И вооружаются ко оборонѣ здѣсь.
Ужъ носится молва по здѣшнему народу,
Что Кій, страшася бѣдствъ, даетъ тебѣ свободу».

На это Оснельда отвѣчаетъ Астрадѣ:

«О день, когда то такъ, день радости и слезъ!
Щедрота поздняя разгнѣванныхъ небесъ,
Смѣшенна съ казнію и лютою напастью!
Чрезъ пущую бѣду отверзся путь ко щастью.
Астрада, мнѣ уже свободы не видать,
Я здѣсь осуждена подъ стражею страдать».

Оснельда объявляетъ ей, что она любитъ Хорева:

Въ печальной сей странѣ
О томъ ли помышлять Оснельдѣ надлежало?
Но ахъ, вошло во грудь сіе змѣино жало!
Ты сказывала мнѣ отцово житіе,
И многажды при томъ плачевно бытіе,
Какъ смерть голодная народы пожирала,
И слава многихъ лѣтъ въ одну минуту пала.
Благополучный Кій побѣду одержалъ,
Родитель мой тогда въ пустыни убѣжалъ.
. . . .
А я, въ плѣненіе сіе низвергшись году,
Не помню ни отца, ни матери, ни роду;
Однако кровь во мнѣ во всѣ шестнадцать лѣтъ,
Какъ помнить я могу, отмщенье воніетъ.
Я сказанное мнѣ плачевно время вижу,
И рода моего убійцу ненавижу.
Но ахъ! Хоревъ въ тѣ дни хотя младенецъ былъ,
Онъ Кію братъ, увы... а мнѣ, Астрада, милъ».

О любви Хорева доноситъ Кію бояринъ Стальверхъ, возбуждая въ Кіѣ подозрѣніе насчетъ вѣрности Хорева. Кій призываетъ Хорева и говоритъ ему:

«Примай оружіе, се долгъ тебя зоветъ,
И слава на поляхъ тебя съ побѣдой ждетъ,
Котора много разъ вѣнцы тебѣ сплетала,
Когда твоя рука въ народы смерть метала.
Вели въ трубы гласить, и на враговъ возстань,
Кинь въ вѣтры знамена и исходи на брань.
Ступай и побѣди и возвратися славно,
Какъ съ скиоскія войны подъ лаврами недавно.

Но Хоревъ старается отклонить Кія отъ сраженія, указывая на тѣ страшныя бѣдствія, какія производитъ война:

«Наукѣ бранной ты Хорева самъ училъ,
Я имя славное тобою получилъ.
И ты пять лѣтъ мнѣ самъ свидѣтель былъ вседневно,
Страшился ль я когда враговъ во время гнѣвно.

Какъ сталъ ты немощенъ, я твой намѣстникъ сталъ.
И воинствомъ уже я самъ повелѣвалъ.
Въ трудахъ и подвигахъ возросъ и укрѣпился,
И безпокойствовать безскучно научился.
Но сколько воиновъ смерть алчна пожрала?
Возбудитъ ли вдовамъ супруговъ ихъ хвала,
Что въ мужествѣ своемъ съ мечьми въ рукахъ заснули,
И трупы ихъ въ крови противничей тонули?
Колико въ снѣдь звѣрямъ отцовъ, супруговъ, чадъ
Повержено мечемъ? колико душъ взялъ адъ?
Когда на жертву насъ злой смерти долгъ приноситъ,
Помремъ; но жертвы сей теперь она не проситъ.
Когда народъ спасти не можно безъ нея,
Мы въ пропасть снидемъ всѣ, и первый сниду я;
Но нынѣ страха нѣтъ народу и коронѣ,
А мечь дается намъ лишь только къ оборонѣ».

Но Кій не вѣритъ Хореву и говоритъ ему:

«Нѣтъ, князь, нейти на брань не ту вину имѣешь,
Что ты о воинствѣ печешься и жалѣешь.
Твою я вижу мысль и чту въ умѣ твоемъ,
О чемъ ты сѣтуешь въ смятеніи своемъ:
Ты хочешь, чтобъ княжна свободу воспріяла».

Кій заставляетъ Хорева сражаться съ Завлохомъ, а Оснельду заключаетъ въ оковы. Но когда Хоревъ и наперсникъ его, Велькаръ, взяли въ плѣнъ Завлоха, то Кій, убѣдившись въ невинности Хорева, приказалъ освободить Оснельду; но посланные нашли ее уже умершею; Хоревъ, узнавъ о ея смерти, закалывается; Стальверхъ также оканчиваетъ свою жизнь самоубійствомъ.

«Въ Синавѣ и Труворѣ» изображено соперничество въ любви двухъ братьевъ. Новгородскій бояринъ Гостомыслъ обѣщалъ выдать замужъ дочь свою, Ильмену, за князя Синава; но Ильмена уже любитъ брата его Трувора и сама имъ любима. Труворъ объявляетъ Синаву о своей любви къ Ильменѣ; Синавъ и самъ сознаетъ нерасположеніе къ себѣ Ильмены, но не можетъ побѣдить своей страсти. Во время объясненія братья съ мечами бросаются другъ на друга, но Ильмена разнимаетъ ихъ. Гостомыслъ убѣждаетъ Ильмену преодолѣть свою страсть и выйти за Синава; она согласилась, но Труворъ не могъ пережить своего горя и закололъ себя мечомъ. Когда Ильмена узнала объ этомъ, то и сама закололась. Синавъ, считая себя виновникомъ ихъ смерти, хочетъ также умертвить себя. Онъ говоритъ:

«Уже ты все теперь, судьбина, совершила,
Ты всѣ свирѣпости явилъ, о рокъ, на мнѣ:
Представилъ ты меня тираномъ сей странѣ
И злѣйшей фуріей, изверженной изъ ада:
Я брату недругъ сталъ, изгналъ его изъ града,
Смутилъ его весь умъ, низвергъ его во гробъ:
И къ умноженію творимыхъ мною злобъ,
Какихъ и дикіе въ лѣсахъ не знаютъ звѣри,

Лишилъ при старости отца любезной дщери,
Героя, коимъ градъ сей бѣдства окончалъ.
И кто Синава здѣсь короною вѣнчалъ,
Безъ пользы мучилъ духъ красавицы дражайшей,
Горчайшу сдѣлалъ жизнь изъ жизни ей сладчайшей,
И отъ пріятнѣйшихъ Ильмениныхъ очей
Навѣки отлучилъ свѣтъ солнечныхъ лучей...
Покоясь, учинивъ конецъ своей судьбинѣ,
О коль прещастливы любовники вы нынѣ!
Васъ весь жалѣетъ градъ, оплакивая васъ,
А я сталъ мерзостью народною въ сей часъ;
Злодѣйски жалобы съ раскаяньемъ безплоднымъ
Безъ жалости уже текутъ къ сердцамъ народнымъ.
О жесточайша часть! о солнце! небеса!
Какова дождался, о боги, я часа»!

Синавъ вынимаетъ шпагу и хочетъ заколоть себя; но Гостомыслъ и воины вырываютъ шпагу изъ рукъ его. Падая въ кресла, Синавъ говоритъ:

«О продолжители злой горести моей!
Вы отняли мой мечъ: въ немъ вся моя отрада.
Жить больше не хочу, отставъ любезна взгляда.
Туманъ отъ глазъ моихъ скрываетъ солнца свѣтъ,
Ужъ нѣтъ ни Трувора, ни, ахъ, Ильмены нѣтъ!
Моя кипяща кровь на сердцѣ замерзаетъ,
Или въ сей страшный часъ вселенна исчезаетъ!
. . . .
О солнце, для чево еще ты мною зримо!
Разлей свои валы, о Волховъ, на брега,
Гдѣ Труворъ пораженъ отъ брата и врага,
И шумнымъ стономъ водъ вѣщай вину Синава,
Которой навсегда его затмилась слава!
Чертоги, гдѣ лила свою Ильмена кровь,
Падите на меня, отмстите злу любовь!
Карай мя небо, я погибель въ даръ пріемлю,
Рази, губи, греми, бросай огонь на землю».

Содержаніе «Семиры» заимствовано изъ временъ Олега. Уже нѣсколько лѣтъ прошло, какъ Оскольдъ никакъ не хочетъ ему покориться, и пользуясь тѣмъ, что Олегъ ему и всѣмъ плѣннымъ воинамъ далъ свободу, вздумалъ возстать противъ Олега и возвратить себѣ Кіевскій престолъ. Онъ говорилъ своимъ воинамъ:

«Насталъ намъ день искать иль смерти, иль свободы:
Умремъ иль побѣдимъ, о храбрые народы!
Надежда есть, когда остался въ насъ животъ,
Безсильнымъ мужество даетъ побѣды плодъ.
Не страшно все тому, кто смерти не боится,
Пускай хотя на насъ природа ополчится;
Что можетъ больше намъ нещастье приключить,
Какъ только въ храбрости насъ съ жизнью разлучить?
О градъ родительскій, отечество драгое,

Гдѣ взросъ я въ пышности, въ веселіи, въ покоѣ!
Могу ли я забыть, что я въ тебѣ рожденъ!
О вѣрныя раби, отвержемъ плѣна бремя,
Настало то судьбой назначенное время,
Въ которо должны мы вселенной показать,
Что намъ не сродственно подъ игомъ пребывать.

Планамъ Оскольда вполнѣ сочувствуетъ его сестра, Семира, несмотря на то, что она страстно любитъ сына Олега, Ростислава, который хочетъ жениться на ней. Свою любовь она съ полною готовностью приноситъ въ жертву отечеству:

«Отъ знатной крови я на свѣтъ изведена;
Должна ль я тако быть страстьми побѣждена,
Чтобъ дѣлали они премѣны тѣ въ Семирѣ,
Какія свойственны другимъ дѣвицамъ въ мірѣ.
Гдѣ жизни хвальные примѣры находить,
Коль въ княжескихъ сердцахъ пороки будутъ жить?
Иль преимущество имѣемъ предъ другими
Одними титлами лишь только мы своими?
Хоть кровь моя горитъ, но бодрствуетъ мой умъ
И противляется отравѣ нѣжныхъ думъ.
Безсильствуетъ любовь: ей сердце покоренно,
Но силъ лишилося своихъ не совершенно:
И столько я еще во ономъ силъ брегу,
Что я противиться любви легко могу».

Но заговоръ былъ открытъ Олегу родственникомъ Оскольда, Возведомъ, которому Оскольдъ поручилъ устроить задуманное возстаніе. Олегъ заключилъ Оскольда въ темницу и приговорилъ его къ смерти, если онъ не покорится. Семира проситъ Ростислава, изъ любви къ ней, спасти Оскольда, давъ ему возможность бѣжать изъ темницы; но Ростиславъ не можетъ измѣнить своему отечеству. Тогда Семира, выхвативъ у него мечъ, хочетъ заколоться; Ростиславъ соглашается исполнить ея просьбу и освобождаетъ Оскольда. Когда Олегъ узналъ о бѣгствѣ Оскольда, то потребовалъ отъ Семиры, чтобы она открыла ему, кто освободилъ Оскольда, угрожая ей смертью; но Семира не боится смерти и говоритъ:

«Не мнишь ли, что нашъ полъ къ геройству не способенъ,
И духу мужеску духъ женскій не подобенъ,
Что устремляешься мя къ трепету привлечь?
Нѣтъ робости во мнѣ; твоя безсильна рѣчь».

Желая спасти Семиру, Ростиславъ самъ сознается, что освободилъ Оскольда. Пораженный этимъ открытіемъ, Олегъ впадаетъ въ сильнѣйшую скорбь, и, несмотря на всю свою любовь къ сыну, осуждаетъ его на смерть, какъ измѣнника. Семира обращается къ Олегу съ просьбой пощадить сына, указывая на то, что она виновата въ его измѣнѣ:

«Будь правый судія, но будь и человѣкъ!
Представь себѣ ты, чей отъемлешь нынѣ вѣкъ.
Кого даешь на смерть! Сей смерти я достойна:
И мною толь твоя днесь участь безпокойна.
Когда бы Ростиславъ очей моихъ не зналъ,
По сей бы день невиненъ пребывалъ:
Отъ нихъ отъемли свѣтъ! прости любезна сына!
Прости, о государь! вины сей я причина».

Трагедія оканчивается разсказомъ о сраженіи между Олегомъ и Оскольдомъ, во время котораго Оскольдъ былъ раненъ смертельно. Умирая, онъ проситъ Олега простить Семиру и Ростислава и соединить ихъ брачными узами.

Содержаніе «Мстислава» взято также изъ русской исторіи. Тмутараканскій князь Мстиславъ ищетъ руки псковской княжны Ольги; между тѣмъ Ольга тоскуетъ по кіевскомъ князѣ Ярославѣ, который считается погибшимъ на воинѣ. Въ то же время первый бояринъ Мстислава Бурновей стремится занять кіевскій престолъ и убѣждаетъ Ольгу выйти за него замужъ. Но вдругъ является считавшійся погибшимъ кіевскій князь Ярославъ. Между Мстиславомъ и Ярославомъ происходитъ споръ и борьба за Ольгу. Мстиславъ угрожаетъ Ярославу плѣномъ, если онъ не откажется отъ Ольги. Ольга, желая спасти Ярослава, соглашается выйти за Мстислава, но послѣ брака намѣрена лишить себя жизни. Въ это время является наперсникъ Мстислава, Осадъ, со скипетромъ въ одной рукѣ и съ цѣпями въ другой и предлагаетъ ихъ Ярославу на выборъ; Ярославъ выбираетъ цѣпи. Между тѣмъ разнесся слухъ, что противъ Мстислава возстаютъ всѣ его подданные; думая, что возстаніе произведено Ярославомъ, Мстиславъ велѣлъ казнить его. Но когда открылось, что возстаніе произведено Бурновеемъ, который также ищетъ руки Ольги и стремится занять кіевскій престолъ, то Мстиславъ отказывается отъ Ольги и возвращаетъ Ярославу свободу и кіевскій престолъ.

Въ драматическомъ словарѣ 1787 г. о Сумароковѣ сказано: «Сумароковъ много успѣлъ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ въ разсужденіи умягченія нравовъ, и вкусъ къ театру, конечно, отъ его пера исправленъ. До него представленія почитались только одними театральными игрищами; а онъ показалъ нѣжность въ трагедіи, далъ почувствовать посмѣяніе страстей въ комедіи г. Моліера и прочихъ, подражая онымъ». Современники называли Сумарокова «россійскимъ Расиномъ». Да и самъ Сумароковъ говорилъ, что «онъ явилъ россамъ Расиновъ театръ, что славу Расина и Вольтера, пиша на малоизвѣстномъ, хотя и прекрасномъ языкѣ, онъ оставляетъ своему праху». Дѣйствительно, всѣ трагедіи Сумарокова составлены по образцу ложно-классическихъ трагедій Корнеля, Расина и Вольтера. Трагедіи этихъ трагиковъ, согласно съ господствовавшей въ то время ложно-классической теоріей драмы, отличаются одними

общимъ характеромъ. Въ нихъ мы находимъ постоянно пять дѣйствій, подраздѣленныхъ на множество явленій; строгое соблюденіе правилъ единства времени, мѣста и дѣйствія, которыя были выведены французской теоріей изъ неправильно-понятаго характера древле-греческой трагедіи и соблюденіемъ которыхъ хотѣли придать театральнымъ представленіямъ болѣе вѣроятности и близости къ дѣйствительности; преобладаніе эпическаго и лирическаго элементовъ надъ элементомъ собственно драматическимъ, т.-е. длинные разсказы вѣстниковъ о событіяхъ, происходящихъ внѣ сцены, и разговоры наперсниковъ и наперсницъ, замѣнившіе собою хоры древней трагедіи; заимствованіе драматическихъ лицъ и событій изъ древнихъ эпохъ и навязываніе древнимъ лицамъ современныхъ воззрѣній и вообще несоблюденіе исторической вѣрности въ изображеніи историческихъ лицъ и событій; вмѣсто изображенія въ драматическихъ лицахъ полнаго характера или настоящаго человѣка — олицетвореніе одного какого-нибудь чувства или страсти, какой-нибудь добродѣтели, или порока. Эти же самыя черты мы находимъ и во всѣхъ трагедіяхъ Сумарокова; только недостатки образцовъ въ нихъ отразились рѣзче и преувеличеннѣе. Дѣйствующія лица въ трагедіяхъ Сумарокова, какъ во французскихъ трагедіяхъ, заимствованы, большею частью, изъ древнихъ временъ: Хоревъ, Кій, Оскольдъ — изъ баснословныхъ временъ Кіева; Синавъ и Труворъ, Ярославъ и Мстиславъ, Ярополкъ и Димитрій Самозванецъ — изъ древней русской исторіи; но въ этихъ лицахъ нѣтъ никакихъ отличительныхъ качествъ, свойственныхъ древнимъ временамъ; они говорятъ и дѣйствуютъ какъ современники Сумарокова. Примѣромъ того, до какой степени произвольно обращался Сумароковъ съ заимствованными откуда-нибудь драматическими сюжетами, можетъ служить, между прочимъ, его трагедія «Гамлетъ», о которой онъ самъ же замѣчаетъ: «Гамлетъ мой, — говоритъ критикъ, — переведенъ съ французской прозы англинской Шекспировой трагедіи, въ чемъ онъ очень ошибся. Гамлетъ мой, кромѣ монолога въ окончаніи третьяго дѣйствія и Клавдіева на колѣни паденія, на Шекспирову трагедію едва-едва походитъ». Драматическія лица въ трагедіи Сумарокова — не характеры и не живыя лица, а олицетворенія какого-нибудь чувства или страсти, любви, ненависти, дружбы и т. п. Эти чувства или страсти до того овладѣваютъ дѣйствующими лицами, что въ нихъ уже не остается мѣста никакимъ другимъ стремленіямъ человѣческой природы; Димитрій Самозванецъ, напр., представленъ такимъ неестественнымъ злодѣемъ, что наяву и во снѣ говоритъ и думаетъ только о злодѣяніяхъ. Въ 5-мъ явленіи 4-го дѣйствія онъ говоритъ:

«Блаженная душа идетъ въ объятья Бога;
А мнѣ показана съ престола въ адъ дорога.
Сія послѣдня ночь — ночь вѣчна будетъ мнѣ:
Увижу наяву, что страшно и во снѣ».

То же самое онъ говоритъ въ 1-мъ явленіи 5-го дѣйствія:

«Во преисподнюю ступай, душа моя!
Правитель естества! и тамъ рука Твоя!
Исторгнешь мя на судъ изъ адскія утробы:
Суди и осуждай за всѣ творимы злобы;
И человѣчества я врагъ, и Божества;
Противъ я шелъ Тебя, противъ и естества.
Весь воздухъ возшумѣлъ: враги вооруженны
У стѣхъ моихъ палатъ ярятся приближенны,
А я безсильствую, ихъ наглости внемля.
Все, все противъ меня: и небо и земля.
О градъ, которымъ я ужъ больше не владѣю,
Достанься ты по мнѣ такому же злодѣю».

А въ концѣ трагедіи, ударяя себя въ грудь кинжаломъ, восклицаетъ:

«Ступай, душа, во адъ и буди вѣчно плѣнна!
Ахъ, если бы со мной погибла вся вселенна!»

Русская публика не могла сознавать всѣхъ этихъ недостатковъ въ трагедіяхъ Сумарокова. Она видѣла въ нихъ тѣ же пріемы и формы, какъ и во французскихъ трагедіяхъ. Хоревъ, Синавъ и Труворъ, Оснельда и Ксенія (въ Димитріѣ Самозванцѣ) напоминали Британника, Эдипа, Заиру и Роксану; Ильмена походила на Альзиру Вольтера; разсказъ вѣстника о смерти Трувора составленъ по примѣру разсказа Терамена о смерти Ипполита въ Федрѣ. Не удивительно, что русская публика подумала, будто Сумароковъ далъ ей такую же трагедію, какая была у французовъ, а въ немъ самомъ увидѣла русскаго Расина и Вольтера. Съ другой стороны, при указанныхъ недостаткахъ, въ трагедіяхъ Сумарокова были и хорошія качества. Въ нихъ много живыхъ и горячихъ сценъ; монологи и разсказы дѣйствующихъ лицъ часто проникнуты возвышенными чувствами; въ ихъ уста Сумароковъ влагалъ нерѣдко тѣ же гуманныя идеи о свободѣ, вѣротерпимости, воспитаніи и образованіи, о власти и управленіи государствомъ, какія тогда проводились въ лучшихъ сочиненіяхъ европейскихъ литературъ. Наперсникъ Димитрія Самозванца, Парменъ, о папской власти разсуждаетъ:

«Мнѣ мнится человѣкъ себѣ подобнымъ братъ,
И лжеучители разсѣяли развратъ:
Дабы лжесвятости ихъ черни возвѣщались
И ко прибытку имъ ихъ басни освящались.
. . . .
Сложила Англія, Голландія то бремя
И полгерманіи; наступитъ скоро время,
Что и Европа вся откинетъ прежній страхъ,
И съ трона свержется прегордый сей монахъ,
Который толь тебя отъ смертныхъ отличаетъ,
И чернь котораго какъ Бога величаетъ».

Князь Галицкій Георгій о фанатизмѣ папистовъ въ Америкѣ говоритъ:

«Постраждетъ такъ Москва, какъ страждаетъ новый
свѣтъ.
Тамъ кровью землю всю паписты обагрили,
Побили жителей, оставшихъ разорили;
Средь ихъ отечества стремясь невинныхъ жечь,
Въ рукѣ имѣя крестъ, въ другой кровавый мечъ.
Что съ ними дѣлалось въ незапной ихъ судьбинѣ,
Отъ папы будетъ то тебѣ, Россія, нынѣ».

Мстиславъ въ разговорѣ съ Осадомъ развиваетъ мысль Монтескьё, что честь должна служить основой славы и всѣхъ геройскихъ подвиговъ:

«Мнѣ честь моя велитъ покорствовать судьбѣ;
Но сердце одному покорствуетъ себѣ.
О, честь единственный источникъ нашей славы,
На коей истины основаны уставы,
Геройска дѣйствія и общей пользы мать!
Сильна едина ты санъ царскій воздымать.
Коль нѣтъ тебя съ царемъ, онъ Божій гнѣвъ народу,
И скиптръ его есть мечъ, возъятый на свободу».

Въ Хоревѣ князь Кій представляетъ такой идеалъ князя правителя:

«Хочу равно и ложь и истину внимать,
И слѣпо никого не буду осуждать.
Мятусь и лютаго злодѣя видя въ горѣ.
Князь — кормщикъ корабля, власть княжеская — море,
Гдѣ вѣтры, камни, мель препятствуютъ судамъ,
Желающимъ пристать къ покойнымъ берегамъ.
Но часто кажутся и облаки горами,
Летая вдалекѣ по небу надъ водами,
Которыхъ кормщику не должно обѣгать;
Но горы ль то иль нѣтъ, искусствомъ разбирать.
Хоть всѣ бъ вѣщали мнѣ, тамъ горы, мели тамо,
Когда не вижу самъ, плыву безъ страха прямо».

Самъ Хоревъ говоритъ:

«Тѣ люди, коими законы сотворенны,
Закону своему и сами покоренны».

Ксенія въ Димитріи Самозванцѣ считаетъ блаженнымъ на свѣтѣ того порфироноснаго мужа,

«Который не тѣснитъ свободы нашихъ душъ,
Кто пользой общества себя превозвышаетъ,
И снисхожденіемъ санъ царскій украшаетъ,
Даруя подданнымъ благополучны дни:
Страшатся коего злодѣи лишь одни».

Князь Мстиславъ, выражая намѣреніе сдѣлаться добрымъ княземъ и благодѣтельнымъ правителемъ своего народа, говоритъ:

«А я перестаю быть горестей содѣтель.
Цвѣти подъ скипетромъ Мстислава добродѣтель!
Я должности одной хочу себя предать,
И безъ утѣхъ любви народомъ обладать,
Предписывать ему полезные уставы.
Ликуйте подданны во дни моей державы!
Я буду вамъ отецъ, вы будьте чада мнѣ,
Свободны, веселы живуще въ сей странѣ.
Никто не трепещи подъ властію моею!
Я милости къ однимъ злодѣямъ не имѣю».

Въ трагедіи «Синавъ и Труворъ» Гостомыслъ поучаетъ:

«Гдѣ должность говоритъ, или любовь къ народу,
Тамъ нѣтъ любовника, тамъ нѣтъ отца, ни роду.
. . . .
Кто должности своей храненіе являетъ,
Храня ее въ бѣдахъ, свой духъ успокояетъ;
Страдая за нее, когда онъ помнитъ то,
За что онъ мучится, вся мука та ничто.
Коль чистая душа не хочетъ быть превратна,
За добродѣтели и мука ей пріятна».

Порфирьевъ.

Комедіи Сумарокова и ихъ бытовой характеръ.

Мы должны остановиться на комедіяхъ Сумарокова, потому что какой бы чуждый образецъ ни имѣлъ передъ глазами авторъ, все же онъ, представляя будничную жизнь, не можетъ отрѣшиться отъ явленій окружающаго общества, тѣмъ болѣе, что въ комедіи указанія на ближайшія неправильныя явленія, отъ которыхъ терпитъ общество, даютъ особенную силу, значеніе сочиненію, чѣмъ авторъ пренебречь не можетъ. Разумѣется, въ литературныхъ произведеніяхъ сатирическаго свойства, комедіяхъ и собственно сатирахъ, всего рѣзче выставляются тѣ явленія, которыя лично затронули самого автора, и въ первыхъ комедіяхъ Сумарокова мы видимъ педанта, карикатуру ученаго, подъ которою современники легко могли узнать извѣстнаго профессора элоквенціи Василія Кирилловича Тредьяковскаго. Можно наполнить томы описаніемъ ссоръ и перебранокъ между русскими учеными и литераторами, начиная съ Ломоносова, Тредьяковскаго и Сумарокова. Явленіе это всегда способно было возбуждать глумленіе толпы надъ людьми, которые считали себя наставниками народа, а между тѣмъ подавали очень дурной примѣръ наставляемымъ. Но надобно было войти въ ихъ положеніе. Обыкновенный человѣкъ въ продолженіе всего своего общественнаго поприща могъ получать замѣчанія отъ начальствующихъ лицъ и то рѣдко публично; пересудовъ же и насмѣшекъ отъ равныхъ себѣ онъ вблизи не слыхалъ, когда же приходилось слышать, то онъ равнодушнымъ не оставался; но эти перебранки обыкновенно не имѣютъ большой гласности. Но вотъ ученый или литераторъ передаетъ свое произведеніе

публикѣ, которая начинаетъ поучаться изъ книги, наслаждаться поэтическимъ произведеніемъ, а тутъ раздается голосъ публично, во всеуслышаніе, что книга ученаго наполнена ошибками, что трагедія или ода наполнена неправильностями относительно языка, здраваго смысла, господствующей теоріи. Публика смущена, ждетъ отвѣта отъ автора, хочетъ присутствовать и судить въ спорѣ; раздраженіе человѣка, котораго изъ ученаго низводятъ въ невѣжды, изъ художника въ человѣка бездарнаго, — раздраженіе автора доходитъ до высшей степени, которую рѣдко кто испытываетъ хотя разъ въ жизни, а несчастный авторъ долженъ испытывать каждый разъ при изданіи въ свѣтъ своего произведенія. Понятно, что при защитѣ, когда надобно поддержать свой авторитетъ противъ подкапывающихся подъ него соперниковъ, первое средство, за которое хватается въ раздраженіи защищающійся—это подкапываніе подъ авторитетъ нападающаго: «Ты обличаешь меня, а самъ-то ты каковъ? и будучи исполненъ такихъ недостатковъ, какое право имѣешь обличать другихъ?» Тутъ насмѣшка, болѣе всего доступная и пріятная толпѣ, играетъ главную роль, но поэтому-то самому насмѣшка и болѣе всего раздражаетъ: несчастному автору кажется, что всякій встрѣчный улыбается при видѣ его.

Понятно, что такого раздраженія между авторами не можетъ быть въ странахъ, обладающихъ крѣпкимъ и широко распространеннымъ образованіемъ: здѣсь авторъ, сознающій несправедливость возраженій, спокоенъ, зная, что въ обществѣ много людей, которые не станутъ на сторону его противника потому только, что тотъ написалъ нѣсколько рѣзкихъ и насмѣшливыхъ замѣтокъ, зная, что въ обществѣ образованномъ нельзя поколебать авторитета одними криками, насмѣшками. Самая рѣзкость нападокъ изъ противнаго лагеря служитъ доказательствомъ важнаго значенія ученаго или литературнаго произведенія, потому успокаиваетъ автора вмѣсто раздраженія, и если авторъ чувствуетъ необходимость полемики для уясненія вопроса, то ему не нужно спѣшить, онъ сдѣлаетъ это при при полномъ спокойствіи и потому съ полнымъ достоинствомъ, безъ личностей и брани.

Но не такъ бываетъ въ обществахъ юныхъ, гдѣ образованіе, недавно начавшееся, не пустило еще корней, а такимъ обществомъ именно было русское въ описываемое время. Здѣсь автору не было никакого ручательства, что публика и безъ него справедливо разсудитъ его дѣло; общество было въ такомъ состояніи, что для рѣшенія дѣла требовало средневѣковаго доказательства, судебнаго поединка, присуждало поле, и авторъ долженъ биться публично со своимъ противникомъ. Мы уже замѣтили по поводу Кантемира, вооружившагося въ своихъ сатирахъ противъ самохвала, какъ состояніе тогдашняго общества развивало самохвальство. Разумѣется, этотъ порокъ можетъ корениться въ личности человѣка, но развивается, преимущественно, въ такомъ обществѣ, которое не можетъ дать

ручательства, что на трудъ будетъ обращено вниманіе, и онъ будетъ оцѣненъ по достоинству. Въ такомъ обществѣ авторъ считаетъ необходимымъ самъ объявлять о своемъ трудѣ, самъ его оцѣнивать. Если и теперь встрѣчаются люди, такъ называемые образованные, которые потому только знаютъ объ извѣстномъ авторѣ и его сочиненіяхъ, что авторъ съ ними знакомъ и даритъ свои произведенія, о другихъ же не знаютъ; если и теперь для доставленія успѣха книгѣ прибѣгаютъ иногда къ такимъ мѣрамъ, которыя показываютъ недовѣріе къ публикѣ, къ ея вниманію и способности оцѣнить трудъ по достоинству; если и теперь иные авторы считаютъ нужнымъ напоминать о себѣ, очень любятъ поговорить о себѣ, — то мы должны быть снисходительны къ авторамъ XVIII вѣка, считавшимъ необходимостію говорить о своихъ трудахъ, о своихъ заслугахъ. Сумароковъ былъ самохвалъ, и Ломоносовъ былъ тоже самохвалъ. И самохвальство въ литературѣ не могло производить непріятнаго впечатлѣнія, когда каждый считалъ для себя позволительнымъ просить правительство о наградѣ, при чёмъ высчитывалъ свои труды и важное ихъ значеніе, не догадываясь, какъ оскорбляетъ правительство, предполагая въ немъ неспособность обратить вниманіе и оцѣнить заслуги подданныхъ. Но дѣло въ томъ, что и само правительство не оскорблялось такимъ предположеніемъ и не относилось сурово къ самохвалу. Точно такъ же не оскорблялось и общество авторскимъ самохвальствомъ.

Столкновеніе Сумарокова съ тогдашними учеными авторитетами было неминуемо, во-первыхъ, потому что эти ученые были также стихотворцами, и отсюда рождалось соперничество; во-вторыхъ, по отсутствію тогда раздѣленія занятій, ученому учрежденію, Академіи Наукъ, принадлежала цензура сочиненій, бывшая прежде у сената. Нѣтъ сомнѣнія, что профессоръ элоквенціи Тредьяковскій не преминулъ сдѣлать замѣчанія и на первую трагедію Сумарокова «Хоревъ», что раздражало ея автора, а раздраженіе это не могло сдерживаться авторитетомъ Василія Кирилловича, котораго собственныя стихотворенія вызывали столько замѣчаній и насмѣшекъ. Какъ видно, Тредьяковскій принадлежалъ къ людямъ, охуждавшимъ въ «Хоревѣ» то, что трагедія оканчивалась гибелью добродѣтельныхъ людей, главныхъ героевъ, что, по мнѣнію критиковъ, было противно нравственности, и мнѣніе это было такъ сильно, что Сумароковъ долженъ былъ иначе окончить вторую свою трагедію «Гамлетъ». Когда въ 1748 году эта трагедія была отдана офиціально на судъ Тредьяковскаго и Ломоносова, то первый нашелъ ее «довольно изрядною», а именно потому, что авторъ не повторилъ погрѣшности первой своей трагедіи, въ которой «порокъ преодолѣлъ, а добродѣтель погибла». Тредьяковскій не утерпѣлъ и указалъ на неровность стиля: «индѣ весьма по славенски сверхъ театра, а индѣ очень по площадному ниже трагедіи»; замѣтилъ и грамматическія неисправности, наконецъ, позволилъ себѣ передѣлать нѣкоторые стихи. Ломоносовъ ограничился

чисто цензурною замѣткою: «Въ оной трагедіи нѣтъ ничего, чтобы предосудительно кому было и могло бы напечатанію оной препятствовать».

Сумароковъ не могъ перенести замѣчаній, что въ его произведеніи повсюду видна неровность стиля и находятся многія грамматическія неисправности. Особенно разсердился онъ, когда ему были возвращены изъ академіи для исправленія двѣ его стихотворныя эпистолы, въ которыхъ Тредьяковскій нашелъ «великое язвительство»: Сумароковъ еще подбавилъ язвительства противъ Тредьяковскаго, который объявилъ что «такихъ злостныхъ сатиръ аппробовать не можетъ»; но другой цензоръ Ломоносовъ одобрилъ эпистолы, въ которыхъ находились такіе стихи:

И съ пышнымъ Пиндаромъ взлетай до небеси,
Иль съ Ломоносовымъ гласъ громкій вознеси —
Онъ нашихъ странъ Мальгербъ, онъ Пиндару подобенъ,
А ты, Штивеліусъ, лишь только врать способенъ.

Штивеліусъ (Тредьяковскій) явился въ 1750 году въ комедіи Сумарокова подъ именемъ Тресотиніуса, педанта. Комедія начинается тѣмъ, что Кларисса, на которой сватается Тресотиніусъ, говоритъ своему отцу: «Нѣтъ, батюшка, воля ваша, лучше мнѣ вѣкъ быть въ дѣвкахъ, нежели за Тресотиніусомъ. Съ чего вы вздумали, что онъ ученъ? никто этого объ немъ не говоритъ, кромѣ его самого, и хотя онъ и клянется, что онъ человѣкъ ученый, однако въ этомъ никто ему не вѣритъ». Тресотиніусъ является къ Клариссѣ съ такимъ привѣтствіемъ: «Прекрасная красота, пріятная пріятность, по премногу кланяюсь вамъ». Кларисса: «И я вамъ по премногу откланиваюсь, преученое ученіе». Тресотиніусъ: «Эта бумажка яснѣе вамъ скажетъ, какую язву въ сердцѣ моемъ пріятство ваше, т.-е. красота ваша мнѣ учинила, т.-е. сдѣлала». На бумажкѣ была написана пѣсня, сочиненная Тресотиніусомъ:

Красоту на вашу смотря, распалился я ей, ей!
Изволь меня избавить ты отъ страсти тѣмъ моей!
Бровь твоя меня пронзила, голосъ кровь зажогъ,
Мучишь ты меня, Климена и стрѣлою сшибла съ ногъ, и т. д.

Затѣмъ приходитъ другой педантъ Бобембіусъ и заводитъ съ Тресотиніусомъ горячій споръ о литерѣ *твердо* «которое твердо правильнѣе, о трехъ ли ногахъ или объ одной ногѣ?» Тресотиніусъ: «Я содержу, что твердо объ одной ногѣ правильнѣе, ибо у Грековъ, отъ которыхъ мы литеры получили, оно объ одной ногѣ, а треножное твердо есть нѣкакой уродъ». Бобембіусъ: «Мое твердо о трехъ ногахъ и для того стоитъ твердо, ерго оно твердо; а твое твердо не твердое, ерго оно не твердо. Твое твердо слабое, ненадежное, а потому презрительное, гнусное, позорное, скаредное».

Въ другой комедіи Сумарокова «Чудовищи» является педантъ Критиціондіусъ, въ которомъ также легко было узнать Тредьяковскаго. Сумарокову хотѣлось осмѣять своего придирчиваго критика, и потому Критиціондіусъ говоритъ о «Хоревѣ»: «Немного получше можно бы

было написать. Кію подали стулъ, Богъ знаетъ на что, будто какъ бы онъ въ такомъ былъ состояніи, что ужъ и стоять не могъ. Отъ чего? я не знаю... На пѣснь: «Прости мой свѣтъ» я сочинилъ критику въ двѣнадцати томахъ in folio. На трагедію «Хорева» сложилъ я шесть дюжинъ эпиграммъ, а нѣкоторыя изъ нихъ и на греческій языкъ перевелъ; противъ тѣхъ господъ, которые русскія представляли трагедіи, написалъ я на сирскомъ языкѣ 99 сатиръ». Когда его спрашиваютъ, что тебѣ въ томъ прибыли, онъ отвѣчаетъ: «Я хочу вывесть изъ заблужденія любезное мое отечество, которое то похваляетъ, что похуленія достойно, и отнять честь у автора, которую онъ получаетъ неправедно; а паче всего для того я на него вооружаюсь, что онъ думаетъ обо мнѣ, будто я, все что ни есть пишу нескладно. Да то мнѣ всего злѣе, то онъ въ томъ на весь народъ ссылается, а весь народъ за нескладнаго писца меня и почитаетъ; однако я противъ всего русскаго народа сдѣлаю ювеналовымъ вкусомъ сатиру... Этотъ же авторъ сдѣлалъ комедію на ученыхъ людей. Хорошо ли это, что на ученыхъ людей дѣлать комедіи?»

Сумароковъ дѣлалъ комедіи на ученыхъ людей, потому что самъ не принадлежалъ къ нимъ; ученые люди, опираясь на свою ученость, указывали на недостатки его произведеній, и Сумароковъ боялся, что эти указанія, какъ указанія людей ученыхъ, должны имѣть вѣсъ и вредить ему, и потому ему нужно было осмѣять, опозорить ученыхъ. Ему легко бы сладить съ Тредьяковскимъ, стихотворныя произведенія котораго просились на насмѣшку; но когда извѣстность его стала расти все болѣе и болѣе, когда у него явились поклонники, которые стали величать его «открытелемъ таинства любовной лиры, россійскимъ Расиномъ, защитникомъ истины, гонителемъ, бичомъ пороковъ», то и дѣло легко дошло и до столкновенія съ Ломоносовымъ, который для многихъ оставался первымъ россійскимъ не только ученымъ, но и стихотворцемъ. Соперничество повело къ явной враждѣ, къ перебранкѣ въ стихахъ и въ прозѣ.

Кромѣ педантовъ въ комедіяхъ Сумарокова являются и другіе люди, которыхъ онъ выставляетъ, преимущественно на позоръ, это петиметры и приказные. Мы уже говорили, что въ это время господствовали въ Европѣ французскій языкъ и французская литература. Русскіе люди, живя все болѣе и болѣе общею европейскою жизнью, разумѣется, должны были усвоить себѣ общественный языкъ и знакомиться съ богатою литературою, такъ удовлетворявшею пытливости и вкусу тогдашнихъ образованныхъ людей. Разумѣется не Ив. Ив. Шуваловъ «заставилъ насъ говорить нечестивымъ французскимъ нечестивымъ языкомъ», какъ выразился Растопчинъ, очень плохой знатокъ исторіи: еще прежде чѣмъ Ив. Ив. Шуваловъ получилъ вліяніе, русскіе люди со средствами заводили французскія библіотеки и выписывали французскихъ гувернеровъ и гувернантокъ для дѣтей своихъ. Учиться говорить по-французски заставляла нужда, потребность образованія; кто могъ учился и по-нѣмецки, но нѣмцы подавали

примѣръ подражанія французамъ, говорили и писали по-французскѣ, пренебрегая роднымъ языкомъ. Люди съ потребностью образованія, высшихъ наслажденій, жадно читали, учили наизусть творенія россійскаго Расина — Сумарокова; странно было бы требовать отъ людей, могшихъ читать по-французски, имѣть французскія книги, чтобъ они не читали Расина въ подлинникѣ и довольствовались Сумароковымъ. Ив. Ив. Шуваловъ пріобрѣлъ себѣ почетное имя въ исторіи русскаго просвѣщенія не тѣмъ, что любилъ французскій языкъ и французскую литературу, но тѣмъ, что старался поднять русскую литературу, увеличить средства для образованія русскихъ людей; Шуваловъ пишетъ конспектъ реторики Ломоносова, подъ руководствомъ Ломоносова пишетъ *русскіе* стихи, и въ этихъ плохихъ русскихъ стихахъ защита для него отъ упрековъ во французоманіи.

Но во всѣ времена, во всякомъ живомъ обществѣ есть люди слабые, люди мелкой природы, которые подчиняются извѣстному господствующему вліянію до рабства; по внутренней духовной слабости эти люди останавливаются на одномъ внѣшнемъ, доводятъ это подражаніе внѣшнему до обезьянства, ибо относятся къ дѣлу съ безсознательностью животнаго, возбуждаютъ смѣхъ и отвращеніе и всего больше содѣйствуютъ упадку извѣстнаго направленія, реакціи противъ него; по слабости природы своей эти люди увлекаются до такой степени, что кромѣ предмета своего обожанія исключаютъ все другое, какимъ бы священнымъ именемъ это другое ни называлось, у нихъ всегда на языкѣ бранная выходка противъ него. Французское вліяніе, господствовавшее во всей Европѣ въ описываемое время, имѣло у насъ въ Россіи такихъ поклонниковъ, и въ Россіи больше и долѣе чѣмъ гдѣ-либо по молодости русскаго общества, слѣдовательно по большей способности его членовъ къ увлеченію и къ увлеченію внѣшностью, а французская внѣшность очень способна своимъ блескомъ, изяществомъ увлекать слабыхъ. Сатира не могла не остановиться на этихъ людяхъ (*петиметрахъ*, какъ ихъ тогда называли), потому что они представляли такъ много смѣшного; впрочемъ, они возбуждали и не одинъ смѣхъ, потому что, рабствуя чужому, они совершенно отрекались отъ своего, дѣлали противъ него выходки, оскорблявшіе патріотическое чувство.

Въ комедіи «Чудовищи» петиметръ является подъ именемъ Дюлижа. Дюлижъ презираетъ все нефранцуское. Когда хозяинъ дома, неимѣющій понятія объ иностранныхъ языкахъ, думаетъ, что фразы, которыя Дюлижъ вплетаетъ въ свою рѣчь, нѣмецкія, то петиметръ страшно оскорбляется: «Что? вы думаете, что я говорю по-нѣмецки! Quelle pensée! quelle impertinence! чтобъ я этимъ языкомъ говорить сталъ!» Услыхавъ объ «Уложеньѣ», онъ спрашиваетъ: «Уложенье, что это за звѣрь?... Я не только не хочу знать русскія права, я бы русскаго языка знать не хотѣлъ. Скаредный языкъ!... Для чего я родился Русскимъ? о натура! не стыдно ль тебѣ, что ты, произведя меня прямымъ человѣкомъ, произвела меня отъ русскаго отца!» О своихъ

достоинствахъ Дюлижъ говоритъ такъ: «Научиться этому, какъ одѣться, какъ надѣть шляпу, какъ табакерку открыть, какъ табакъ нюхать, стоитъ цѣлаго вѣку, а я этому формально учился, чтобъ могъ я тѣмъ отечеству своему дѣлать услуги». О своемъ соперникѣ, который выставленъ авторомъ въ противоположность ему, Дюлижъ отзывается: «Это будто человѣкъ! Кошелекъ носитъ такой большой какъ заслонъ; на головѣ пуклей съ двадцать, тростку носитъ коротенькую, платье дѣлаетъ ему Нѣмчинъ; муфты у него и отъ роду не было, манжеты носитъ короткія, да онъ же еще и по-нѣмецки умѣетъ». Арлекинъ, который еще продолжаетъ являться въ комедіи, произноситъ приговоръ петиметру: «Этакое безобразіе, стыдъ роду человѣческому! Конечно, это обезьяна, да не здѣшняя».

Сатира, комедія не могли не вооружиться противъ явленія, завѣщаннаго древнею Россіею и противъ котораго новая истощалась въ безплодныхъ протестахъ противъ неправды, недобросовѣстности суда, противъ людей, которые для спокойствія, чести, имущества гражданъ были такъ же вредны, какъ и разбойники. «Статное ли дѣло, чтобъ я дочь свою выдала за ябедника», говоритъ жена въ комедіи «Чудовищи». Мужъ отвѣчаетъ ей: «Мы люди разоренные, да ежели этакова человѣка у насъ въ роднѣ не будетъ, такъ мы и совсѣмъ пропадемъ». Мужъ съ женою поспорили, и жена дала сожителю своему пощечину. Вслѣдствіе этого является на сцену судъ. Мы видѣли, какъ графъ Петръ Шуваловъ жаловался на множество комиссій, которыя тянулись безконечно. Сумароковъ подсмѣивается надъ этими комиссіями: дама, давшая мужу пощечину, называетъ судъ «пощечинною комиссіею». Составъ суда характеризуется въ разговорѣ между судьями: «Я не знаю», говоритъ одинъ судья другому, «сильны ли вы въ дѣлахъ приказныхъ, а я все служилъ въ солдатствѣ и въ приказъ посаженъ недавно: такъ я въ дѣлахъ-то не очень еще силенъ, развѣ вы въ нихъ знающи?» Товарищъ отвѣчаетъ: «Я вѣкъ свой изжилъ въ приказахъ; только безъ этакова человѣка, каковъ нашъ протоколистъ, и я ничего не сдѣлаю, это не судейская должность, чтобъ знать права. Наше дѣло оговаривать и вершить дѣла; знать права — то дѣло секретарское». Судья, весь вѣкъ изжившій въ приказахъ, показываетъ однако свою опытность, находитъ разнорѣчіе въ показаніяхъ истца, который одинъ разъ сказалъ, что жена дала ему пощечину, въ другой разъ сказалъ, что оплеуху. Защитникъ истца, ябедникъ Хабзей, говоритъ судьѣ: «Въ этомъ разнствія не имѣется: понеже оплеуха и пощечина, такъ какъ помѣстье и вотчина, за едино пріемлются».—Въ комедіи «Тресотиніусъ» подьячій говоритъ офицеру Брамарбасу: «Я слышалъ, что у вашего благородія изъ вотчинъ пріѣхали». Брамарбасъ: «А тебѣ что до того дѣло?» Подьячій: «Я слышалъ, что и запасы къ вашей милости понавезли. Не имѣется ли и для нашего брата, а у меня жена родила». Брамарбасъ: «Когда вы рождаетесь, такъ радоваться нечему». Подьячій: «Я это заявлю и буду на васъ бит

челомъ: такъ ты мнѣ заплатишь безчестье». Брамарбасъ: «Сержантъ, арестуй!» Подьячій: «Какъ, арестовать? приказнаго служителя? Насъ и въ приказахъ не арестуютъ, и весь намъ штрафъ только въ томъ, что насъ на цѣпь сажаютъ. А ты это въ противность правамъ дѣлаешь». Брамарбасъ указываетъ на свою шпагу: «Вотъ право офицерское!» Подьячій, указавъ на свое перо: «Это хоть и не такъ остро, однако иногда колитъ сильнѣе и шпаги».

Соловьевъ.

А. П. Сумароковъ и слезная комедія.

Проникшая къ намъ во второй половинѣ XVIII вѣка такъ называемая «слезная комедія», какъ извѣстно, встрѣтила рѣзкій отпоръ со стороны создателя русскаго репертуара А. П. Сумарокова. Въ послѣсловіи къ своей трагедіи «Дмитрій Самозванецъ» онъ пишетъ между прочимъ: «ввелся новый и пакостный родъ слезныхъ комедій, ввелся тамъ (т.-е. во Франціи), но тамъ не исторгнутся сѣмена вкуса Расинова и Моліерова, а у насъ по театру почти еще и начала нѣтъ, такъ такой скаредный вкусъ, а особенно вѣку Великія Екатерины не принадлежитъ, а дабы не впустить онаго, писалъ я о таковыхъ драмахъ Г. Вольтеру. Но въ сіе краткое время выползли уже въ Москву, не смѣя появиться въ Петербургѣ, нашли всенародную похвалу и рукоплесканіе, какъ скаредно ни переведена Евгенія, и какъ нагло актриса подъ именемъ Евгеніи Бакханту ни изображала, а сіе рукоплесканіе Переводчикъ оныя Драмы какой-то подъячій до небесъ возноситъ, соплетая зрителямъ похвалу и утверждая вкусъ ихъ. Подъячій сталъ судіею Парнаса и утвердителемъ вкуса Московской публики! Конечно скоро преставленіе свѣта будетъ. Но неужели Москва болѣе повѣритъ подъячему нежели Г. Вольтеру и мнѣ и неужели вкусъ зрителей Московскихъ сходные со вкусомъ сево подъячева! Подъячему соплетать похвалы вкуса Княжичей и Господичей московскихъ такъ вмаловмѣстно, коль непристойно лакѣю, хотя и придворному мои пѣсни, безъ моей воли портить, печатать и продавать или противъ воли еще пребывающаго въ жизни автора портить ево Драмы и за порчу собирать себѣ деньги».

Такой характеръ нападокъ на «слезную комедію» устраняетъ всякія сомнѣнія на счетъ того, что онѣ являются какъ бы отвѣтомъ на предисловіе, которое предпослалъ своему переводу «Евгеніи» Бомарше, изданному въ Москвѣ въ 1770 году, Николай Пушниковъ, гдѣ онъ, между прочимъ, писалъ: «Драма сія представлена была въ Москвѣ (съ 18 мая 1770) четыре раза съ ряду. Удовольствіе публики проявлялось неумолчнымъ почти рукоплесканіемъ при каждомъ представленіи. Примѣръ сей показываетъ ясно, что вкусъ къ зрѣлищамъ, вкусъ столь похвальный и полезный, часъ отъ часу больше у насъ умножается... Но великій успѣхъ сея комедіи я не переводу своему причесть долженъ, но сочинителю оной и искус-

скому игранію г. актеровъ», при чёмъ изъ приложеннаго къ изданію списка исполнителей видно, что актриса, по словамъ Сумарокова, «нагло подъ именемъ Евгеніи Бакханту изображавшая» была извѣстная Елизавета Иванова.

Если, кромѣ того, примемъ еще во вниманіе, что пьесы подобнаго характера уже появлялись на нашей сценѣ — стоитъ припомнить хотя бы только комедію Михаила Хераскова «Безбожникъ», поставленную «въ первый разъ іюля 10 дня 1761 года на Россійскомъ Московскомъ театрѣ» и обладавшую еще въ большей степени свойствами, вызвавшими негодованіе Сумарокова, чѣмъ «Евгенія» Бомарше, — то невольно возникаетъ вопросъ, почему именно эта пьеса вызвала негодованіе Сумарокова, оставшагося совершенно равнодушнымъ, когда ранѣе появлялись пьесы, къ которымъ съ полнымъ правомъ примѣнимы тѣ же самые упреки? Почему онъ не протестовалъ противъ успѣха «Безбожника» Хераскова, которая должна была задѣть его тѣмъ больнѣе, что вышла изъ-подъ пера драматурга, принадлежавшаго къ одной съ нимъ школѣ и пользовавшагося его поддержкой.

На эти вопросы отвѣтъ даетъ, повидимому, само послѣсловіе Сумарокова. Если мы вспомнимъ, что первое представленіе «Евгеніи» состоялось 18 мая 1770 года, а въ январѣ того же года Сумароковъ поссорился съ московскимъ главнокомандующимъ фельдмаршаломъ графомъ Салтыковымъ, то получается возможность догадаться объ истинномъ побужденіи, руководившимъ Сумароковымъ при составленіи этого «послѣсловія».

Какъ извѣстно, графъ Салтыковъ оказывалъ явное покровительство той самой Елизаветѣ Ивановой, исполненіе которой роли Евгеніи вызвало такую жестокую критику Сумарокова. Она же вышла на сцену вмѣстѣ съ Салтыковымъ совершенно не кстати во время представленія въ день, когда назначена была трагедія Сумарокова «Синавъ» и этимъ заставила хохотать всю публику. Правда, Иванова писала Сумарокову, что ее заставляютъ насильно играть роль Ильмены въ «Синавѣ» 31-го января, когда пьеса эта шла въ театрѣ Бельмонти безъ согласія автора, — случай, который имѣетъ въ виду Сумароковъ въ приведенномъ выше отрывкѣ изъ его послѣсловія. Но, очевидно, Сумароковъ не простилъ Ивановой даже эту невольную обиду и затаилъ на нее злобу. Въ интригѣ противъ Сумарокова участвовали княгиня В. П. Голицына и княжна Куракина — отсюда намеки въ «послѣсловіи» на княжичей.

Все это вызвало извѣстные стихи Сумарокова:

За трудъ мой ты, Москва, меня увидишь мертва:
Стихи мои и я — наукъ злодѣевъ жертва.

Это же чувство свѣжей еще личной обиды заставило Сумарокова написать «послѣсловіе».

Мы не знаемъ подробностей біографіи переводчика «Евгеніи» Николая Пушникова и поэтому лишены возможности прослѣдить

степень его прикосновенности къ ссорѣ Салтыкова съ Сумароковымъ, но она во всякомъ случаѣ представляется возможной.

Все это заставляетъ думать, что и «слезная комедія» вообще и «Евгенія» Бомарше въ частности явились только предлогомъ для Сумарокова свести личные счеты съ участниками московской обиды въ январѣ 1770 года. Поэтому и его послѣсловіе къ «Дмитрію Самозванцу» надо разсматривать какъ столь обычную въ его дѣятельности «личность», а не принципіальную критику ненавистнаго ему литературнаго направленія. Если бы москвичи съ гр. Салтыковымъ въ январѣ 1770 года не обидѣли Сумарокова, онъ, вѣроятно, не сталъ бы такъ ополчаться ни противъ «Евгеніи», ни противъ Пушникова, подобно тому, какъ онъ не выступилъ раньше въ открытую полемику, когда 19 января 1765 года на сценѣ петербургскаго придворнаго театра была поставлена оригинальная «слезная комедія» Лукина: «Мотъ любовью исправленный», заслуживавшая тѣмъ больше отпора, что въ ея предисловіи авторъ защищаетъ это направленіе и, какъ извѣстно, являлся усерднымъ хулителемъ Сумарокова, который между тѣмъ довольствовался анонимными полемическими статьями близкихъ ему лицъ противъ Лукина, выступавшихъ въ «Трутнѣ».

Варнеке.

Театральная публика времени Сумарокова.

Русское общество пріохотилось къ театральнымъ зрѣлищамъ, преимущественно, въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны: въ то время они сдѣлались постоянными какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, и здѣсь впервые образовались хорошіе русскіе актеры.

Но еще раньше, чѣмъ сформировалась постоянная придворная русская труппа, въ Петербургѣ появлялись иностранные театральные артисты: италіанская опера и балетъ были заведены при русскомъ дворѣ еще въ царствованіе Анны Іоанновны, а при Елизаветѣ была приглашена и французская драматическая труппа. Впрочемъ, представленія послѣдней посѣщались въ то время не особенно усердно; содержаніе пьесъ французскаго репертуара было выше пониманія зрителей, а для нѣкоторой части ихъ и самый языкъ французскій не былъ доступенъ; однажды, въ 1754 году, на французскую комедію собралось такъ мало зрителей, что государыня приказала въ тотъ же вечеръ разослать ѣздовыхъ къ болѣе значительнымъ лицамъ съ запросомъ, почему они не были, и съ увѣдомленіемъ, что впредь за непріѣздъ полиція будетъ каждый разъ взыскивать по 50 рублей штрафа. За то, когда въ 1757 году въ Петербургъ пріѣхалъ италіанскій импрессаріо Локателли съ прекрасною труппою, получилъ дозволеніе давать свои представленія уже не для одного двора, но публично, на старомъ придворномъ театрѣ въ Лѣтнемъ саду, и началъ ставить комическія оперы и балеты à grand spectacle, то прекрасное исполненіе этихъ пьесъ и роскошная ихъ постановка, до-

стойныя — по словамъ иноземныхъ очевидцевъ — лучшихъ театровъ Парижа и Италіи, произвели чрезвычайное впечатлѣніе на петербургское общество: имъ овладѣла настоящая театральная лихорадка. Императрица въ первый годъ подарила счастливому импрессаріо 5000 рублей; онъ устроилъ годовой абонементъ, при чемъ бралъ за ложу до 300 рублей; сверхъ того, богатые люди на свой счетъ обивали свои ложи шелковыми матеріями и убирали ихъ зеркалами. Главною приманкою театра Локателли были двѣ хорошенькія актрисы: «Равенство въ пріятностяхъ, вкусѣ и танцованьи госпожъ Сакки и Беллюцци», разсказываетъ современникъ Я. Я. Штелинъ, «дѣлило на двѣ партіи зрителей, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли двѣ деревянныя, связанныя лентою дощечки, на коихъ написано было имя той изъ сихъ двухъ танцовщицъ, которая больше кому нравилась, и коей они больше аплодировать хотѣли, — сіи дощечки замѣняли часто ихъ ладони, кои отъ безпрестаннаго хлопанья у многихъ пухли».

Это столкновеніе театральныхъ партій отозвалось и въ современной имъ литературѣ. Одинъ изъ поклонниковъ актрисы Либеры Сакки, гвардіи унтеръ-офицеръ А. А. Ржевской напечаталъ, безъ своей подписи, въ тогдашнемъ журналѣ «Ежемѣсячныя Сочиненія» (1759 г., № 2) слѣдующій плохой сонетъ:

Когда ты, Либера, что въ драмѣ представляешь,
Въ часы тѣ, что къ тебѣ приходитъ плескъ во уши,
Отъ зрителей себѣ то знакомъ принимаешь,
Что въ нихъ ты красотой зажгла сердца и души.
Довольное число талантовъ истощила
Натура для тебя, какъ ты на свѣтъ рождалась.
Она тебя, она, о Сакко, наградила,
Чтобы на всѣ глаза пріятною казалась.
Небеснымъ пламенемъ глаза твои блистаютъ,
Тѣнь нѣжную лица черты намъ представляютъ,
Прелестенъ взоръ очей, осанка несравненна!
Хоть нѣкихъ дамъ языкъ клевещетъ тя хулою,
Но служитъ зависть ихъ тебѣ лишь похвалою;
Ты истинно плѣнять сердца на свѣтъ рожденна.

Намекъ, заключающійся въ послѣднихъ строкахъ этого стихотворенія, мѣтилъ, повидимому, очень далеко: стихи весьма не понравились при дворѣ, и совѣтника академической канцеляріи Тауберта нарочно призывали туда, чтобы узнать объ имени автора ихъ. Редактору «Ежемѣсячныхъ Сочиненій» Миллеру пришлось оправдываться въ помѣщеніи злополучнаго сонета. Неизвѣстно, впрочемъ, имѣлъ ли этотъ случай какія-либо непріятныя послѣдствія для восторженнаго поклонника италіанской артистки.

Съ воцареніемъ Екатерины II утонченность нравовъ дѣлаетъ замѣтные успѣхи въ русскомъ обществѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ упрочивается и любовь къ театральнымъ зрѣлищамъ, и даже начинают устроиваться, при дворѣ и въ высшемъ обществѣ столицы, такъ называемые благородные спактакли. Но рядомъ съ этимъ сознатель-

нымъ увлеченіемъ искусствомъ, примѣръ, поданный императрицей и ея приближенными, находитъ себѣ неумѣлыхъ подражателей, для которыхъ посѣщеніе театра становится модою. «Наши дворяне и большая часть молодыхъ людей», замѣчаетъ по этому поводу сатирическій журналъ 1769 года «Всякая Всячина», — «обыкновенно увѣряютъ, что они большіе охотники до театральныхъ представленій, и почитаютъ себя знатоками въ этомъ дѣлѣ. Едва услышатъ они о новой драмѣ, то уже толпами собираются въ театрѣ и съ нетерпѣливостью дожидаются примѣчать больше дѣйствующія лица, нежели характеры, ими представляемые. Они болѣе берутъ участія въ небольшихъ спорахъ и несогласіяхъ актеровъ, нежели въ судьбѣ тѣхъ славныхъ героевъ и героинь, въ видѣ коихъ они намъ являются. Какъ Дмитревскій, Ле-Сажъ, или Троепольская, Мартеньша и пр. одѣты были, ихъ голоса, движенія, осанка составляютъ предметъ многочисленныхъ разговоровъ. Но Синава жестокая страсть, погубившая брата его, любовницу и его самого, Гарпагонова гнусная скупость, Магометово злодѣйство и ложью ослѣпленное суевѣріе, ополчающія руки чадъ на родителя, исправленіе мота, словомъ, всѣ сіи живо изображенные характеры, вымышленные стихотворцами, возбуждающіе въ насъ благородныя чувства, исправляющіе наши нравы... предаются молчанію и столь мало внимаются, будто бы никакого примѣчанія не заслуживаютъ. Иные принуждаютъ себя казаться знающими въ драматическихъ сочиненіяхъ и любителями оныхъ и говорятъ, что больше только отъ скуки смотрятъ: но со всѣмъ тѣмъ можно видѣть, что ничто имъ больше онаго нравится».

До какой степени наивны были сужденія тогдашней русской публики объ игрѣ актеровъ, — объ этомъ мы находимъ нѣсколько современныхъ извѣстій. Воспринимаемое русскимъ обществомъ европейское образованіе подавляло самостоятельность его понятій до того, что оно не умѣло объективно цѣнить возникавшія въ средѣ его дарованія. Сама «Всякая Всячина», разсказывая объ успѣхахъ Троепольской и Дмитріевскаго и восхищаясь ими, спѣшитъ подкрѣпить свой восторженный отзывъ одобрительнымъ сужденіемъ вновь пріѣхавшихъ французскихъ актеровъ и актрисъ о русскихъ сценическихъ талантахъ. Пристрастіе къ французамъ и всему французскому было у насъ такъ велико, что, по словамъ «Всякой Всячины», даже въ то самое время, когда Троепольская и Дмитріевскій исторгали у зрителей слезы, исполняя Сумароковскаго «Синава», одинъ господинъ — въ родѣ Фонвизинскаго «Иванушки» — не могъ не воскликнуть со вздохомъ: «Жаль, что они не французы; ихъ бы можно почесть совершенными и рѣдкими въ своемъ искусствѣ!» И великій князь Павелъ Петровичъ, будучи ребенкомъ (въ 1765 году), безъ сомнѣнія со словъ кого-либо изъ придворныхъ, говаривалъ, что русскіе комедіанты дурно играютъ, и что какъ бы мы ни желали, чтобъ они были хороши, они все-таки останутся дурными. Прибавимъ къ этому, что въ тогдашнее время занятія актера считались

вообще неблагородными, а знакомство съ комедіантами — унизительнымъ для порядочнаго чоловѣка. Вслѣдствіе того, дружба нѣкоторыхъ писателей изъ дворянъ: А. П. Сумарокова, Н. И. Новикова, В. И. Майкова съ знаменитыми русскими актерами Ѳ. Г. Волковымъ и И. А. Дмитріевскимъ оказывалась даже нѣкоторымъ протестомъ противъ господствовавшихъ въ обществѣ предразсудковъ.

Неудивительно, что при такихъ понятіяхъ русская публика обнаруживала крайнее неумѣнье вести себя въ театрѣ, и особенно въ такомъ, гдѣ играли русскіе актеры. Въ «Вечерахъ»—сатирическомъ журналѣ 1770—1771 годовъ—находимъ слѣдующее любопытное письмо одной дамы: «Господа издатели! Усерднѣйше прошу васъ дать пристойно восчувствовать нашимъ согражданамъ, въ чемъ состоитъ цѣль и установленіе театровъ, и что на таковыя позорища, какъ комедія и трагедія, ѣздятъ, чтобы слушать, а не только глядѣть или себя казать и смотрѣть другихъ, и что благоразумное воспитаніе учитъ въ собраніяхъ, гдѣ чего бы то ни было и какое-либо сообщество собралось слушать, если самъ слушать не хочешь, то другимъ не мѣшать. Мнѣ случилось быть въ театрѣ, когда русскаго «Беверлея» представляли; истинно съ крайнею прискорбностью слышала: вопервыхъ, что не умолкали говорить; многія дамы для прохлажденія медку изъ караульни посылали просить, другія кушали, наконецъ, въ театрѣ хохотали, на что, конечно, другой причины тѣмъ забавнымъ людямъ не было, какъ только названіе комедіи, въ которую, по ихъ мнѣнію, надлежало смѣяться. Молчаніе и тихость не прежде возстановились, когда въ самомъ дѣлѣ только глазками, а не слухомъ, вниманіе имѣть должно, то-есть въ балетѣ. Размышляя о семъ, мнѣ пришла на умъ и та неутѣшная мысль, что намъ предъ чужестранными и тѣмъ извиниться не можно, что парадисъ или, въ другихъ мѣстахъ, партеръ всякаго состоянія людьми въ вольныхъ позорищахъ наполняется, потому что въ императорскій театръ, кромѣ благородныхъ, положено не впускать, почему титулованныя особы суть одни въ немъ зрители».

Особенно безцеремонно вела себя театральная публика въ Москвѣ. Картину ея поведенія оставилъ Сумароковъ въ слѣдующихъ строкахъ предисловія къ своему «Дмитрію Самозванцу»: «Непристойно... съѣзжавшимся видѣть «Семиру», сидѣть возлѣ самаго оркестра и грызть орѣхи, и думати, что когда за входъ заплачены деньги въ позорище, можно въ партерѣ въ кулачки биться, а въ ложахъ разсказывати исторіи своей недѣли громогласно и грызти орѣхи... Многіе въ Москвѣ зрители и зрительницы не для того на позорищи ѣздятъ, дабы имъ слышать ненужныя имъ газеты; а грызеніе орѣховъ не приноситъ удовольствія ни зрителямъ разумнымъ ни актерамъ, ни трудившемуся во удовольствіе публики автору; его служба награжденія, а не наказанія достойна. Вы, путешественники, бывшіе въ Парижѣ и въ Лондонѣ, скажите: грызутъ ли тамъ во время представленія драмы орѣхи, и когда представленіе въ пущем

жарѣ своемъ, сѣкутъ ли поссорившихся между собою пьяныхъ кучеровъ ко тревогѣ всего партера, ложъ и театра?»

Эти дикія черты театральныхъ нравовъ могли бы казаться невѣроятными и изобрѣтенными горячимъ воображеніемъ раздражительнаго Сумарокова, если бы не находили себѣ подтвержденія въ нижеслѣдующемъ объявленіи московскихъ актеровъ труппы антрепренеровъ Бельмонти и Чинти, которое было тогда же напечатано и раздавалось, вѣроятно, вмѣстѣ съ афишами:

«Отъ актеровъ Россійскаго театра

«Объявленіе.

Декабря 22 дня представлена будетъ «Семира», на собственный зборъ актеровъ. Авторъ оной драмы покорнѣйше проситъ публику о благоволительномъ слушаніи, дабы могъ онъ давати свои драмы и впредь, ради удовольствія зрителей. Онъ бы тщетно давалъ на представленія свои сочинненія, ежели бы онъ чаялъ то, что не для слушанія ево драмъ, но ради единаго собѣседованія и разговоровъ въ театральный домъ собираются; ибо трудолюбно написанныя имъ сцены мѣшали бы собирающимся разговаривать. Автору кажется, что сіе ево размышленіе основательно, и требованіе справедливо: о чемъ и актеры нижайше просятъ. А въ противномъ случаѣ, ни одной трагедіи и ни одной комедіи сего автора; безъ присутствія Двора, при жизни авторовой, въ Москвѣ представлено не будетъ. А содержатели театра съ нимъ письменно обязались, чтобъ безъ ево согласія, ево сочиненій не представлять, чево они и безъ обязательства дѣлать не могутъ. Представленіе начинается по обыкновенію въ 6 часовъ по полудни».

Майковъ.

Общій характеръ сатиры Сумарокова.

Разбирая стихотворныя произведенія Сумарокова, мы придемъ къ той мысли, что тамъ, гдѣ онъ шелъ дорогою сатиры, насмѣшки, преслѣдуя особенно мракъ и невѣжество, тамъ стихъ его становился и глаже, и изящнѣе, и для насъ понятнѣе.

«Гдѣ нѣтъ наукъ, тамъ нѣтъ ни счастья ни покою», говоритъ онъ въ «Письмѣ къ князю Голицыну», выражая здѣсь свою пламенную любовь къ просвѣщенію. Сатира оживляла его и измѣняла рѣшительно. Порокъ, преслѣдуемый имъ, задѣвалъ его за живое и вдохновлялъ его.

Но, несмотря на это рѣшительное призваніе къ сатирѣ, «сатиры» Сумарокова не имѣютъ художественнаго достоинства, какое мы привыкли требовать отъ этого рода стихотвореній. Въ сатирѣ Сумарокова много желчи, и она скорѣе походитъ на памфлетъ. Да

Сумароковъ и созданъ былъ собственно для задора памфлетиста. Его страстная натура вполнѣ соотвѣтствовала этому задору, и онъ былъ сатирикомъ въ прозѣ, въ летучихъ листкахъ сатирическаго журнала, созданнаго имъ у насъ. Зато въ сатирахъ его больше русскихъ началъ, чѣмъ у Кантемира. Сатиръ, написанныхъ стихами, отъ Сумарокова осталось намъ 9. Въ первой сатирѣ разсуждаютъ самъ поэтъ и другъ его, удерживающій его отъ сочиненія сатиръ. Поэтъ говоритъ о себѣ:

Когда я истину народу возвѣщу
И нѣсколько людей сатирой просвѣщу,
Такъ люди честные, мою зря службу,
Противъ бездѣльниковъ ко мнѣ умножатъ дружбу.
Невѣжество меня ничѣмъ не возмутитъ,
И росская меня Паллада защититъ;
Не малая статья ея безсмертной славы,
Чтобъ были чищены ея народа нравы.

Другъ доказываетъ ему всю трудность жребія сатирическаго писателя. Онъ говоритъ ему, что противъ пороковъ невозможно воевать одною логикою и разумными доказательствами, что

....логики у насъ и имя рѣдко вѣстно:
Такъ трудно доказать, безчестно что иль честно.

Но поэтъ не отказывается отъ борьбы до тѣхъ поръ, пока смерть не заградитъ ему устъ и, можетъ быть, въ этомъ горячемъ **profession de foi** поэта было и горячее убѣжденіе самого Сумарокова. По крайней мѣрѣ, вся жизнь его была продолжительною, ожесточенною борьбою съ пороками, и мы знаемъ, что онъ не кривилъ душою, не продавалъ себя, можетъ быть, эта борьба еще болѣе ожесточила и безъ того задорный характеръ его. Нельзя упрекать Сумарокова въ томъ, что сатира его носитъ мелкій, придирчивый характеръ: въ томъ обществѣ, въ которомъ жилъ онъ, другою она и быть не могла.

Въ ѣдкомъ и придирчивомъ характерѣ сатиры Сумарокова была практичность, желаніе и возможность дѣйствовать, необходимыя въ молодомъ, еще недалеко ушедшемъ впередъ, обществѣ.

Въ сатирѣ «Кривой толкъ» мало русскаго, потому что почти вся она заимствована изъ Буало и заключаетъ въ себѣ общія мѣста. Но зато въ сатирѣ «О благородствѣ», обращенной авторомъ къ дворянамъ, виденъ уже бытъ русскій, — бытъ, который окружалъ поэта, и въ которомъ онъ самъ выросъ. Тѣмъ же характеромъ отличается и сатира «О худыхъ судьяхъ», въ которой Сумароковъ преслѣдуетъ ябеду, со всею ея темною обстановкою. Тутъ уже черты не общія, не блѣдныя, и когда сатирикъ говоритъ: «Въ три фунта выписка слыветъ у насъ экстрактъ», то читатель знаетъ, гдѣ подмѣтилъ это авторъ. Въ сатирѣ «О французскомъ языкѣ» Сумароковъ нападаетъ на неумѣренное употребленіе французскаго языка въ явный ущербъ

родному, и въ этомъ нападеніи слышится оскорбленное чувство истины и особенно горячая любовь къ родному языку. Онъ говоритъ:

Кто русско золото французской мѣдью мѣдитъ,
Ругаетъ свой языкъ и по-французски бредитъ.
. . . .
Прекрасенъ нашъ языкъ единой стариной,
Но глупостью писцовъ онъ нынѣ сталъ иной.
И ежели отъ ихъ онъ узъ не свободится,
Такъ скоро никуда онъ больше не годится.

Особенно хороша сатира Сумарокова: «Наставленіе сыну». Въ ней столько ѣдкой и вмѣстѣ съ тѣмъ грустной ироніи, она такъ художественно задумана, что и теперь, несмотря на тяжелый стихъ свой, можетъ произвести впечатлѣніе. Въ ней старый плутъ, прощаясь съ жизнью, даетъ сыну уроки жизни и въ этихъ урокахъ разсказываетъ невольно свою оскорбительную для человѣчества біографію. Тою же иронією отзывается ода, присоединенная къ сатирамъ: «Отъ лица лжи».

Но не въ этихъ классически-правильныхъ сатирахъ, гдѣ нужно было работать надъ формою и не выходить изъ рамокъ, означенныхъ условными правилами господствующей теоріи, надобно искать сатиры Сумарокова. Съ сатирою мы привыкли соединять, повторяю, строгость формы, а въ эту форму не вмѣщался сатирическій пылъ Сумарокова. Пожалуй, нельзя назвать сатирою и мелкія прозаическія статьи Сумарокова, потому что онѣ не согласны съ формою, но назовемъ ихъ *критикою*. Въ нихъ-то собственно и надобно искать всего того, что составляло содержаніе сатиры Сумарокова, и онѣ-то, вызвавъ собою явленіе сатирическихъ журналовъ, служили статьямъ ихъ образцами. Сумароковъ своею «Трудолюбивою Пчелою» былъ провозвѣстникомъ послѣдующихъ журнальныхъ явленій. Тамъ въ журналѣ сатира его уже не вдавалась въ общія мѣста, не заимствовала изъ Буало, а черпала изъ быта.

Басни Сумарокова, которыя онъ самъ назвалъ «притчами», стóятъ болѣе подробнаго разбора, нежели позволяетъ намъ объемъ труда. Недаромъ Карамзинъ называлъ ихъ самымъ лучшимъ произведеніемъ Сумарокова, а Новиковъ считаетъ ихъ «сокровищемъ россійскаго Парнаса», хотя въ наше время онѣ совершенно забыты. Сумароковъ былъ самымъ плодовитымъ нашимъ баснописцемъ. Басни его дѣлятся на 6 книгъ, и всѣхъ басенъ у него 378. Такое количество удивляетъ насъ, но не надобно забывать, что въ это число входитъ довольно стихотвореній, не имѣющихъ ничего общаго съ баснею ни по формѣ ни по содержанію. Это — энциклопедія мелкой насмѣшки, а иногда и ѣдкой и тяжелой сатиры. Талантъ Сумарокова и то, что составляло сущность его, выказывался вездѣ и прорывался сквозь условную форму искусства.

Баснямъ Сумарокова придаетъ много жизни ихъ явное сатирическое содержаніе, и потому онѣ вполнѣ достойны изученія. Нравы времени и картины современнаго быта разбросаны въ нихъ щедрою

рукою и попадаются на каждомъ шагу; особенно любопытны въ нихъ русскія черты, не похожія на тѣ, какія встрѣчаемъ мы у Крылова. И нравы и общество измѣнились, такъ что, сравнивая басни обоихъ поэтовъ между собою, мы можемъ сдѣлать довольно полное заключеніе объ историческомъ развитіи общества въ нравственномъ отношеніи. Сумароковъ еще тѣмъ замѣчателенъ въ своей баснѣ, что онъ мало думаетъ о формѣ ея, объ аллегоріи, о которой, естественно должны были хлопотать позднѣйшіе, болѣе развитые баснописцы. При разборѣ басенъ Сумарокова совершенно неумѣстенъ вопросъ прозрачна или нѣтъ ея аллегорія? О ней и не думалъ, повидимому поэтъ. Перенося въ русскую литературу форму басни Лафонтена онъ, слава Богу, забылъ ея общее содержаніе, забылъ эту вѣчную мораль, которая даже у Крылова иногда является приторною. У него басня — совершенная сатира. Въ баснѣ Сумарокова замысловатой аллегоріи не было. Она выражалась, хоть грубо, но зато ясно, и смыслъ не терялся подъ блестящею фантастическою игрою словъ и образовъ. Эта старая басня еще и потому заслуживаетъ вниманія и уваженія, что позднѣйшіе баснописцы заимствовали много изъ нея. Не приводя много примѣровъ, что легко бы было сдѣлать, скажемъ что одна изъ оригинальнѣйшихъ басенъ Крылова «Муха и Дорожные» очень напоминаетъ басню Сумарокова «Услужливый Комаръ». Къ тому же, по нашему крайнему разумѣнію, въ баснѣ Сумарокова гораздо больше отражается русское содержаніе того времени, нежели у позднѣйшихъ баснописцевъ имъ современное.

Главною цѣлью нападеній, разумѣется, были: ябеда, подьячество, крючки и плутни приказныхъ, и Сумароковъ не щадилъ ихъ нисколько въ баснѣ. Большая и самая злая часть басенъ направлена была на эти язвы, которыя были конькомъ Сумарокова. Несмотря на грубую форму, легко видѣть въ нихъ умно подмѣченныя черты времени. Безъ всякаго сомнѣнія, въ басняхъ Сумарокова было много личностей; вѣроятно, онѣ указывали на лица, извѣстныя многимъ, но намъ невозможно проникнуть въ эти закулисныя тайны тогдашней литературы. Конечно, завязка многихъ басенъ очень нелѣпа, дѣйствія собственно нѣтъ никакого, искусства вообще мало, но все это выкупается злою сатирою, не хитрымъ добродушіемъ, какъ у Крылова, — добродушіемъ, которому иногда мало вѣришь, не зная что за нимъ скрывается. Мораль выражается въ немногихъ словахъ, часто въ одной строчкѣ у Сумарокова; но иныя изъ этихъ строчекъ и теперь многими повторяются, напримѣръ:

На что и голова, когда ума въ ней нѣтъ...
Не сдѣлаешь вовѣкъ красавца изъ урода:
Никто того не дастъ, чего не дастъ природа...
Опасно наставленье строго,
Гдѣ звѣрства и безумства много...
Достойной похвалы невѣжи не умалятъ,
А то не похвала, когда невѣжи хвалятъ...

и много другихъ.

Между баснями встрѣчаются совсѣмъ не басни. Иногда же басня, безъ всякаго смысла, приплетается къ какой-нибудь истинѣ, напр. «Порча языка» (III, 30), гдѣ Сумароковъ воюетъ за чистототу русскаго языка и обращается къ Козицкому и Мотонису.

Собраніе своихъ басенъ Сумароковъ посвятилъ наслѣднику престола великому князю Павлу Петровичу. *Буличъ.*

Сатиры Сумарокова[1]).

При внимательномъ ознакомленіи съ сатирами Кантемира, нельзя не притти къ тому заключенію, что чувство негодованія возбуждаемо было въ немъ трояkими явленіями: одни изъ нихъ противорѣчили вообще понятію объ общественномъ и духовно-нравственномъ совершенствованіи человѣка, — это явленія, которыхъ не чужда жизнь всего человѣчества, общечеловѣческія; другія, составлявшія постоянную, болѣе или менѣе, принадлежность извѣстнаго народа, и въ томъ числѣ русскаго, непріятно поражали сатирика, какъ несогласныя съ его представленіями и понятіями о достоинствѣ народа; третьи, наконецъ, и самыя язвительныя для автора сатиръ, — это тѣ явленія въ духовно-нравственной, умственной и общественной сферѣ жизни окружавшей его среды, которыя являлись, какъ результатъ сознательнаго или безсознательнаго сопротивленія успѣхамъ петровскихъ преобразованій. Поэтому предметъ содержанія сатиръ Кантемира составляютъ пороки и недостатки общечеловѣческіе, общенародные и условнонародные; послѣдніе могутъ быть названы еще временными мѣстными, представлявшимися явленіями порочными только извѣстной, избранной части русскихъ людей, подъ вліяніемъ исключительныхъ условій преобразовательнаго времени. При этомъ слѣдуетъ замѣтить также, что относительно всѣхъ трехъ родовъ пороковъ и недостатковъ сатирикъ руководился однимъ и тѣмъ же мѣриломъ, идеаломъ, созданнымъ имъ себѣ въ зависимости отъ свѣжихъ впечатлѣній преобразовательной эпохи Петра; а реформаторомъ-царемъ преслѣдовалась, какъ извѣстно, просвѣтительная цѣль во всей ея широтѣ и глубинѣ; поэтому повинные въ порокахъ и недостаткахъ общечеловѣческихъ, общенародныхъ и условнонародныхъ являлись въ глазахъ сатирика одинаково заслуживающими обличительной кары, потому что они задерживали развитіе народной жизни въ началахъ общечеловѣческаго, европейскаго просвѣщенія.

Въ составъ порицанія и обличенія пороковъ и недостатковъ условнонародныхъ входитъ, во-первыхъ, осмѣяніе упорныхъ защитниковъ старыхъ, узконаціональныхъ условій жизни и нежеланіе ихъ

[1]) Сатиры Сумарокова извѣстны подъ слѣдующими заглавіями: I. «Піитъ и другъ его», II. «Кривой толкъ», III. «О благородствѣ», IV. «О худыхъ риемоплетахъ», V. «О худыхъ судьяхъ», VI. «О французскомъ языкѣ», VII. «О честности», VIII. «О злословіи», IX. «Наставленіе сыну», X. «Ода отъ лица лжи».

принять и усвоить новыя начала; во-вторыхъ, осмѣяніе тѣхъ, которые, ложно понявъ самую сущность преобразованій, ограничились только перениманіемъ одной лишь внѣшней стороны западноевропейской цивилизаціи, просто обезьянничали и тѣмъ самымъ задерживали желанное развитіе жизни точно такъ же, какъ и упорные защитники старины.

Дѣленіе порядковъ и недостатковъ на три рода, подобное только что приведенному, приложимо и къ предмету содержанія сатиръ Сумарокова; разница возможна лишь въ преимущественномъ господствѣ того или другого рода явленій, заслуживающихъ обличенія и, слѣдовательно, въ большей или меньшей степени вниманія сатириковъ къ тому или другому роду ихъ.

Современная Сумарокову народная (въ общемъ смыслѣ этого слова) среда была уже иною, чѣмъ при первомъ сатирикѣ: пороковъ и недостатковъ условнонародныхъ при немъ оказывалось далеко больше; если при Сумароковѣ было меньше невѣжественно-упорныхъ защитниковъ старины, то число безсознательныхъ задерживателей успѣховъ просвѣщенія было гораздо значительнѣе, а потому и явленія обезьянничанья разнообразнѣе; обличеніе этихъ-то порочныхъ явленій занимаетъ довольно видное мѣсто въ сатирахъ Сумарокова.

Сумароковъ, подобно предшественнику своему Кантемиру, въ сатирахъ своихъ прежде всего выражаетъ негодованіе на невѣжество, какъ общую причину и главное основаніе всевозможныхъ пороковъ и недостатковъ; такъ, напримѣръ, въ первой сатирѣ — «Піитъ и другъ его» — сатирикъ въ лицѣ поэта говоритъ:

Когда я истину народу возвѣщу
И нѣсколько людей сатирой просвѣщу,
Такъ люди честные, мою зря службу,
Противъ бездѣльниковъ ко мнѣ умножатъ дружбу,
Невѣжество меня ничѣмъ не возмутитъ.

Другъ поэта старается доказать ему всю трудность задачи сатирика, такъ какъ съ порочными людьми не легко бороться, опираясь на логическія доказательства, особенно когда

...Логики у насъ и имя рѣдко вѣстно,
Такъ трудно доказать, безчестно что иль честно.

Но поэтъ-сатирикъ намѣренъ бороться съ невѣжествомъ, не на жизнь, а на смерть:

Гдѣ я ни буду жить: въ Москвѣ, въ лѣсу иль въ полѣ,
Богатъ или убогъ, терпѣть не буду болѣ
Безъ обличенія презрительныхъ вещей. —
Доколѣ дряхлостью иль смертью не увяну,
Противъ пороковъ я писать не перестану [1]).

[1]) Сочиненія Сумарокова, ч. VII, 354.

Во второй сатирѣ — «Кривой толкъ», — встрѣчаемъ обличеніе невѣжества въ слѣдующихъ словахъ:

Я помню, чей я внукъ,
По дѣдовски живу, не надобно наукъ [1]).

Такое же обличеніе невѣжества находимъ у Сумарокова и въ другихъ его произведеніяхъ; напр., въ одномъ мѣстѣ сатирикъ замѣчаетъ: «не бремя ли ученіе?!...[2]); его «Хоръ невѣжества» поетъ:

Мы полезнаго (?) желаемъ,
А на вредъ ученья лаемъ [3]).

Но всѣ эти общія порицанія и такое же осмѣяніе невѣжества не даютъ еще яснаго понятія о предметѣ содержанія сатиръ С. — предметѣ, обусловливавшемся порицаемымъ невѣжествомъ; поэтому слѣдуетъ разсмотрѣть обличительное отношеніе сатирика къ каждому изъ трехъ названныхъ выше родовъ пороковъ и недостатковъ въ современной ему русской жизни.

Остановимся сначала на обличеніяхъ пороковъ и недостаткахъ условнонародныхъ. Со временъ Елизаветы Петровны французскіе нравы, обычаи и языкъ являются господствующими при русскомъ дворѣ. Сама императрица служила лучшимъ примѣромъ подчиненія французскому вліянію[4]). Но одною придворной сферой вліяніе это не ограничивалось; оно быстро распространялось сначала въ столицѣ, потомъ въ большихъ провинціальныхъ городахъ и, наконецъ, повсемѣстно достигло весьма большихъ размѣровъ, особенно при Екатеринѣ II. Модничанье во всевозможныхъ видахъ было, между прочимъ, однимъ изъ дурныхъ послѣдствій этого вліянія. Модниковъ въ то время называли «петиметрами», и сатирикъ, порицая пороки и недостатки, возникшіе подъ французскимъ вліяніемъ, замѣчаетъ, что по мнѣнію петиметра, вся мудрость состоитъ въ умѣньѣ слѣдовать модѣ, то-есть въ завивкѣ кудрей, извѣстномъ фасонѣ кафтана и т. п.[5]). Общее обличеніе этого порока вмѣстѣ съ другими заключаетъ въ себѣ одно стихотвореніе, въ которомъ сатирикъ заставляетъ синицу, прилетѣвшую изъ-за моря, разсказывать о заморскихъ порядкахъ въ параллель съ русскими порядками; синица сообщаетъ, что тамъ, за моремъ, не думаютъ, какъ здѣсь, у насъ, будто «дѣвушкѣ разума не надо», а что ей нужны лишь наряды, румяны, бѣлила, что тамъ языкъ родной не въ презрѣніи, что путешествій не предпринимаютъ затѣмъ,

Чтобъ воздухомъ чужимъ некстати
Головы пустыя набивая,
Пузыремъ надутымъ возвращаться [6]).

---

[1]) Тамъ же, 357.
[2]) Тамъ же, ч. VI, 227—270.
[3]) Тамъ же, ч. VIII, 356.
[4]) Леди Рондо, — письмо XIV, 46—47.
[5]) Сочиненія Сум., ч. VII, 352. Сатира II.
[6]) Тамъ же, ч. VIII, 359—361. Друг. хоръ ко превратному свѣту.

Обличенія Сумарокова подтверждаются и раскольничьей сатирой XVIII вѣка[1]).

Однимъ изъ видовъ модничанья была погоня за практическимъ знаніемъ французскаго языка, въ ущербъ знанію своего родного; при повсемѣстномъ же господствѣ французоманіи это явленіе было всеобщимъ, рѣзко бьющимся въ глаза, что, вѣроятно, и побудило Сумарокова написать отдѣльную сатиру для обличенія этого порока; въ ней онъ говоритъ:

Взращенъ дитя твое, и сталъ уже дѣтина;
Учился, наученъ; учился, сталъ скотина!
Болтать и попугай, сорока, дроздъ умѣютъ,
Но больше ничего они не разумѣютъ.
Французскимъ словомъ онъ въ рѣчь русскую плыветъ;
Солому — пальею, обжектомъ — видъ зоветъ;
И рѣчи русскія ему лишь тѣ прелѣстны,
Которы на Руси врагамъ однимъ извѣстны.

Далѣе:

И есть родители, желающи тово
По русски дѣти не знали бъ ничего.

Тутъ же сатирикъ разражается порицаніемъ тѣхъ,

Кто русско золото французской мѣдью мѣдитъ,
Ругаетъ свой языкъ и по французски бредитъ,

и высказываетъ свой взглядъ на изученіе иностранныхъ языковъ:

Языки чужды намъ потребны для того,
Чтобъ мы читали въ нихъ на русскомъ нѣтъ чего,

а не для того, чтобъ знаніе ихъ приводило къ такимъ, напримѣръ, жалобнымъ явленіямъ:

На русскомъ прежде былъ языкѣ сынъ твой шуменъ.
Французскаго схвативъ, онъ сталъ совсѣмъ безуменъ[2]).

При томъ же, изученіе дѣтьми французскаго языка, при незнаніи главнѣйшихъ правилъ своего родного, сопровождалось большими затрудненіями. Сатирикъ говоритъ иронически по этому поводу въ одной изъ притчъ, какъ нѣкто изъ русскихъ путешественниковъ во Францію замѣчалъ: «у насъ ребятъ учатъ (фр. яз.) и наукой (этой) мучатъ, а тамъ (во Франціи) и не учася всѣ умѣютъ по французски, как мы по русски»[3]).

Пренебреженіе всѣмъ своимъ роднымъ русскимъ и стремленіе къ усвоенію внѣшней стороны французскаго просвѣщенія и бытовыхъ отличій, сдѣлавшіяся маніею въ современной сатирику среде, онъ отличаетъ еще въ баснѣ — «Черепаха», въ слѣдующихъ ея стихахъ:

[1]) Тихонравовъ. Лѣтописи русской литер. и древней, т. V. отд. III, 42.
[2]) Сочиненія Сум., ч. VII, 364.
[3]) Тамъ же, 204, притча XXI.

Намѣрилася черепаха
Изъ царства русскова зѣвать.
Въ пути себѣ не видя страха,
Въ Парижѣ хочетъ побывать.
Не говоритъ уже по-русски,
И вретъ и бредитъ по-французски,
Съ ней больше о Руси никто не говори,
А только етоври:
Парижъ, Версалья, Тюльери...[1]).

Какъ вообще было велико негодованіе сатирика по отношенію къ пренебрегавшимъ роднымъ языкомъ, это показываетъ слѣдующій фактъ. Въ разговорѣ съ Н. И. Панинымъ, когда зашла рѣчь о Бецкомъ, Сумароковъ сказалъ: «Есть у Бецкаго Таубертъ; этотъ все ему говоритъ, что въ училищѣ надо воспитывать на языкѣ нѣмецкомъ, а Бецкій — на французскомъ. А по моему и Бецкій и Таубертъ оба дураки, потому что русскихъ дѣтей на русскомъ языкѣ (должно) и воспитывать и учить»[2]).

Какъ слѣдствіе указаннаго отношенія русской общественности къ своему языку, по мнѣнію сатирика, было то, что русскій языкъ является «прекраснымъ»

...Единой стариной,
Но глупостью писцовъ онъ нынѣ сталъ иной,
И ежели отъ нихъ онъ не освободится,
Такъ скоро никуда онъ больше не годится[3]).

Вотъ это-то обстоятельство и заставило Сумарокова сказать:
«Кто пишетъ, долженъ мысль прочистить напередъ», чтобъ написанное можно было понимать безъ затрудненій, чтобъ языкъ былъ ясный и точный, а далѣе замѣчаетъ:

Языкъ нашъ сладокъ, чистъ и пышенъ, и богатъ;
Но скупо вносимъ мы въ него хорошій складъ;
Такъ чтобъ незнаніемъ ево намъ не безславить,
Намъ должно весь свой складъ хоть нѣсколько поправить.
Не нужно, чтобы всѣмъ надъ риѳмами потѣть,
А правильно писать потребно всѣмъ умѣть[4]).

По той же причинѣ Сумароковъ написалъ и IV сатиру — «О худыхъ риѳмотворцахъ», — которые принимались не за свое дѣло, а вслѣдствіе этого и языкъ русскій и въ произведеніяхъ терялъ много своихъ достоинствъ:

Когда бъ учились мы, исчезли бъ пухлы оды,
И не ломали бъ языка переводы.

Продолжая говорить на ту же тему, онъ замѣчаетъ: если сапожнику и пирожнику нужна наука (т.-е. извѣстная сноровка), то тѣмъ болѣе литературному дѣятелю необходимо знаніе; но, кромѣ того,

---

[1]) Тамъ же, кн. 2, 81—82.
[2]) Разсвѣтъ, 1860 г., № 7, 118.
[3]) Сочиненія Сум., ч. VII, 204. Сатира о франц. языкѣ.
[4]) Тамъ же, ч. I, 330—331. «Епистола о русскомъ языкѣ».

для послѣдняго «еще и сердце нужно»; сатирикъ совѣтуетъ бездар-
нымъ поэтамъ умолкнуть, потому что, по его мнѣнію,

Виргилій долженъ пѣть въ дни сей Императрицы,
Горацій — возгласить великія дѣла.
Екатерина вѣкъ преславный намъ дала:
Восторга нашего предѣловъ мы не знаемъ,
Трепещетъ отоманъ, ужъ Россы за Дунаемъ,
Подъ Бендеромъ огнемъ покрылся горизонтъ,
Колеблется земля и стонетъ Геллеспонтъ;
Сквозь тучи молнія въ дыму по сферѣ блещетъ,
Тамъ море корабли турецки въ воздухъ мѣщетъ,
И кажется съ бреговъ: морски валы горятъ,
А Россы бездну водъ во пламень претворятъ;
Россійско воинство вездѣ тамъ ужасъ сѣетъ:
Тамъ знамя Росское, тамъ флагъ Россійскій вѣетъ.
Подсолнечныя взоръ имперія влечетъ —
Нева со славою троякою течетъ,
На ней прославленъ Петръ, на ней Екатерина,
На ней достойнаго она взростила сына [1])

Въ приведенныхъ стихахъ, безъ сомнѣнія, нельзя искать сатири-ческой соли; въ нихъ только указанія на причины, которыя долженъ помнить всякій современный сатирикъ писатель и прилагать поэтому возможно больше старанія къ своимъ литературнымъ произведеніямъ: это необходимо затѣмъ, чтобъ сила и изящество языка соотвѣтствовали быстро возраставшему политическому могуществу русскаго народа. Въ какой мѣрѣ историческая критика признаетъ политическое могу-щество русскаго народа — это другой вопросъ; но нельзя пройти молчаніемъ общаго воодушевленія имъ писателей XVIII вѣка, воодуше-вленія, которое порождало массу хвалебныхъ стихотвореній рядомъ съ обличительною литературою того же времени.

Защищая сатирою употребленіе и обработку своего родного язык[а], вооружаясь противъ господства чуждаго, французскаго, Сумароковъ прибѣгаетъ даже къ памфлету; такъ, напримѣръ: замѣтивъ нѣкоторы[я] отступленія отъ обычныхъ въ его время грамматическихъ форм[ъ] языка въ сатирахъ Тредьяковскаго, онъ пишетъ «Сатиру на автор[а] Телемахиды», въ которой читаемъ, между прочимъ, слѣдующее:

...Намъ языкъ отъ *и* всегда ищетъ свободы:
Или ужъ стало *иль*, *коли* ужъ стало *коль*,
Изволи нынѣ всѣ твердятъ *изволь*,
За *спиши* — *спишь* и спать мы говоримъ *за спати*.
Но что же, Трессотинъ, намъ тянетъ *и* некстати?
Напрасно злобный сей ты предпріялъ совѣтъ,
Чтобъ льстя тебя, когда россійскій принялъ свѣтъ...
Россійска языка небесна красота
Не будетъ никогда попрана отъ скота!
Отъ яда твоего онъ самъ себя избавитъ... [2]).

Невѣжество, которымъ обусловливались только что указанн[ыя] явленія, порицаемыя сатирикомъ, давало себя чувствовать съ неменьш[ею]

[1]) Тамъ же, ч. VII, 363—366.
[2]) Сборн. Казан. Универс. — Библ. зап. 1859 г. № 17, 513—528.

силою въ другой сферѣ общественной жизни, юридической именно. Но пороки и недостатки въ этой сферѣ должны быть отнесены уже ко второму ихъ роду, т.-е. къ общенароднымъ; они существовали и до времени всеобщаго петровскаго преобразованія жизни; только прежде на нихъ обращалось меньше вниманія, чѣмъ въ эпоху преобразованія, обновленія всѣхъ сторонъ жизни. Злоупотребленія по судопроизводству, подкупность судей и вообще всѣхъ служащихъ, чиновниковъ, составляли, главнымъ образомъ, ту общественную язву, которая особенно раздражала сатирика. Къ приказнымъ лицамъ, чиновничеству, онъ питалъ отвращеніе, и эта черта въ характерѣ Сумарокова имѣетъ важное біографическое основаніе. Въ юныхъ лѣтахъ, на 13-мъ году жизни, ему пришлось имѣть дѣло съ этими людьми и сдѣлаться жертвою, до извѣстной степени, ихъ корыстолюбія, а именно: онъ вынужденъ былъ дать думному дьяку взятку въ 50 руб., о чемъ онъ самъ разсказываетъ въ своей статьѣ: «О думномъ дьякѣ, который взялъ съ меня пятьдесятъ рублей»; здѣсь сатирикъ излагаетъ всѣ, даже мельчайшія подробности обстоятельствъ, сопровождавшихъ дачу взятки, и при всякомъ удобномъ случаѣ дѣлаетъ самыя ѣдкія замѣчанія насчетъ думнаго дьяка и его прислуги.[1]).

Со временемъ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ житейскихъ условій, достаточно извѣстныхъ въ его біографіи, равно какъ и внутренняго нерасположенія къ несправедливости и насиліямъ всякаго рода, негодованіе Сумарокова еще болѣе усилилось; выраженіе этого негодованія находимъ какъ въ сатирахъ, такъ и въ другихъ стихотвореніяхъ, близкихъ къ первымъ по своему содержанію.

Обращаемся къ сатирамъ. Въ V-й — «О худыхъ судьяхъ» — сатирикъ говоритъ:

«На то ли обществу имѣть судей злочинныхъ,
Дабы законами губити имъ невинныхъ?
О взяткахъ такъ иной стремится бредни плесть:
Присягу рушу ль я, когда даютъ за честь?
За честь! и подлинно ты далъ ее въ продажу:
Я взяткамъ предпочту бездѣльникову кражу:
Ему отечество не ввѣрило суда,
И честныхъ онъ людей не судитъ никогда...[2])

Сатирическое собственно обличеніе и ограничивается приведенными стихами; но зато въ другихъ стихотвореніяхъ, близкихъ съ сатирамъ, сатирикъ не скупится на порицанія; напримѣръ: въ стихотвореніи «Къ неправеднымъ судьямъ» — онъ говоритъ:

О вы, хранители уставовъ и суда,
Для отвращенія отъ общества врѣда,
Которы силою и должностію властны,
Удобны отвращать и приключать напасти,
И не жалѣете невинныхъ поражать!...

[1]) Сочин., ч. VI, 379—383.
[2]) Тамъ же, ч. VII, 362—364.

и заключаетъ это стихотвореніе словами:

> А что говорите вы, такъ то люди знаютъ,
> Которыя отъ васъ отчаянно стонаютъ [1])

По поводу судейскаго дѣлопроизводства замѣчаетъ:

> Въ три фунта выписка слыветъ у нихъ экстрактъ.
> — Въ экстрактѣ скрытъ законъ;
> Они наполнены витійствами густыми,
> Или ясняй сказать, обрядами пустыми:
> Большею частію одинъ въ экстрактѣ брѣдъ,
> А въ дѣлѣ существа ни на полушку нѣтъ [2]).

Въ притчѣ «Судъ» — выражена ѣдкая иронія надъ судьей, обличаемымъ за то, что онъ истца и отвѣтчика — волка и лисицу — отсылаетъ вѣдаться о своемъ дѣлѣ къ секретарю своему въ берлогу [3]). А вотъ повтореніе того же обличенія, но въ болѣе открытой формѣ:

> Судьи приказныхъ дѣлъ у насъ не помѣчали
> Дьяки сей даръ писать и взятки брать нашли,
> Писать и брать они дворянство обучали [4]).

Званіе подьячаго было синонимомъ всевозможныхъ несправедливостей по судопроизводству, и сатирикъ пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы такъ или иначе обличить подьячаго; напримѣръ: разсказывая въ одной притчѣ, какъ шершни напали на патоку, и какъ хозяйка всѣхъ ихъ за это передавила, сатирикъ дѣлаетъ такое объясненіе:

> Хозяйка истина, а выкулупки взятки,
> Шершни подьячія, которы къ деньгамъ падки [5]).

Въ другой притчѣ сатирикъ разсказываетъ, какъ у нѣкоего регистратора за обѣдомъ подьяческая дочь вела себя по модѣ: имѣла при себѣ лорнетъ, не пила щей и квасу, лакомилась конфектами, при всемъ этомъ смѣялась много, болтала, — словомъ вела себя такъ, какъ считалось приличнымъ модной дѣвушкѣ.

Гости-писцы, подпивши, завели разговоръ о взяткахъ; по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ

> ...За трудъ и кожу драть, не только брать:
> За то ругаютъ насъ, да ето намъ издѣвка.

Дѣвушкѣ неловко было слушать такой разговоръ, потому что

> Она подьяческая дочь:
> Блаженной памяти ея родитель грѣшенъ;
> За взятки онъ повѣшенъ,
> До взятокъ былъ охочъ,
> И грабилъ и день и ночь [6]).

Весьма ѣдкое обличеніе хищническихъ инстинктовъ подьячаго находимъ также въ притчѣ — «Протоколъ»; въ ней идетъ рѣчь

---

[1]) Тамъ же, ч. I. 232.
[2]) Тамъ же, ч. VII, 358.
[3]) Тамъ же, ч. VII, 358.
[4]) Тамъ же, ч. VII, кн. 9, 122.
[5]) Тамъ же, кн. 1, 48, притча XLI.
[6]) Тамъ же, ч. VII, кн. 2, 72—73, пр. V.

томъ, какъ подьячій укралъ протоколъ и за это былъ посаженъ на колъ; сатирикъ по этому поводу выражаетъ сожалѣніе, что подьячій оттуда не принесетъ «полушечки» домой»[1]).

Но взятки брали не только полушечками, какъ видно изъ другой притчи, именно: къ стряпчему обратился кто-то за совѣтомъ: какъ ему получить свои 300 руб. Стряпчій посовѣтовалъ ему дать дьяку 500 руб., чтобъ выиграть свое правое дѣло[2]). Басня — «Волкъ и Ягненокъ» — равно какъ и другая — «Заяцъ» — не что иное, какъ осмѣяніе подьячихъ и ихъ козней. Пѣсня — «Савушка грѣшенъ» — была самою любимою пѣснью Сумарокова, по свидѣтельству его біографа С. Глинки. Содержаніемъ своимъ она напоминаетъ сатиру, обличающую взяточничество:

Савушка грѣшенъ,
Савушка повѣшенъ,
Савушка, Сава!
Гдѣ твоя слава?
Больше не падки
Мысли на взятки.
Савушка и т. д.

Гдѣ дѣлись цуки
Деньги и крюки
Савушка и т. д.
Прудъ въ вертоградѣ.
Сава во адѣ
Савушка и т. д.[3])

Слѣдующіе стихи изъ стихотворенія — «Другой хоръ къ превратному свѣту» — проникнуты такимъ же характеромъ, какъ и приведенная пѣсня:

Воеводы за моремъ правдивы,
Дьякъ тамъ цуками не ѣздитъ,
Дьячихи алмазовъ не носятъ,
Дьячата гостинцевъ не просятъ;

За носъ судей писцы не водятъ,
Сахаръ подьячій покупаетъ;
За моремъ подъячіе честны
За моремъ писать они умѣютъ[4]).

Очень много также обличеній пороковъ и недостатковъ подьячихъ въ разнообразныхъ прозаическихъ статьяхъ Сумарокова, не говоря уже о комедіяхъ[5]); напримѣръ: въ статьѣ «Жалоба утѣсненной

---

[1]) Тамъ же, 102, пр. III.

[2]) Тамъ же, кн. 3, 180, пр. XLI.

[3]) Тамъ же, ч. VIII, 211.

[4]) Тамъ же, 359—361.

[5]) Комедія, по понятію объ ея содержаніи самого сатирика, — это, такъ сказать сводъ сатирическаго обличенія; сатирикъ говоритъ:

«Свойство комедіи издѣвкой править правъ:
Смѣшить и пользовать прямой ея уставъ.
Представь бездушнова подъячева въ приказѣ,
Судью, что не пойметъ, что писано въ указѣ,
Представь мнѣ щоголя, что тѣмъ вздымаетъ носъ,
Что цѣлый мыслитъ вѣкъ о красотѣ волосъ:
Который родился, какъ мнитъ онъ для амуру,
Чтобъ гдѣ-нибудь къ себѣ склонить таку жъ дуру.
Представь латынщика на диспутѣ ево,
Что не совретъ безъ ерго ничего.
Представь мнѣ гордова раздута, какъ лягушку
Скупова, что готовъ въ удавку за полушку,
Представь картежника, который, снявши крестъ,
Кричитъ изъ-за руки, съ фигурой сидя, рестъ».

(Соч. ч. I, 342 и слѣд.).

истины Юпитеру»[1]); въ письмѣ — «О нѣкоторой заразительной болѣзни»[2]); въ статьѣ «О копiистахъ»[3]) и «О почитанiи автора приказному роду»[4]).

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ исчисленныя обличенія направлены были сатирикомъ на болѣе достаточный классъ, среду дворянскую; ей, главнымъ образомъ, были доступны въ то время французскіе нравы, обычаи, языкъ, модничанье во всѣхъ видахъ, равно какъ юридическая и литературная дѣятельность и пр. Но сатира на дворянскую среду не ограничивается исчисленнымъ кругомъ обличеній. Сумароковъ посвящаетъ еще цѣлую сатиру обличенію пороковъ и недостатковъ того же сословія; озаглавивъ ее «О благородствѣ» — начинаетъ такими словами:

«Сію сатиру вамъ, дворяне, приношу!...», и затѣмъ говоритъ:

Немногіе (дворяне) одно дворянство вспоминаютъ,
Не помня, что отъ бабъ рожденныхъ и отъ дамъ
Безъ исключенія всѣхъ праотецъ Адамъ...
Не въ титлѣ, въ дѣйствіи быть долженъ дворянинъ.

Далѣе, приводя на память подвиги Спиридова, Голицына, Румянцева, Панина, Еропкина, сатирикъ замѣчаетъ:

«А ты, въ комъ нѣтъ ума, безмозглый дворянинъ,
Хотя ты княжеской, хотя господскій сынъ»,
Какъ будто женщина дурная не жеманься...,
«Коль только для себя ты въ обществѣ живешь
И въ потѣ не своемъ ты съ масломъ кашу ѣшь»,

потому что

На пользу общества, въ трудахъ искати славы.

Это порицаніе дворянской гордости своимъ происхожденіемъ находитъ себѣ полную аналогію у Кантемира; причина такого сходства причины и слѣдствія — понятна: и первый и второй сатирикъ защищалъ одну и ту же идею, идею о преимуществѣ личнаго достоинства и личныхъ заслугъ передъ родовыми; оба они защищали путемъ осмѣянія и порицанія, табель о рангахъ, установленную у насъ Петромъ Великимъ, съ цѣлью отрѣшить привилегированныя боярское и дворянское сословія отъ столь живучихъ традицій мѣстничества.

[1]) Тамъ же, ч. VI, 373—374.
[2]) Тамъ же, стран. 375—378.
[3]) Тамъ же, 371.
[4]) Тамъ же, ч. X, 154—157.

Примѣчаніе. Я уклонился нѣсколько отъ прямого слѣдованія за содержаніемъ сатиръ и указалъ на обличеніе приказнаго рода людей въ притчахъ, эпиграммахъ, басняхъ и т. п. произведеніяхъ — на томъ основаніи, что сатирикъ съ особеннымъ вниманіемъ и настойчивостью преслѣдуетъ пороки и недостатки въ приказной сферѣ.

Ясно потому, что для Сумарокова, какъ послѣдователя и защитника идей и дѣлъ Петра Великаго, не существовало никакого различія между родовитымъ дворяниномъ и простымъ поселяниномъ.

...Ес(ть) ли не ясняй умъ барскій мужикова.

Сатирикъ — Сумароковъ не могъ мириться съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ находится дворянинъ и недворянинъ, мужикъ, работавшій на перваго, и поэтому съ ироніей предлагаетъ такой вопросъ:

На толь дворяне мы, чтобъ люди работали,
А мы бы ихъ труды по знатности глотали.

Далѣе, онъ обличаетъ дворянство въ проигрываніи своихъ крестьянъ въ карты, въ продажѣ ихъ, жестокомъ обращеніи съ ними и т. п. порокахъ, напримѣръ:

Барскій сынъ
Благородіе свое нерѣдко славитъ,
Что цѣлый полкъ людей на карты онъ поставитъ.

Или:

Ахъ, должно ли людьми скотинѣ обладать!
Не жалко ль? можетъ быкъ быку людей продать! [1]).

Духовное сословіе точно такъ же не избѣжало сатиры Сумарокова; такъ, напримѣръ, Сумароковъ обличаетъ стремленіе духовенства къ стяжанію богатствъ, по отреченіи отъ всего мірского, въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Отрекся ты и міра,
Явилъ себя намъ нища, сира,
Но сталъ богатѣе купца;
Не бьешся вкругъ сухого хлѣба.
Ты ищешь, достигая неба,
Въ богатствѣ райскаго вѣнца [2]).

Въ другомъ сатирическомъ стихотвореніи (которое, какъ и первое, причислено мною къ сатирамъ, на основаніи внѣшняго и внутренняго сходства ихъ съ послѣдними, сатирикъ порицаетъ домогательство незаслуженнаго уваженія, почета, а также грубость нравовъ и т. п. недостатки; а именно: къ одной бородѣ собираются другія бороды и жалуются на то, что имъ отказываютъ въ почтеніи. Выслушавъ ихъ жалобы,

Борода надъ бородами
Съ плачемъ къ стаду обратясь,
Осѣняла всѣхъ крестами
И кричала, разсердясь:
«Становитесь всѣ рядами,
Бейтесь бороды кнутами,
Бейте ими сатану,
Самъ его я прокляну!»

О! какой же крикъ раздался
Отъ бородъ сердитыхъ тутъ;
Усъ съ усомъ тамъ въ плеть свивался,
Борода съ брадою въ кнутъ;
Тамо сѣть изъ нихъ готовятъ,
Брадоборца чѣмъ изловятъ,
Злобно потащатъ на судъ
И усами засѣкутъ! [3])

---

[1]) Соч., ч. VII, стран. 357... Сатира IV.
[2]) Сборн. Библ. Казанск. унив. Библ. зап. 1859 г., № 15, 440—76
[3]) Тамъ же.

Поборы духовенства осмѣяны сатирикомъ въ притчѣ «Болванъ». Въ ней онъ разсказываетъ, какъ нѣкто, избранный въ боги, оказался сущимъ болваномъ, потому что

Не смотритъ, какъ жрецы мошны искусно слабятъ
Передъ его пришедшихъ алтари,
И деньги грабятъ,
Такимъ подобіемъ, какимъ секретари,
Въ приказѣ и т. д.[1]).

Въ другой притчѣ обличаетъ тѣхъ же служителей алтаря въ воровствѣ церковнаго имущества[2]).

Прослѣдивъ такимъ образомъ выраженіе сатирическаго негодованія Сумарокова по отношенію къ условно и общенароднымъ порокамъ и недостаткамъ въ современной ему общественной средѣ, слѣдуетъ указать еще на отношеніе сатирика къ недостаткамъ общечеловѣческимъ. И Сумароковъ, подобно предшественнику своему Кантемиру, также много мѣста отвелъ въ своихъ сатирахъ обличенію пороковъ послѣдняго рода; это объясняется, по моему мнѣнію, отвлеченнымъ критеріемъ, которымъ тотъ и другой сатирикъ руководился въ оцѣнкѣ явленій общественной и духовноправственной жизни. Къ общечеловѣческимъ и недостаткамъ и порокамъ, обличаемымъ Сумароковымъ, относятся: суевѣріе, притворство, эгоизмъ, плутовство, нечестность, ростовщичество, скупость, картежничество, пьянство, месть, пренебреженіе узами родства, жестокость, невѣріе и т. п.[3]).

Въ отношеніи обличенія общечеловѣческихъ пороковъ и недостатковъ особенно замѣчательна сатира IX — «Наставленія сыну».

Содержаніе ея такое; умирающій отецъ завѣщаетъ своему единственному сыну «не презирать блаженства живота» и о немъ одномъ «всей мыслью простираться».

Совѣтуетъ забыть требованія чести, совѣтуетъ плутовать, воровать, обманывать, лишь бы все было шито-крыто, угодничать, льстить старшимъ и сильнымъ, а низшихъ себя давить и т. п., а самое главное, говоритъ умирающій отецъ:

Ты честный человѣкъ пребуди для себя,
Не дѣлай ты себѣ единому обиды...
Давай и взятки самъ, и самъ опять бери!
Коль нѣтъ свидѣтелей, воруй, плутуй, сколь можно,
А при свидѣтеляхъ бездѣльствуй осторожно!
Любви родства, свойства и дружбы ты не знай
И только о себѣ единомъ вспоминай!...

И заключаетъ наставленіе слѣдующими словами:

«Живи, мой сынъ, живи, какъ жилъ родитель твой!»[4]).

---

1) Соч., ч. VII, кн. 2, стран. 73—74, притча VI.
2) Тамъ же, 106, притча XXXVII.
3) Тамъ же, стран. 366. Сатиры VII, VIII, IX и X.
4) Тамъ же, 369—375.

Указанное содержаніе предмета сатиръ Сумарокова заключало въ себѣ достаточно причинъ, чтобы вызвать впечатлительнаго литератора на обличенія, порицанія и осмѣянія, въ соотвѣтственной этому предмету формѣ литературныхъ произведеній, въ сатирѣ.

Авторъ сатиръ смотрѣлъ на сатирическій рядъ произведеній какъ на такой, въ которомъ

Должны мы пороки осуждать,
Безумство пышное въ смѣшное превращать,
Страстямъ и дуростямъ играючи ругаться;
Чтобъ та игра могла на мысли оставаться.
И чтобъ въ страстныя сердца она втекла:
Сіе намъ зеркало старецъ нужнѣй стекла[1]).

Но рождается вопросъ: производили ли сатирическія обличенія Сумарокова такое вліяніе на его современниковъ, подвергшихся сатирѣ, какого желанія достигнулъ авторъ? Втекла ли его сатира въ страстныя сердца и служила ли она зеркаломъ, отражающимъ порочную сторону русской жизни, современной сатирику? Отвѣтъ на эти вопросы, хотя и короткій, но положительный, находимъ въ произведеніяхъ самого же автора ихъ. Въ одной эпиграммѣ онъ говоритъ:

Грабители кричатъ: бранитъ онъ насъ,
Грабители, не трогаю я васъ.
Не въ злобѣ, ревности къ отечеству духъ стонетъ,
А васъ и Ювеналъ сатирою не тронетъ.
Тому, кто воръ,
Какой стихи укоръ?
Ворамъ сатира то: веревка и топоръ[2])

Однакожъ, несмотря на свое предубѣжденіе противъ возможности искорененія сатирою пороковъ и недостатковъ, все же Сумароковъ не могъ не замѣтить дѣйствительнаго вліянія сатирическихъ обличеній на обличаемыхъ и долженъ былъ сказать устами отца, дававшаго предсмертное наставленіе своему сыну, слѣдующее: всякія несправедливости можешь дѣлать, но

Лишь тѣмъ не повредись:
Въ сатиру дерзостнымъ писцамъ не попадись[3]).

Этимъ краткимъ очеркомъ исчерпывается, по моему мнѣнію, содержаніе тринадцати сатиръ Сумарокова. Я сгруппировалъ, въ извѣстной системѣ, тѣ факты въ области темной стороны русской жизни въ половинѣ XVIII вѣка, которые нашелъ въ сатирѣ и въ другихъ, близкихъ къ сатирамъ, произведеніямъ того же автора, и желалъ

---

[1]) Тамъ же, ч. 1, 341.
[2]) Тамъ же, ч. VII, кн. 9, 133.
[3]) Тамъ же, ч. VII, сатиры IX.

облегчить такимъ образомъ путь по ознакомленіи съ ними для тѣхъ, которые почему-либо не могутъ имѣть дѣла съ непосредственнымъ источникомъ, сырымъ и устарѣвшимъ для чтенія матеріаломъ.

Иващенко.

Притчи Сумарокова.

Восемнадцатый вѣкъ называютъ вѣкомъ временщиковъ и не напрасно. Вся эпоха, начиная со смерти Петра Великаго вплоть до восшествія на престолъ Александра I, знаменуется длинной вереницей придворныхъ пертурбацій. Постоянно являются люди, по выраженію Разумовскаго, «ловившіе фортуну за чубъ» и требовавшіе отъ этой фортуны богатства, чиновъ, великолѣпія обстановки жизни и т. д. Какой громадный вредъ могли причинить подобные люди обществу, особенно если въ качествѣ временщиковъ являлись невѣжи, что бывало довольно часто. Одного изъ такихъ невѣжъ-временщиковъ Сумароковъ изобразилъ въ баснѣ «Счастіе и Сонъ». Сонъ разсказываетъ счастью, какъ онъ простого мужика и дурака въ боярскій чинъ поставилъ, прославилъ и золота ему кадушекъ пять наплавилъ:

Всего довольно онъ имѣлъ,
Не зная азбуки и грамотѣ умѣлъ,
И славою во всей подсолнечной гремѣлъ
А лучше и всего: любовницу имѣлъ
Прекраснѣйшую саму,
Такую даму,
Какихъ десятка нѣтъ у насъ и на Руси.

Передъ нимъ всѣ должны были покорствовать, трусить и, какъ у идола, просить милости. Онъ имѣлъ еще повадку дѣлать всякаго рода непріятности тѣмъ, кого онъ не взлюбитъ. Счастіе на этотъ разсказъ сна отвѣтило, что во всемъ томъ, что онъ сдѣлалъ, истинни на полушку нѣтъ, а оно сдѣлало все это, слово въ слово, въ дѣйствительности, и только смерть отняла его дары у его любимца. Можетъ-быть, въ этой баснѣ Сумароковъ намекаетъ на гр. Алексѣя Разумовскаго, но, кромѣ нѣкоторой аналогіи, ничто не подтверждаетъ этого предположенія, такъ какъ извѣстно, что Сумароковъ, какъ бывшій генералъ-адъютантъ Разумовскаго, вообще относился къ нему съ большимъ уваженіемъ.

Временщика, кажется, имѣлъ въ виду Сумароковъ и изображая мужика,

Который продавалъ подовые на рынкѣ,
Или у кабака,
И послѣ въ скрынкѣ
Богатства у него великая рѣка,
Или яснѣй сказать и Волга и Ока,
Который всѣмъ тѣснитъ бока
И плаваетъ, какъ муха въ крынкѣ
Въ пространномъ морѣ молока.

Временщики, «тѣснившіе бока» своихъ подчиненныхъ и «дѣлавшіе имъ тягостный стонъ», вели за собою цѣлые отряды разнороднѣйшихъ хищниковъ, старавшихся во всемъ слѣдовать ихъ примѣру. Какъ и ихъ принципалы, они съ яростью нападали на всѣхъ слабыхъ и беззащитныхъ и, подобно волку въ баснѣ «Волкъ и Ягненокъ», всегда находили для себя оправданіе въ своихъ беззаконіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вину для своихъ жертвъ. Съ тѣми, кто осмѣливался указывать имъ ихъ пороки, они поступали такъ, какъ сова поступила съ зеркаломъ въ баснѣ «Сова и Зеркало», т.-е. уничтожали ихъ. Несмотря на все свое невѣжество, они все-таки были настолько хитры, что могли, когда нужно, измѣнять свой внѣшній видъ и, подобно волченку въ баснѣ «Волченокъ собакою», даже будто бы «и овцамъ добра желали и на волковъ по песью лаяли». Но разъ необходимость скрываться подъ личиною проходила, нашъ волченокъ превращался въ волка и принимался за стадо, «скотъ рѣжа, какъ Троянъ подъ Троей Ахиллесъ». Легковѣрному пастуху оставалось только плакать и утѣшать себя мыслью: «что впредь изъ волковъ не станетъ дѣлать собакъ». Иногда хитрый хищникъ, подобно волку («Волкъ пастуховъ другъ»), становится даже другомъ пастуха, которому ввѣрены стада, и, пользуясь его довѣріемъ и оплошностью, хозяйничаетъ среди несчастныхъ овецъ. «Казался честенъ волкъ, какая въ волкѣ честь!» иронически восклицаетъ въ заключеніе этой басни Сумароковъ.

Нѣкотораго рода утѣшеніе для всѣхъ слабыхъ и угнетенныхъ доставляло то обстоятельство, что хищниковъ было много и потому часто между ними вслѣдствіе соперничества происходила междоусобная война. Одинъ хищникъ истреблялъ другого, дабы, въ свою очередь, быть уничтоженнымъ третьимъ, болѣе сильнымъ:

Собака кошку съѣла,
Собаку съѣлъ медвѣдь,
Медвѣдя зѣвомъ левъ принудилъ умереть,
Сразити льва рука охотничья умѣла,
Охотника ужалила змѣя,
Змѣю загрызла кошка.

Иногда два хищника, какъ воры въ баснѣ «Воры и Оселъ», поссорятся между собою при дѣлежѣ добычи, а тѣмъ временемъ, пока они дерутся, ихъ кражею пользуется третій. Случалось, что хищникъ вмѣстѣ съ своей жертвой попадалъ въ руки болѣе сильнаго хищника. Лукавая лягушка, обманувъ глупую мышь «цѣлой книжкой похвалъ лягушечьей странѣ», завлекла въ свое болото и хотѣла было уже распорядиться съ нею, когда была замѣчена галкой, которая утащила ее и мышь («Мышь и Лягушка»). Но не всегда пользовались ссорой хищниковъ ихъ несчастныя жертвы. Иногда, не понимая своего собственнаго блага, старались мирить ихъ. Голуби помирили коршуновъ, а тѣ въ благодарность дружно напали на нихъ:

На что вы, голуби, мирити ихъ брались?
Пускай бы вѣкъ они дрались,
Другъ на друга бросались,
А вы бы ихъ враждой отъ пагубы спасались.
(«Коршунъ и Голуби»).

У Сумарокова хорошо обрисованы два типа хищниковъ-администраторовъ того времени въ видѣ хитрой кошки и самодура-льва. Администраторъ-кошка наводитъ такой страхъ на своихъ подчиненныхъ-мышей, что

Не столько страшенъ зайцамъ псарь,
Медвѣдь и волкъ щенятамъ,
Мертвецъ и чортъ ребятамъ,
Ни челобитчикамъ бездушный секретарь,

какъ она мышамъ въ своемъ домѣ. Съ нихъ она подарковъ не брала, «да только худо то, что кожи съ нихъ драла». Всѣ дѣла она рѣшала «не по мышачьему, по кошачью закону». («Мышій судъ»). Домъ, въ которомъ жили мыши, казался имъ «лютою каторгою», цѣлыми десятками въ одну минуту истреблялъ ихъ мучитель. Когда мышамъ пришлось совсѣмъ невтерпежъ, и они попрятались въ подполье, котъ рѣшился на хитрость и представился повѣшеннымъ; хотя ему въ этомъ случаѣ не удалось обмануть мышей, но нѣтъ сомнѣнія, что хитрый котъ скоро нашелъ другой, болѣе искусный способъ возстановить свое прежнее значеніе у мышей («Котъ и Мыши»).

Левъ изображаетъ собою администратора — самодура. Онъ никогда ничего не беретъ на откупъ и кожи со всѣхъ звѣрей безпошлинно деретъ. Онъ не имѣетъ привычки дѣлить свою добычу съ соучастниками и, благодаря своей силѣ, безпрекословно пользуется ею. Живутъ львы въ своихъ домахъ не скудно:

Подобны въ чистотѣ жилищъ они чухнамъ
Или посадскимъ мужикамъ,
Которые въ торги умѣренно вступили
И откупами насъ еще не облупили.

Они устраиваютъ пиры, на которые приглашаютъ своихъ соучастниковъ, но и у себя дома не забываютъ хищническихъ инстинктовъ. Когда волкъ замѣтилъ, что въ домѣ льва «запахъ худъ», левъ разсвирѣпѣлъ, «что смѣютъ въ такіе толки входить о львовомъ домѣ волки», и, «чтобъ онъ напредки не дерзалъ такъ бредить», на части его растерзалъ. Той же участи не избѣгла мартышка, несмотря на то, что она увѣряла, что въ домѣ львовомъ и нарцизы и розы цвѣтутъ». Спаслась одна только хитрая лисица, которая, видя участь своихъ товарищей, на вопросъ льва о запахѣ отвѣтила: «у меня сегодня залегъ носъ» («Пиръ у Льва»). Львы, впрочемъ, не лишены нѣкоторыхъ чувствъ: такъ, они считаютъ для себя безчестнымъ имѣть дѣло съ глупымъ осломъ («Левъ и Оселъ»), питаютъ особенно нѣжную любовь къ своимъ дѣтямъ. Такъ львица, у которой стрѣлокъ убилъ

львенка, страшнымъ крикомъ и ревомъ выражаетъ печаль свою, несмотря на всѣ увѣщанія ея кума-тигра, въ родѣ, напр., слѣдующаго:

Послушай, кумушка, мы то позабываемъ,
Что мы чужихъ ребятъ подобно убиваемъ:
Мнѣ мнится, матерямъ гораздо трудно несть,
Когда мы здѣлаемъ и имъ такую честь.

Нѣсколько энергичнѣе Сумароковъ повторяетъ слова тигра въ заключеніе басни:

Начто о сынѣ выть разбойница дерзаетъ,
Которая сама чужихъ дѣтей терзаетъ.
(«Львица въ горести».)

Трудно было переносить хищничество всѣхъ этихъ львовъ, тигровъ, волковъ и имъ подобныхъ, и потому понятенъ тотъ ужасъ, который появился у слабыхъ животныхъ при вѣсти о предстоящемъ умноженіи числа хищниковъ. Въ какомъ-то болотѣ распространился слухъ, что солнце хочетъ жениться. Лягушки стали опасаться за свою судьбу и обратились къ богамъ съ слѣдующимъ воззваніемъ:

Умилосердитесь и обратите ухо,
Отъ солнца одного въ болотѣ стало сухо,
А если народитъ супружникъ новой чадъ,
Несносный жаръ насъ рѣзнетъ,
Болото будетъ адъ,
И весь нашъ родъ исчезнетъ.
(«Солнце и Лягушки».)

Нелегко было отдѣлаться несчастнымъ подчиненнымъ отъ своихъ правителей — хищниковъ. Цѣлый рядъ опасностей окружалъ ихъ со всѣхъ сторонъ, и обезпечившіе себя отъ одной попадали въ другую. Кривая лисица, смотря однимъ глазомъ въ воду и другимъ въ лѣсъ, думала, что обезопасила себя отъ собакъ и въ то же время была съ воды убита стрѣлой рыбака («Кривая Лисица»). Иногда угнетаемые въ желаніяхъ освободиться отъ своихъ притѣснителей, попадали изъ огня въ полымя. Конь, побѣжденный оленемъ, искалъ противъ него помощи у сѣдока, позволилъ ему себя взнуздать и съ тѣхъ поръ потерялъ свободу («Олень и Лошадь»). Неопытные голуби, овцы и имъ подобныя творенія нерѣдко сами бываютъ причиною своей гибели. Голуби выбираютъ себѣ коршуна царемъ и съ тѣхъ поръ не могутъ отъ него найти убѣжища въ своихъ земляхъ («Голуби и Коршунъ»). Овца сама бѣжитъ къ огню и попадаетъ въ поварню, гдѣ лишается шубы («Овца»). Другой разъ овцы вѣрятъ волкамъ и выдаютъ имъ въ залогъ мира всѣхъ собакъ, вслѣдствіе чего, лишившись защитниковъ, всѣ безъ исключенія погибаютъ («Волки и Овцы»). Вслѣдствіе сознанія своего безсилія и истекавшаго отсюда постояннаго страха, всѣ эти овцы, мыши, олени, зайцы, и отъ природы не особенно храбрые, дѣлаются необыкновенно трусливыми и боятся предпринять что-нибудь противъ своихъ притѣснителей. Мыши рѣшили убить кота, но лишь только вышелъ котъ, они перепугались

(«Мыши и Котъ»). «Не устрашуся кошки», храбро кричитъ мышь въ баснѣ «Мышь и Кошка», но, при видѣ своего врага, едва уноситъ свои геройскія ноги въ подполье. Однажды мыши рѣшились даже сдѣлать надъ кошкой судъ, нашли въ средѣ своей какую-то грамотную мышь, которая статейку пріискала и предложила: кошку изловить и ей на шею привѣсить колоколъ, звонъ котораго служилъ бы для мышей предостереженіемъ. Но никто не отважился привесть въ исполненіе этого проекта, а самъ авторъ его замѣтилъ: «а я хоть мужество имѣю, да только кошекъ ловити не умѣю» («Мышій судъ»). Такъ точно и олень, пока не видитъ пса, хвастается своими рогами и копытами и вызываетъ его на бой, но лишь только услышитъ лай, забываетъ всѣ свои слова и бѣжитъ («Олень и дочь его»). Однако, какъ ни трусливъ заяцъ, и онъ чувствуетъ себя героемъ, когда своимъ внезапнымъ появленіемъ у болота перепугалъ всѣхъ лягушекъ («Заяцъ и Лягушки»).

Будучи не въ состояніи вступить въ открытую борьбу съ своими притѣснителями, безсильные подчиненные ихъ не только въ мысляхъ побѣждали своихъ враговъ, но даже позволяли себѣ въ картинахъ изображать свое торжество. Львы не обращали вниманія на такое хвастовство и, проходя мимо картинъ, на которыхъ ихъ изображали побѣжденными, дѣлали только такія замѣчанія: «побѣдою ты хвасталъ бы иною, еслибъ воистину сразился ты со мною» («Побѣжденный на картинѣ Левъ»).

Несмотря на всю свою силу и могущество, львы попадали иногда въ такія положенія, при которыхъ съ ними довольно легко можно было справиться. Благодаря любви, «которая сильнѣе всѣхъ страстей», левъ позволилъ своей возлюбленной вырвать ему зубы и отрѣзать когти и, лишившись такимъ образомъ необходимыхъ атрибутовъ своей силы, съ величайшимъ позоромъ былъ прогнанъ со двора («Левъ и дѣвушка»). Еще болѣе печально положеніе льва, когда онъ въ старости лишится всей своей прежней силы. Тотъ, кто прежде мучилъ и терзалъ всѣхъ звѣрей, въ старости боится даже овецъ и терпѣливо долженъ переносить ляганье ослинаго копыта («Левъ состарѣвшійся»).

Впрочемъ, бывали такіе случаи, хотя и весьма рѣдко, когда слабые, вынужденные крайними притѣсненіями сильныхъ хищниковъ, подобно пчеламъ, единодушно соединялись и совокупными усиліями отражали медвѣдя, посягавшаго на ихъ достояніе («Медвѣдь и Пчелы»). Иногда, какъ заяцъ, у котораго медвѣдь поѣлъ его дѣтей, они цѣлымъ рядомъ хитростей успѣвали вооружить противъ притѣснителей болѣе сильныхъ враговъ и, при ихъ посредствѣ, жестоко отплачивали свои обиды («Заяцъ и Медвѣдь»). Мы привели самыя характерныя басни, въ которыхъ Сумароковъ возстаетъ противъ главнаго зла современной ему русской жизни — хищничества и притѣсненій слабыхъ сильными. Въ этихъ басняхъ хищничество онъ обрисовываетъ въ общихъ чертахъ, но у него есть цѣлый рядъ басенъ, направленныхъ противъ разнородныхъ частныхъ проявленій хищничества — неправо-

судія, лихоимства, казнокрадства, взяточничества и другихъ имъ подобныхъ язвъ на организмѣ русскаго народа, съ древнѣйшихъ временъ бывшихъ больнымъ мѣстомъ русской народной жизни. Это зло было такъ существенно и, какъ бѣдствіе народное, такъ очевидно, что лишь только раздалось обличительное слово въ русской литературѣ, оно постоянно было направлено противъ него. Уже Котошихинъ свидѣтельствуетъ, что въ его время судьи «чинили крестное цѣлованіе съ жестокимъ проклинательствомъ, что посуловъ не имати и дѣлати въ правду по царскому указу и по уложенію, но ни во что ихъ вѣра и заклинательство и наказанія не страшатся, отъ прелести очей своихъ и мыслей содержати не могутъ и руки свои ко взятію скоро допущаютъ».

Въ сочиненіяхъ Посошкова мы постоянно встрѣчаемъ такія сужденія о времени: «Въ васъ неправда весьма твердо вкоренилась: кто кого можетъ, тотъ того и давитъ, а кои люди ядовитые, то маломочныхъ въ конецъ раззоряютъ; и отъ мала даже до велика всѣ стали быть поползновенны; овые ко взяткамъ, овые же боясь сильныхъ лицъ, не боятся Бога и бѣдняковъ. И того ради всякія дѣла государевы не споры и ссылки не правы и указы не дѣйствительны... «И у бусурманъ чинятъ судъ праведный. А у насъ вѣра святая, благочестивая и на весь свѣтъ славная, а судная расправа никуды не годная... Если ради установленія правды правителей судебныхъ и много падетъ, быть уже такъ; но правда не будетъ,ести сто, другое судей и падетъ, потому что у насъ на Руси неправда вельми застарѣла» и т. д.

Въ одной интерлюдіи Петровскаго времени приводится слѣдующій разговоръ между мошенникомъ и дьячкомъ, отправлявшимся въ городъ ставится въ попы:

Мошенникъ.
Куда ста, право, въ даль какую изволилъ подняться
Да взялъ ли ты денежекъ, хоть сколько-нибудь съ собою?
Дьячокъ.
Небольшое число на дорогу взялъ со мною.
Мошенникъ.
Какже ты идешь ставиться съ пустыми руками?
Вѣдь къ секретарямъ надобно ходить съ дарами.
Дьячокъ.
Ты, пожалуй, въ комъ не злоблись: они меня всѣ знаютъ.
Мошенникъ.
Они такихъ знакомыхъ тѣхъ пуще одуваютъ
Еще прежде отъ секретарей не мало претерпишь муки
Какъ попадешь къ подьячимъ въ руки
Да и канцеляристамъ надобно снесть полдесятокъ головокъ...

Реформы Петра Великаго, и энергическія расправы самого императора съ казнокрадами и лихоимцами не поправили дѣла. Старый московскій порядокъ вещей измѣнилъ только форму, внѣшность и подъ новой формой продолжалъ процвѣтать попрежнему. Несмотря на всѣ мѣры правительства, несмотря на постоянныя нападки литературы, зло все болѣе и болѣе укоренялось, находя сильную под-

держку въ общемъ невѣжествѣ. На казнокрадство и лихоимство стали даже смотрѣть какъ на нѣчто необходимое, явленіе весьма естественное. По крайней мѣрѣ, такое впечатлѣніе можно вынести изъ слѣдующихъ народныхъ пословицъ, помѣщенныхъ въ «Собраніи 4391 древнихъ пословицъ» (1770 г.): Дьякъ у мѣста, что кошка у тѣста. Дьякъ у мѣста, такъ всѣмъ отъ него тѣсно, а дьякъ на площади самъ говоритъ: Господи, пощади! У подьячаго будетъ пуста зень, когда на шеѣ цѣпь. Утинаго зобу не покормишь, а подьячаго кармана не наполнишь и т. д.

Врядъ ли кто больше Сумарокова вооружался въ русской литературѣ противъ ябедничества, крючкотворства и взяточничества разныхъ подьячихъ и приказныхъ. Всѣ его сочиненія, направленныя противъ нихъ, проникнуты страшной ненавистью, которая только чисто теоретическимъ путемъ явиться не могла. Дѣйствительно, чуть ли не съ дѣтства ему приходилось имѣть дѣла съ подьячими: еще будучи кадетомъ, онъ долженъ былъ въ видѣ взятки дать пятьдесятъ рублей какому-то думному дьяку. Не только въ сочиненіяхъ, но и въ частной его жизни его постояннымъ любимымъ предметомъ разговоровъ были плутни подьячихъ. При этомъ, гдѣ бы онъ ни былъ и съ кѣмъ бы онъ ни говорилъ, всегда спорилъ, волновался и горячился, такъ что Порошинъ какъ рѣдкость замѣчаетъ въ своихъ запискахъ: «Александръ Петровичъ смиренъ былъ. Поговорилъ только нѣсколько о безграмотствѣ и о плутняхъ подьячихъ». Бороться съ міромъ подьячихъ онъ считалъ какъ бы своимъ нравственнымъ долгомъ и въ одномъ изъ писемъ къ императрицѣ Екатеринѣ онъ, между прочимъ, говоритъ: «Poète, honnête homme et satirique, en voyante les désordres peut-il se taire? Boileau dit, если бы де мнѣ не позволено было сатиризовать, видя непорядки, я бы де ямочку въ землѣ вырылъ и въ нее бы проворчалъ. А я почитаю только Бога, государя, честныхъ людей, истинну и откровенность».

Цѣлый рядъ грозныхъ манифестовъ и указовъ противъ лихоимства, которыми началось царствованіе Екатерины II, еще разъ подтвердилъ страшную закоренѣлость зла и безполезность всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя противъ него предпринимались. Нечестность и своекорыстіе чиновниковъ дѣлали то, что самыя благія предначертанія правительства, благодаря исполнителямъ, обращались на зло народу. Въ обществѣ явилось сомнѣніе даже въ пользѣ всякихъ новыхъ законовъ, такъ какъ оно не видѣло никакого практическаго ихъ приложенія. Какъ ружье (въ баснѣ «Ружье») безъ стрѣлка напрасно угрожало волку и, конечно, не могло помѣшать ему утащить овцу, такъ точно было безрезультатно стращаніе подьячихъ пустымъ именемъ безсильнаго закона:

Коль истинѣ святой начальники не внемлютъ
И, беззаконниковъ не наказуя, дремлютъ
На что законъ?
Иль только для того, чтобъ былъ написанъ онъ?

Многочисленность разнороднѣйшихъ и очень часто противорѣчащихъ другъ другу законовъ и отсутствіе какого-нибудь систематическаго свода ихъ дѣлало тогдашнюю юриспруденцію очень сложною наукою, и необходима была громадная опытность для того, чтобы искусно исправлять судейскія обязанности. Такое положеніе дѣлъ выработало особый типъ дѣльцовъ — подьячихъ, занимавшихъ обыкновенно второстепенныя должности — секретарей, писцовъ, но въ дѣйствительности бывшихъ главными заправителями и воротилами тѣхъ учрежденій, въ которыхъ они служили. Весьма часто бывали такіе случаи, что судья

Былъ добрый человѣкъ
Да лишь во весь свой вѣкъ
Не выучилъ ни одного указа

и потому естественно во всемъ полагался на своего подьячаго. Когда этотъ послѣдній укралъ однажды протоколъ, и судья приговорилъ было его къ строгому наказанію, онъ свалилъ всю вину на чорта, и чорта приговорили посадить на колъ.

Однако ты, судья, хоть городъ весь изрыщешь,
Не скоро чорта сыщешь!

иронически заканчиваетъ басню Сумароковъ («Протоколъ»). Несмысленный судья уподобляется болвану — идолу, передъ глазами котораго жрецы такъ искусно грабятъ деньги, какъ секретари въ приказѣ.

Подъ несмотрѣніемъ несмысленныхъ судей
Сбираютъ подати въ карманъ себѣ съ людей,
Не помня, что о томъ написано въ указѣ.
(«Болванъ».)

Какъ у такихъ судей производилось дѣло, разсказывается въ баснѣ «Судъ». Судья мартышка, который имѣлъ «мартышкинъ и умишко», выслушавъ двухъ тяжущихся, разсказывавшихъ дѣло съ двухъ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія, обвинилъ ихъ обоихъ во лжи и отослалъ къ своему секретарю.

Въ землянкѣ онъ живетъ, во срубѣ,
Берлогу онъ пасетъ
И лапу онъ сосетъ.
И лѣтомъ и зимой въ медвѣжьей ходитъ шубѣ.

Естественно, что при такихъ судьяхъ всѣ дѣла рѣшались, преимущественно, ихъ секретарями — подьячими, которые старались извлечь изъ нихъ для себя какъ можно большую пользу. Впрочемъ, не въ лучшемъ, если не въ худшемъ, положеніи находились обѣ тяжущіяся стороны и тогда, когда судья не отсылалъ ихъ къ секретарю, а самъ разсматривалъ дѣла. Взяточничество и стремленіе къ наживѣ уничтожали въ нихъ всякое уваженіе къ истинѣ и закону. «Судьи, имающіе взятки», говоритъ о такихъ судьяхъ Сумароковъ, «всѣхъ тварей гаже и ежели крючкотворный подьячій подверженъ

жестокому наказанію, сей благородный мужъ превосходитъ, беззаконствуя и продавая истину, и воровъ и разбойниковъ бездѣльствомъ. Нѣтъ достойной имъ на свѣтѣ казни. Когда я о семъ только вображу, вся во мнѣ востревожится кровь. Особенно много зла можетъ причинить безсовѣстный «лютый судья»:

От лютаго судьи не можно зберечись,
И тщетно бѣдному о томъ печись;
Не будетъ никогда конецъ ему успѣшенъ:
Страшнѣе дьявола неправедный судья,
Покамѣстъ не повѣшенъ.

Вслѣдствіе какихъ-то соображеній судьи судящійся долженъ былъ «открыть угадку», въ противномъ случаѣ ему надлежало умереть. Судья, «послѣдуя злодѣйскому уставу», держитъ ласточку въ рукахъ и предлагаетъ угадать, жива она, или мертва:

А думаетъ онъ такъ: когда тотъ мертва скажетъ,
Такъ живу онъ ее угадчику покажетъ,
А ежели живой угадчикъ объявитъ,
Такъ онъ ее въ рукѣ сожметъ и удавитъ.

При такихъ обстоятельствахъ угадчику оставалось только сказать

...жива ль она, иль мертва
Ты лютый человѣкъ, а я злой смерти жертва.
(«Угадчикъ».)

Вредъ, который причиняютъ обществу взяточники судьи и подьячіе заставляютъ Сумарокова приравнять ихъ къ ворамъ.

Во спорѣ завсегда конецъ иль добръ, иль худъ,
Добра выходитъ фунтъ, а худа цѣлый пудъ.
Изъ спора столько худа
У добрыхъ лишь людей,
А у судей
И у воровъ выходитъ по три пуда.
(«Воры и Оселъ»).

Въ другой баснѣ «Два крадуна» воры, оправдывая себя отъ обвиненія къ кражѣ,

Подьяческимъ божились образцомъ,
Но Богъ «не по крючкамъ насъ судитъ»,
А кто клянется такъ,
Не можетъ совѣстнымъ назваться онъ никакъ.

Даже собака подьячаго честнѣе своего господина. Когда е бросили кусокъ мяса, она закричала:

Вѣрна подарками пса не сломаешь,
Я не повинна приказнымъ грѣхамъ...
Мясо снеси къ моему господину;
Онъ до подарковъ поболѣ охочъ.
(«Собака и воръ».)

Эти безсовѣстные и корыстолюбивые люди дѣлали суды и приказы, въ которыхъ они служили, мѣстами чуть ли не адскихъ м

ченій для всѣхъ тѣхъ, которые принуждены были туда обращаться. Овца отъ дождя бѣжала въ поварню, а оттуда вышла безъ шубы:

Къ чему, читатель, сей разсказъ?
Я цѣлю вѣдь не въ бровь, а цѣлю въ самый глазъ:
Войди съ челобитьемъ когда въ приказъ.
(«Овца», 47 стран.)

Для того, чтобъ взыскать триста рублей, приходится, по совѣту стряпчаго, дать дьяку пятьсотъ («Стряпчій»). Хуже всего бываетъ тѣмъ, которые принуждены свое дѣло переводить изъ приказа въ приказъ. Ихъ положеніе весьма хорошо обрисовано Сумароковымъ въ баснѣ «Лисица и Ежъ» (стран. 175):

Противностью указа,
Когда не хочешь быть несчастливъ больше раза,
Такъ дѣлъ не приноси въ приказы изъ приказа.

На лису, которая увязла въ тинѣ, напали мухи и страшно ее терзали и мучили. Ежъ хотѣлъ было освободить ее отъ мухъ, но она отказалась:

...сіи уже, къ моей прилипнувъ кожѣ,
Довольно напились и ужъ немного пьютъ;
А если сгонишь ихъ, другія сядутъ тутъ
И кровь мою совсѣмъ до капли изсосутъ.

Несмотря на все нежеланіе имѣть дѣла съ судомъ и приказами, часто бываетъ весьма труднымъ отъ нихъ отдѣлаться. Какой-то звѣрь толкнулъ льва рогами, и въ приказѣ присланъ былъ указъ объ отысканіи и ссылкѣ виновнаго. Боятся всѣ животныя, имѣющія рога, боится и заяцъ: его большія уши почтутъ въ приказѣ рогами. Онъ разсуждалъ:

Подьячій лютъ,
Подьячій плутъ,
Подьяческія души
Легко пожалуютъ въ рога большія уши.

Даже въ такомъ случаѣ, если судья и судъ его «оправятъ»:

Такъ справки, выписки одни меня задавятъ.
(«Заяцъ».)

Даже и внѣ сферы судовъ и приказовъ имѣть дѣло съ подьячими было не всегда удобно, какъ это видно изъ басни «Деревенскій праздникъ». Какой-то мужикъ-гудошникъ игралъ на гудкѣ во время деревенскаго праздника. Пьянымъ мужикамъ не понравилась его игра, и они стали бросать въ него каменьями. Онъ ушелъ и при этомъ пропѣлъ пѣсенку, въ которой бранилъ пьяницъ, чѣмъ еще болѣе усилилъ общее неудовольствіе. Въ деревнѣ была какая-то собака, въ которую влѣзъ подьячій, обруганный за взятки. Изъ задней комнаты онъ сталъ визжать: «тяжба, тяжба!» Но крестьяне его

совѣтовъ не послушали и рѣшили, что «лучше упустить гудошникову брань, какъ нежели давать собакѣ дружбой дань» и кончили тѣмъ, что, взявъ дубину, собакѣ дерзостной наколотили спину. Гудошникъ и самъ хотѣлъ наказать собаку и нашелъ ее въ хлѣву, но однако не тронулъ ея:

...да нѣтъ и дива;
Тутъ палки не было, псу далъ мужикъ покой,
Нельзя ударить безъ рукавицъ рукой:
Приказная была собака шелудива.

Очень возможно, что сочиняя эту притчу, Сумароковъ имѣлъ въ виду отплатить своими стихами какую-нибудь личную свою обиду. Вѣроятно, что подъ видомъ гудошника онъ изобразилъ самого себя, но что именно заставило его взяться за перо и кого онъ разумѣлъ подъ «шелудивымъ подьячимъ» — неизвѣстно.

Разныхъ приказныхъ, подьячихъ и имъ подобныхъ любителей скорыхъ пріобрѣтеній не особенно стѣсняли нападки на нихъ. Напротивъ, они даже оправдывали себя: «подлежитъ де за трудъ и кожу драть, не только брать, а что ругаютъ насъ, такъ это намъ издѣвка». («Подьяческая дочь», 72 стран.). Они имѣли даже нѣкоторое право такъ разсуждать, видя, какъ, несмотря на эту ругню, благополучно поживаютъ и пользуются общимъ уваженіемъ разбогатѣвшіе уже товарищи. Весьма часто бывали случаи, когда, благодаря лихоимству попадали въ «великолѣпные господа» личности, чьи «отцы ходили въ трикахъ, дѣды въ лаптяхъ, а прадѣды босякомъ». Совершенно обратное случалось съ честными людьми. «Обыкновенно дѣти послѣ почтенныхъ людей остаются въ презрѣніи: мздоимцы оставляютъ дѣтямъ богатство, а добрые люди бѣдность». Даже и въ такомъ, сравнительно весьма рѣдкомъ случаѣ, когда подьячій за то, что «до взятокъ былъ охочъ и грабилъ день и ночь», былъ повѣшенъ, и тогда дочь его пользовалась всѣмъ неправедно нажитымъ имъ богатствомъ.

Животъ его остался весь на рынкѣ,
Однако деньги всѣ осталися ей въ скрынкѣ.
(«Подьяческая дочь», 12 стран.)

Совершенно иная была судьба дочери подьячаго — добраго человѣка. Подьячій этотъ, что не слыхано вовѣкъ, былъ мужикъ трезвый и даже умѣлъ писать:

Читатель этому, конечно, не повѣритъ
И скажетъ обо мнѣ: онъ нынѣ лицемѣритъ,
А мой читателю отвѣтъ:
Я правду доношу, хоть вѣрь, хоть нѣтъ.
Что Хамово то племя,
И что крапивно сѣмя,
И что не возлетятъ ихъ души къ небесамъ,
И что наперсники подьячіе бѣсамъ —
Я все то знаю самъ.

Этотъ удивительный подьячій, хотя и работалъ день и ночь, умеръ однако съ надеждою, что дочери его придется по міру таскаться. А дочь другого подьячаго, пьяницы, дурака и безграмотнаго, душу котораго взяли черти, получила тьму богатства:

Та дѣвка по міру таскается съ сумой,
А эта чванится въ каретѣ,
О Боже, Боже мой,
Какая честности худая мзда на свѣтѣ!
(«Двѣ дочери подьячихъ».)

Коршунъ-подьячій, одѣвшись въ павлиныя перья, всѣми признанъ былъ павлиномъ и сталъ великимъ господиномъ: сталъ думать, что важности въ мозгу его премного и безъ гордости не взглянетъ никогда:

Кто коршунъ, я лишенъ такой большой догадки,
Павлиныя перья — взятки.
(«Коршунъ въ павлинныхъ перьяхъ».)

Впрочемъ, иногда разбогатѣвшіе подьячіе жертвуютъ часть своего имущества на разныя благотворительныя цѣли. Какой-то мздоимецъ состроилъ госпиталь —

И многіе войти въ сіе жилище льстятся,
Да этого мнѣ жаль:
Ограбленные всѣ имъ тамъ не помѣстятся.
(«Мздоимецъ», 252 стран.)

Но даже и такія мздоимцы представляли рѣдкія исключенія. Чаще «мерзкій обидчикъ», который «окрадывалъ царя и ближняго грабилъ», даже и по смерти разсчитывалъ обмануть ангела. Онъ думалъ войти въ условія съ ангеломъ:

Коль будетъ мертвымъ воскресеніе,
Такъ я, покаяся, полкражи возвращу
И впредь во воровствѣ умѣренъ быть хочу:
Потребно мнѣ спасеніе.

Но, вѣроятно, къ своему удивленію, былъ отправленъ къ чертямъ, которые по смерти берутъ такихъ бездѣльниковъ («Обидчикъ и ангелъ»).

Впрочемъ, и въ этой жизни подьячіе попадали иногда въ такіе положенія, изъ которыхъ имъ было весьма трудно освободиться. Тощая лисица безъ особаго труда пролѣзла въ курятникъ, но, наѣвшись тамъ куръ, назадъ съ тою же легкостью вылѣзти не могла и была поймана хозяиномъ («Лиса и курятникъ»). Шершни попали въ патоку и тамъ были перещелканы хозяйкой («Шершни»). Но зато случалось и, безъ сомнѣнія, гораздо чаще и такъ, что обвиненнаго рака приговаривали со всего размаха бросить въ воду («Ребята и Ракъ»).

Грабитель Коршунъ-Тултулъ, который довольно куролесилъ, былъ привлеченъ къ допросу, на которомъ однако оказалось, что коршунъ добрый человѣкъ и никого не грабилъ онъ во весь свой вѣкъ; его сверхъ того «очистила присяга», и такимъ образомъ «не переломлена была надъ головою шпага».

Мнитъ коршунъ: истину я нынѣ побѣдилъ,
Но еслибъ я его судилъ,
Въ застѣнкѣ бы сей плутъ на дыбѣ помѣшался
И послѣ въ петлѣ бы дня два, три помотался,

добавляетъ Сумароковъ. Оправданный Коршунъ былъ посаженъ на голубятню для обороны тѣхъ, которые сидятъ у него подъ караупомъ:

И сталъ сей воръ
На голубятнѣ прокуроръ;
И закрѣпилъ Тултулъ судебный приговоръ
Повѣреннымъ ему невиннымъ дѣлать казни,
И всѣхъ безъ совѣсти казнить и безъ боязни.

Несмотря на это, однако, голова у него осталась цѣла и понынѣ онъ бѣшенъ:

Извѣстно то, что плутъ по самый срокъ тотъ грѣшенъ,
Доколѣ не повѣшенъ.
(«Коршунъ».)

Плохо приходилось такимъ шутамъ только тогда, когда они попадали въ руки другихъ, болѣе ловкихъ. Кошка, которая должна была ловить мышей, вмѣсто того:

Кушанье, что ты ни ставь, поѣстъ;
Частенько кошка къ сыру скачетъ
И ловитъ сыръ;
Такъ часто у нея съ мышами миръ —
Сыръ мыши пожирнѣе.

Какъ ни хитра была кошка, но все-таки служившая съ ней мартышка, которая, что ни клади, припрячетъ, была хитрѣе ея и воспользовалась когтями кошки для того, чтобы таскать себѣ изъ огня каштаны. Даже тогда, когда обѣ были пойманы и наказаны, мартышка все-таки осталась сытою, а обманутая «мышатница» голодною. («Мартышка и Кошка».)

Одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи «Опекунъ» Сумарокова говоритъ: «я зналъ людей, которыхъ подьячими называли, послѣ дали имъ имена регистраторовъ, послѣ секретарями называти стали, а потомъ судьями; имена имъ даваны новыя, а нравы у нихъ остались прежніе». Этими словами самъ Сумароковъ высказываетъ свое воззрѣніе на введенную Петромъ Великимъ табель о рангахъ, видоизмѣнившую всѣ прежнія понятія о службѣ и вызвавшую сильное неудовольствіе особенно у вельможескихъ родовъ, которые съ покорностью

должны были переносить постоянный наплывъ въ ихъ ряды разныхъ «худородныхъ выскочекъ». Съ теченіемъ времени къ табели о рангахъ стали привыкать и даже нашли возможнымъ сдѣлать ее, если не болѣе, то почти столь же удобною для себя, какъ и прежній порядокъ. Чины стали получаться не за дѣйствительныя достоинства, какъ это имѣлъ въ виду Петръ Великій, а съ помощью разныхъ покровительствъ, подкуповъ и другими подобными же путями, такъ что обезпокоившіеся на нѣкоторое время тунеядцы попрежнему стали достигать безъ всякаго труда самыхъ высшихъ мѣстъ. Въ эпоху Кантемира, когда табель о рангахъ была еще въ настоящей силѣ, естественно было сатирѣ вооружаться противъ «дворянъ злонравныхъ», въ лицѣ Евгенія такими словами протестующихъ противъ новаго порядка вещей:

Чувствую, сколь знатнымъ всѣмъ стыдно и обидно;
Что, кто не всѣ еще стеръ съ грубыхъ рукъ мозоли,
Кто недавно продавалъ въ рукахъ мѣшокъ соли,
Кто глушилъ насъ, «сальныя», крича, «ясно свѣчи
Горятъ», кто съ подовыми горшкомъ истеръ плечи,
Тотъ, на высокую степень вспрыгнувши блистаетъ и т. д.

При Сумароковѣ положеніе дѣлъ перемѣнилось, новый порядокъ успѣлъ уже сдѣлаться старымъ, и сатира стала теперь порицать то, что недавно хвалила.

По мнѣнію Сумарокова всякій членъ въ государствѣ долженъ знать свое мѣсто и сообразно ему исполнять свое дѣло:

Членъ члену въ обществѣ помога,
А общій трудъ ко счастію дорога.
(«Голова и члены».)

Поэтому безполезно и даже вредно стремленіе всякой мелюзги выйти изъ своего положенія. Свѣча затѣяла споръ съ солнцемъ: она «толикожъ бѣлокура», такъ же горяча и такъ же свѣтитъ ночью, какъ солнце днемъ. Но солнце свѣтитъ міру, а свѣча избушкѣ:

Въ великомъ польза, польза въ маломъ,
И все потребно, что ни есть,
Но разна польза, разна честь:
Солдатъ, не можешь ты равняться съ генераломъ.
(«Свѣча».)

Съ этой точки зрѣнія сатирикъ смотритъ на чины и считаетъ табель о рангахъ вредною для государства, такъ какъ, благодаря ей, самые недостойные и мелкіе люди могутъ дѣлаться важными лицами въ государствѣ. Въ золотомъ вѣкѣ, кто былъ великъ, великъ былъ безъ чиновъ, не титлами людей достойныхъ измѣряли, но то время прошло невозвратно. Теперь, несмотря на то, что «чинъ есть одно только имя: кто больше имѣетъ чиновъ, тотъ больше имѣетъ именъ, и, когда восхожденіемъ или паче возведеніемъ перемѣняются чины,

перемѣняются только имена, и умножаются доходы, поклоны и лесть, а достоинство не умножается», несмотря на то, что

Въ велику можетъ честь
Великій только умъ отечество вознесть,
А голый чинъ рождаетъ только лесть.
(«Змѣя, голова и хвостъ».)

всѣ, даже самые низкіе люди, стремятся нахватать какъ можно болѣе чиновъ. Свинья на томъ основаніи, что коню Калигулы дано было большое достоинство, и многіе другіе скоты «носили безъ плодовъ почетные цвѣты», сама захотѣла сдѣлаться превосходительной. Ей хотѣлось чиномъ повеличаться и отличиться:

За чинъ же болѣе всего на свѣтѣ чтутъ,
Такъ точно главное достоинство все тутъ,
А безъ того была какая бы причина
Искать и добиваться чина.

Лестно для свиньи то —

Чтобъ было сказано когда о мнѣ въ банкетѣ,
Какъ я войду въ чины:
Превосходительной покушай ветчины.
(«Чинолюбивая свинья».)

Вредъ, который разные чинолюбивые люди приносятъ обществу состоитъ въ томъ, что, добившись своего положенія не дѣйствительными заслугами, а разными происками, интригами и всякими другими хитростями, они попрежнему продолжали дѣйствовать также безчестно:

Кто подлымъ родился, предъ низкими гордится,
А предъ высокими онъ, ползая, не рдится.
(«Заяцъ и Лягушки».)

Подлый человѣкъ «въ чести гордится завсегда»:
И ежели его съ боярами сверстаютъ,
Такъ онъ безъ гордости не взглянетъ никогда,
Съ чинами дурости душъ подлыхъ возрастаютъ.
(«Коршунъ».)

Низкій человѣкъ, имущій чинъ высокій, это филинъ въ павлиньихъ перьяхъ, который въ гордости своей жестокой забылъ подлость своей природы («Филинъ»). «Мушонокъ», пожалованный, по просьбѣ матери въ коты, сталъ такъ усердно вмѣсто мышей ловить куръ, что едва не истребилъ весь курятникъ, но не успѣлъ, потому что за это велѣно было его убить:

Не должны никогда котами быти мухи
Ниже во вѣкъ
Какимъ начальникомъ быть подлый человѣкъ.
(«Просьба мухи».)

Если низкій человѣкъ, добившійся чиновъ, самъ не дѣлаетъ вреда, то по глупости своей даетъ возможность другимъ производить его:

Всегда болванъ — болванъ, въ какомъ бы ни былъ чинѣ;
Овца всегда овца и во златой овчинѣ.
Хоть холя филину осанки придаетъ,
Но филинъ соловьемъ во вѣкъ не запоетъ.
Но филинъ ли одинъ въ велику честь восходитъ?
Фортуна часто змѣй въ великій чинъ возводитъ.
Кто жъ больше повредитъ, иль филинъ иль змѣя?
Мнѣ тотъ и пагубенъ, которымъ стражду я;
И отъ обоихъ ихъ иной гораздо труситъ:
Тотъ даетъ его кусать, а та сама укуситъ.
(IX т., стран. 199).

Достигши большихъ чиновъ и наживши себѣ всякими неправдами богатство, разные проходимцы успѣвали втереться въ общество бояръ. Богатый человѣкъ въ баснѣ «Старый мужъ и молодая жена»

Боярамъ былъ набитый братъ
И знался съ ними безъ препятства,
Куда они, туда и онъ.
Живущему среди богатства
Такой законъ.

Но бывали и такіе случаи, что бояре съ презрѣніемъ относились къ попыткамъ какой-нибудь мыши, пожалованной въ медвѣди, попасть въ ихъ общество.

Когда изъ низости высоко кто воспрянетъ,
Конечно, онъ гордиться станетъ,
Наполненъ суеты,
И мнитъ, какъ я еще тварь подлая бывала,
И въ тѣ дни я въ домахъ господскихъ поживала,
Хоть бѣгала дрожа,
А нынѣ я большая госпожа,
И будутъ тамъ мои надежно цѣлы кости,
На пиръ пойду къ боярину я въ гости.

Но тамъ ее назвали воромъ, разбойникомъ, кровопійцей, грабителемъ и убійцей, рогатиной пощекотали, дубиною поколотили и кости у нея какъ рожь измолотили («Мышь медвѣдемъ»). Пока живъ былъ Калигула, объявившій своего коня консуломъ,

Всѣ чтутъ бояриком сіятельна коня,
Превосходительствомъ высокимъ титулуютъ,
Какъ папу въ туфлю всѣ лошадушку цѣлуютъ,

но лишь только умеръ Калигула, на Консулѣ, хотя онъ по указу и высокаго былъ роду, стали возить воду («Калигулина лошадь»).

Такъ же какъ чины «не украшаютъ нашего достоинства и богатства», Плутусъ только «портитъ людей отъ сама дѣтства» («Геркулесъ») и не доставляетъ имъ никакой чести:

Какая это честь
Котору можетъ воръ унесть.
(«Лошаки и воры».)

Всѣ нападки Сумарокова на низкихъ и подлыхъ людей, на чины и богатство, какъ на средства выдвинуться изъ толпы, нельзя объяснить какими-нибудь его личными сословными предразсудками. Новыя идеи, проповѣдуемыя въ XVIII вѣкѣ и проникшія въ Россію, не могли не оказать на него вліянія. Почти всѣ сочиненія Сумарокова наполнены его воззрѣніями, выработанными на основаніи проповѣди французскихъ энциклопедистовъ. На первомъ планѣ стоитъ требованіе признанія за каждымъ отдѣльнымъ лицомъ его человѣческаго достоинства. Ни чины, ни богатство, ни знатность рода не могутъ украсить истиннаго достоинства, «ибо всѣ его украшенія въ немъ самомъ состоятъ: чистота сердца, острота разума, просвѣщеніе мыслей и услуга роду человѣческому». На этомъ основаніи, съ такими же обличеніями, какъ противъ низкихъ, подлыхъ людей, Сумароковъ выступаетъ и противъ вельможъ, гордыхъ своимъ происхожденіемъ, а не личными заслугами, надменныхъ блескомъ своихъ богатствъ и потому считающихъ себя вправѣ съ презрѣніемъ относиться къ низшимъ классамъ.

Слава суетно себѣ почтенья проситъ,
Когда она плода народу не приноситъ.

А не приносящія плодовъ олимпійскія деревья все равно остаются безплодными, хотя они и носятъ названіе боговъ Олимпа «Олимпу посвященныя деревья». Блохѣ, которая требовала себѣ воеводства, потому что въ ней барская кровь, отвѣчали:

...На что намъ барска слава?
Потребенъ барскій умъ и барская расправа.
(«Блоха».)

Особенно вооружается Сумароковъ противъ гордости и спеси, которыми проникнуты бояре въ отношеніяхъ ко всѣмъ, не принадлежащимъ къ ихъ обществу. «Въ комъ много гордости», говоритъ онъ въ баснѣ «Соболья шуба», извѣстно то, что тотъ, конечно, скотъ и титла этого въ народѣ самъ онъ проситъ. Соболью шубу, которою хвалится гордецъ, носилъ скотъ,

И скотъ и нынѣ носитъ.

Презрѣніе къ низшимъ уже и потому не имѣетъ смысла, что судьба перемѣнчива: гордый конь, украшенный серебромъ, который какъ рыцарь, встрѣчалъ осла и еще издали кричалъ дать ему дорогу, получилъ рану на войнѣ и сдѣлавшись, такимъ образомъ, негоднымъ служить подъ сѣдломъ, принужденъ былъ забыть свою спесь и возить навозъ въ телѣгѣ. («Конь и Оселъ»). Служанка смела паука и пропала вся его «вѣчная слава», которую онъ считалъ неприкосновенно («Паукъ и Служанка»). Могучій дубъ, гордясь своей силой, говоритъ слабой трости:

Бояринъ я, а ты раба,

и потому ты, вѣроятно, за какіе-нибудь грѣхи представляешь «образъ слабости, суеты и видъ несовершенства»; но когда въ скоромъ вре-

мени поднялась сильная буря, боярская спесь не помогла: дубъ не захотѣлъ гнуться передъ бурей, да и не умѣлъ.

Дубъ палъ и дубъ погибъ, спесь пала и погибла.
(«Дубъ и Трость».)

Если заслуживаетъ насмѣшки гордость людей, выставляющихъ на видъ свое знатное происхожденіе, то тѣмъ болѣе смѣшны люди, только по глупости, или благодаря случайному положенію, претендующіе на всеобщее уваженіе и въ силу этого стремящіеся подражать во всемъ своимъ знатнымъ образцамъ. Блоха вскочила на слона и, принимая на свой счетъ то удивленіе, съ какимъ встрѣчали слона, вообразила себя богиней и съ презрѣніемъ уже стала относиться къ землѣ и всѣмъ живущимъ на ней. («Блоха».) Оселъ, на которомъ возили идола, «противъ разума и чувствія природы» признаваемаго всѣми владыкой и отцомъ, возгордился и сталъ считать себя богомъ, обладателемъ вселенной, подателемъ всѣхъ благъ, пока дубиной не доказали ему —

Что онъ оселъ, не богъ
(«Надутый гордостью Оселъ».)

Къ этой же категоріи басенъ нужно отнести всѣ басни о лягушкѣ, желавшей сравниться съ быкомъ, но съ натуги лопнувшей и околѣвшей («Лягушка» 221 стран., «Возгордѣвшая Лягушка» 306 стран., «Лягушка» 345 стран.). Сумароковъ здѣсь разумѣлъ мелкихъ дворянъ, старавшихся во всемъ подражать знатнымъ и богатымъ. Въ комедіи «Рогоносецъ» онъ говоритъ о нихъ: «мелкіе дворяне дуются, какъ лягушки, и думаютъ только о своемъ благородствѣ, которое имъ по одному имени извѣстно и чаютъ о своихъ крестьянахъ то, что они отъ Бога господамъ на поруганіе себѣ созданы».

Съ неосновательною гордостью часто соединялась странная увѣренность въ своей силѣ и значеніи, въ своей возможности помочь или повредить какому-либо дѣлу. Муха, сидя на каретѣ, поднимавшей большую пыль, хвалится всѣмъ: куда какъ сколько здѣсь я пыли подняла («Муха и карета»). Комаръ твердо убѣжденъ, что лошадь только потому, что онъ сѣлъ на телѣгу, не можетъ ея ввезти подъ гору, и, чтобы помочь лошади, благодушно рѣшается соскочить съ повозки («Комаръ»). Онъ изо всѣхъ силъ старается помочь лошадямъ двинуть остановившуюся карету, потѣетъ, мучится, и, когда отдохнувшія лошади потащили ее дальше, весь успѣхъ приписываетъ своимъ хлопотамъ:

...Куда какой я сталъ пострѣлъ,
Готову сдвинуться карету я покинулъ,
Хоть и помучился въ песку, однако сдвинулъ.
(«Услужливый Комаръ».)

Другой такой же самоувѣренный комаръ, желая спастись отъ мнимой опасности быть убитымъ и отправленнымъ на поварню, сѣлъ

на высокій дубъ и, когда буря повалила дерево, бывшее его убѣжищемъ, обвинилъ себя въ преждевременной кончинѣ:

И отъ меня, увы, пришла его кончина,
Ахъ я твоей, ахъ, я напасти сей причина!
(«Тяжелый Комаръ».)

Взгляды Сумарокова на человѣческую личность и на истинное достоинство человѣка вполнѣ послѣдовательно проводятся имъ въ отношеніи къ главной основной массѣ русскаго народа — крестьянству, страдавшему тогда подъ бременемъ крѣпостного права. Сумароковъ первый въ русской литературѣ вооружился противъ названія крестьянъ подлыми людьми, названія, въ то время уже имѣвшаго особый презрительный смыслъ. «Слово чернь принадлежитъ низкому народу, а не слово «подлый народъ»; у насъ сіе имя дается всѣмъ тѣмъ, кто не дворяне. Дворянинъ! великая важность... О, несносная дворядская гордость, достойная презрѣнія. Истинная чернь суть невѣжды, хотя бы они и великіе чины имѣли, богатство Крезово и влекли бы свой родъ отъ Зевса и Юноны, которыхъ никогда не бывало, отъ сына Филиппова, побѣдителя или иначе разорителя вселенныя, отъ Юлія Цезаря, утвердившаго славу римскую, или иначе разрушившаго ее» и т. д. Крестьяне такіе же люди, какъ и помѣщики: «Солнце равно освѣщаетъ и помѣщика и крестьянина». «Пращуръ боярина отданъ на съѣденіе червямъ и въ прахъ претворился, пращуръ крестьянина также:

Отъ боярина того нѣтъ ужъ больше страха,
И бояринъ и мужикъ, вы потомки праха.

И бояринъ и мужикъ оба могутъ быть честны, когда захотятъ, оба они сыны отечества и оба могутъ быть ему полезны. Непризнаніе человѣческаго достоинства въ крестьянахъ особенно высказывалось въ безчеловѣчномъ съ ними обращеніи господъ. Сумароковъ, утверждавшій, что «человѣколюбіе есть первая статья добродѣтели и источникъ всякаго блага», съ особеннымъ негодованіемъ относился къ жестокости помѣщиковъ, истекавшей часто изъ ихъ экономическихъ цѣлей. «Помѣщикъ, обогащающійся непомѣрными трудами своихъ подданныхъ», говоритъ онъ въ статьѣ «о домостроительствѣ», «суетно возносится почтеннымъ именемъ домостроителя, и долженъ онъ названъ быть доморазорителемъ. Такой извергъ природы, невѣжа и во естественной исторіи и во всѣхъ наукахъ, тварь безграмотная, не почитающій ни Божества ни человѣчества, каявшійся по привычкѣ и по той же привычкѣ возвращавшійся на свои злодѣянія, заставляющій поститься крестьянъ своихъ ради наполненія сундуковъ своихъ, разрушающій блаженство ввѣренныхъ ему людей, стократно вреднѣе разбойника отечеству» и т. д. Подобнымъ же образомъ о помѣщикѣ—домостроителѣ выражается Сумароковъ и въ баснѣ «Ненадобное сѣно».

Презрителенъ и гнусенъ
Ненасытимый человѣкъ,
Который въ весь свой вѣкъ
Лишь деньги собирать искусенъ,
И кто своихъ питаетъ такъ людей,
Какъ кормитъ живодеръ на одрань лошадей.

Тяжела работа мужика, и какимъ трудомъ добываетъ онъ себѣ кусокъ хлѣба, знаетъ только онъ самъ. Мужикъ несъ въ котомкѣ три пуда свинцу на продажу; прохожіе смѣялись, видя, какъ гнется мужикъ:

Имъ мужикъ отвѣчалъ:
Трудъ мой кажется малъ,
Только Богъ это вѣсть,
Что въ котомкѣ есть,
Да извѣстно тому,
Кто несетъ котому.
(«Мужикъ съ котомкой».)

Но, несмотря на это, находились люди, которые всегда считали работу мужика незначительною и, подобно мухѣ, какую бы тяжесть ни везла лошадь, постоянно ее погоняли:

...есть и у людей
Такіе господа, которые и туже,
Раздувшися гоняютъ лошадей;
Которы возятъ ихъ и коихъ сами хуже.
(«Высокомѣрная Муха».)

Пьяный возница постоянно стегаетъ лошадей, «до самыхъ ушей ихъ плетью достигаетъ», несмотря на то, что карету везутъ онѣ исправно («Возница пьяный»). Аналогію между людьми и лошадьми Сумароковъ проводитъ и дальше: «стегаютъ и лошадей и людей часто безъ вины иные господа, да и продаютъ ихъ такъ же, какъ и лошадей, хотя ни вороно-пѣгими ни гнѣдо-пѣгими крестьяне не рождаются, а такими же шерстью, какъ и помѣщики, и сѣна не ѣдятъ». Впрочемъ, между лошадьми и крестьянами та разница, что, если бы лошади изуродовали возницу, такъ это бы и пропало, потому что лошади законамъ не подчинены, но иное бы вышло въ такомъ случаѣ съ людьми, хотя и не всѣ люди законамъ повинуются».

Еще болѣе помѣщиковъ домостроителей разоряли крестьянъ такіе помѣщики, которымъ деньги нужны были на мотовство и щегольство. У нихъ «крестьяне почти всѣ по міру ходятъ, потому что боярыня наша праздности не жалуетъ и ежечасно къ труду понуждать изволитъ; щегольство и картежная игра умножилися, а ежели крестьяне меньше работать будутъ, такъ чѣмъ нашимъ помѣщикамъ и пробавляться...» Въ баснѣ «Ось и Быкъ» такого господчика — мота изображаетъ постоянно скрипящая ось, а быкъ, который молчаливо везетъ телѣгу, — крестьянина:

Страдаетъ отъ долговъ обремененный мотъ,
А этого не воспомянетъ,
Что пахарь, изливая потъ,
Трудится и тягло ему на карты тянетъ.

Въ своихъ басняхъ Сумароковъ коснулся отчасти и приниженной и забитой личности самого мужика. Его кругозоръ очень узокъ и желанія самыя ограниченныя. Онъ страстно молится Геркулесу, кричитъ, валяется въ грязи, чтобъ тотъ помогъ мужицкой клячѣ везти навозъ. Хотя такая просьба и разсердила Геркулеса, все-таки онъ далъ такой совѣтъ:

Сними, свинья,
Съ телѣги грузу половину.
Исполнилъ то мужикъ, работая и плача,
И потащила возъ измученная кляча.
(«Мужикъ и кляча».)

Такого же рода обращенная къ Олимпу просьба мужика избавить его отъ блохи («Мужикъ и Блоха»). Сравнительно съ такими ничтожными просьбами и желаніями слишкомъ смѣлыми кажутся слѣдующія мечтанія мужика о перемѣнѣ образа его жизни:

Когда бы въ небесахъ между боговъ я жилъ,
Совсѣмъ бы естество не такъ расположилъ;
Всегда бъ была весна, всегда цвѣли бы розы
И не было бъ зимы;
На что морозы?
И въ вѣкъ бы не пахали мы:
Не молвилъ бы тогда приказчикъ: вы лѣнивы,
И хлѣбъ давали бъ намъ несѣянныя нивы,
А что это за свѣтъ?
Весь годъ покою нѣтъ.
Рождались бы собой домашнія потребы,
Съ горохомъ пироги, печоны хлѣбы,
А я бы на печи нетопленной потѣлъ,
И гусь бы жареный на столъ ко мнѣ летѣлъ.
(«Новый календарь».)

Гораздо болѣе исполнимы мечты молочницы Мелинты. Она разсчитываетъ продать молоко, купить яицъ, развести куръ и потомъ, продавъ нѣсколько куръ, купить овечку. Овечка родитъ ягнятъ, а они на лугу будутъ прыгать и играть вокругъ нея. Представляя себѣ такія пріятныя картины, Мелинта забываетъ о крынкѣ молока, которую несетъ на головѣ, и опрокидываетъ ее. Предъ такою печальною дѣйствительностью всѣ мечты разлетаются, и Мелинта остается ни съ чѣмъ. («Крынка молока».)

Двумя путями обыкновенно освобождались крестьяне отъ невыносимаго для нихъ бремени крѣпостного ига: или поступали по рекрутскому набору въ военную службу, или выкупались на волю, разжившись всякими правдами и неправдами. Въ первомъ случаѣ положеніе ихъ мало чѣмъ дѣлалось лучше. Рискуя постоянно жизнью и слыша утѣшенія въ родѣ того, что ядро, которое отстрѣлило у него ногу, ранило вмѣстѣ съ тѣмъ и фельдмаршала («Отстрѣленныя нога»), солдатъ могъ разсчитывать только на то, что, сдѣлавшись негоднымъ къ службѣ, онъ останется безъ всякихъ средствъ

къ существованію. Хотя безногаго солдата и отдали въ монастырь, чтобъ тамъ кормить его, но

...служки были строги
Для бѣднаго сего;
Не могъ тамъ пищею несчастливый ласкаться
И жизни былъ не радъ.
Оставилъ монастырь безногій сей солдатъ;
Ногъ нѣтъ;争 поползъ и сталъ онъ по міру таскаться.
(«Безногій солдатъ».)

Болѣе выгоденъ, но не всегда честенъ былъ другой путь освобожденія отъ крѣпостного ига — путь наживы. Но торговля не даетъ сразу большихъ прибылей; скорѣе къ нимъ ведетъ воровство.

Такое ремесло гораздо хлѣбно.
(«Кисельникъ».)

Да кромѣ того:

Трудненько торговать;
Полегче воровать,

особенно у казны, при помощи откуповъ. Казенный мостъ, взятый на откупъ, всегда худъ и причиняетъ прохожимъ множество трудностей и опасностей при переходѣ, но нельзя «драться» съ богатымъ откупщикомъ:

...этотъ ябедникъ, по-русски это плутъ,
И позабылъ совсѣмъ давно ременный жгутъ,
По русски кнутъ,

которымъ стегали его, когда онъ былъ еще крѣпостнымъ («Мостъ»). Откупщикъ въ своемъ стремленіи перемѣнить кушакъ на портупею («Пиръ у Льва», 26 стран.) и зажить, какъ муха въ крынкѣ, въ пространномъ морѣ молока не обращаетъ вниманія на весь вредъ, который приноситъ откупная система народу. Шубникъ оскалилъ на денежки зубы и взялъ на откупъ шубы, но онъ умеръ, и неизвѣстно, отколѣ брать шубы:

Шубниковъ ужъ нѣтъ, и это ремесло
Крапивой заросло;
Такую откупомъ то пользу принесло.
(«Шубникъ».)

Даже Юпитеръ страдаетъ отъ откуповъ и говоритъ откупщику:

...Я думаю о томъ,
Что мнѣ на васъ давно пора бросати громъ,
(«Мостъ».)

Стремленіе къ легкой, но нечестной наживѣ вообще было весьма распространено между крестьянами. Когда два какіе-то прохожіе нашли топоръ и пришли съ нимъ въ деревню, всѣ крестьяне стали признавать топоръ своимъ:

Крестьяне завсегда въ такихъ случаяхъ дружны,

замѣчаетъ Сумароковъ («Два прохожіе», 37 стран.). Оттого такъ часто случаи воровства въ деревняхъ (у Сумарокова цѣлый рядъ басенъ: «Воръ», «Воры и оселъ», «Два крадуна», «Воры и старикъ»), и доходящаго до цинизма присвоенія себѣ какимъ-нибудь другимъ образомъ чужихъ вещей. Дѣвушка, вытребовавши у влюбленнаго въ нее парня кольцо и перстень, вытолкала его за двери и потомъ жалѣла еще, что не взяла у него кафтана («Жалостливая дѣвушка», 227 стр.).

Какъ ни противоположно было соціальное положеніе помѣщика и крестьянина, но въ умственномъ и нравственномъ отношеніи у нихъ было очень много общаго. Помѣщики еще не особенно далеко ушли отъ московскаго періода, когда ихъ роднило съ крестьянствомъ поголовное невѣжество. Благодаря невѣжеству многіе недостатки являются общими и у помѣщиковъ и у крестьянъ, напр., ханжество и суевѣріе. Сумароковъ особенно вооружался противъ этихъ недостатковъ за вредное вліяніе, которое они имѣли на истинную добродѣтель. «Ханжество должно духовными всячески истребляемо быти», говоритъ онъ, «ежели духовные ради лицемѣрія, или какой опасности отъ ханжей боятся коснуться пустосвятству ханжей, они разрушители добродѣтели». Онъ хвалитъ законоучителя цесаревича, Платона, «который, какъ новый Ѳеофанъ, украшаетъ разумъ правдою, не внемля наглому лицемѣрству и не повинуясь суевѣрію». Особенно возстаетъ Сумароковъ противъ формальнаго отношенія къ религіи, вслѣдствіе котораго въ русской жизни сплошь и рядомъ повторялись явленія, подобно указанному Кантемиромъ въ IX сатирѣ:

...Купецъ у иконы
Полъ весь заставилъ дрожать, какъ кладетъ поклоны,
И чаялъ бы ты, что онъ весь въ правости важенъ,
Погляди жъ завтра, ахъ, гдѣ? въ тюрьмѣ ужъ посаженъ;
Спросишь: за что тутъ мужъ сидитъ святой и старый?
Воровствомъ безъ пошлины привозилъ товары. (183.)

У Сумарокова въ баснѣ «Воръ» (33 стран.) воръ покупаетъ себѣ большую свѣчу, чтобъ было видно красть въ церкви ночью, зажигаетъ ее передъ образомъ и, укравъ часовникъ,

Умильно чтетъ молитву онъ сію:
Услыши, Господи, молитву ты мою!
Предъ коимъ образомъ свѣча его сгораетъ,
Предъ коимъ молится, сей образъ обдираетъ,

придя домой, безъ страха спать ложится, и сообщаетъ женѣ,

Что Богъ ему то далъ,
Благословя его ловитву
За умиленную молитву.
(«Воръ».)

Мужикъ, бросившій торговать гороховымъ киселемъ и конопляныпмъ масломъ и принявшійся за другое болѣе прибыльное ремесло— воровство, зашелъ въ алтарь и укралъ тамъ икону. Товарищъ его

сталъ его журить, какъ это онъ въ такой измаранной масломъ одеждѣ рѣшился красть въ алтарѣ.

Не меньше я тебя имѣю эту страсть,
И платьице почище я имѣю,
Да я изъ алтаря украсть не смѣю.

На эти укоризны лицемѣръ кисельникъ отвѣтилъ:

...Не знаешь ты Творца,
Отъемля у меня на Вышняго надежду:
Не смотритъ Богъ на чистую одежду,
Взираетъ онъ на чистыя сердца.
(«Кисельникъ».)

Въ баснѣ «Безногій солдатъ», Сумароковъ указываетъ на очень распространенную во всѣхъ классахъ тогдашняго общества ложную набожность, видѣвшую въ религіи только одну обрядовую сторону. Купеческая вдова, которая съ мужемъ въ подрядахъ кладъ нашла, жила очень набожно:

Всѣ дни ей пятница была и середа,
И мяса десять лѣтъ не ѣла никогда,
Дни съ три уже не напивалась водки,
А сверхъ того всегда
Перебирала четки,

но когда нищій калѣка — солдатъ попросилъ у нея подать ему хоть полушку, изъ жалости только заплакала и... побрела въ церковь.

Въ басняхъ «Кораблекрушеніе» и «Осада Византіи», Сумароковъ провелъ ту мысль, которую практическій смыслъ народа выразилъ въ пословицѣ: «на Бога надѣйся, а самъ не плошай». Застигнутые бурею корабельщики вмѣсто того, чтобъ броситься въ воду и плыть къ берегу —

Одной молитвою спасались,
Хоть Богъ имъ явственно сей мыслью сказалъ:
Кидайтеся въ валы и берегъ показалъ.

И Византія погибла потому, что многочисленное населеніе ея вмѣсто того, чтобъ съ оружіемъ въ рукахъ выступить противъ Магомета, «зрѣлому разуму не покорилась» и затворилась въ храмахъ.

Гораздо болѣе, чѣмъ суевѣріе и ханжество, преслѣдовалъ Сумароковъ весьма распространенные въ современномъ ему обществѣ пороки — скупость и страсть къ ростовщичеству. Не говоря уже о томъ, что ему самому, постоянно обремененному долгами, часто приходилось вступать въ сношеніе съ разными скрягами и ростовщиками, даже въ кругу своей семьи онъ находилъ матеріалы для созданія типовъ корыстолюбивыхъ и непросвѣщенныхъ скупцовъ. Въ комедіяхъ Сумарокова «Лихоимецъ» и «Опекунъ» выведены его зять и сестра и при томъ съ такими указаніями на личности, что не только родственники, но и посторонніе люди могли видѣть, на кого

направляются стрѣлы автора. Вѣроятно и въ басняхъ, направленныхъ противъ скупости, есть много указаній на извѣстныя тогда лица и случаи.

По мнѣнію Сумарокова скупости болѣе всѣхъ подвластны старички.

Безграмотные дурачки,
Носящіе на носу очки
И ядъ въ утробѣ,
Изсохшіе во злобѣ.
И почитай уже лежащіе во гробѣ,
Изморщенные, какъ сверчки,
Или согнившіе сморчки.
Такимъ людямъ всѣ желаютъ смерти —
И чтобъ его скорѣй отселѣ взяли черти.
(«Ненадобное сѣно».)

Плохо приходится бѣдняку, который «ни шелега» въ мошнѣ не имѣетъ, а воровать не хочетъ: занять нельзя — нужны заклады, да росты ради барыша, а у него только кафтанъ, рубашка да душа. Съ голоду бѣднякъ рѣшается даже повѣситься и приготовилъ уже веревку, но случайно находитъ кладъ, который былъ запрятанъ какимъ-то скупцомъ и съ радостью его уноситъ. Скупецъ пришелъ въ отчаяніе, не найдя своего сокровища, и лишаетъ себя жизни, пользуясь веревкой оставленной бѣднякомъ, при чёмъ все-таки:

Доволенъ только тѣмъ ко смерти приступилъ,
Что онъ веревки не купилъ.
(«Скупой».)

Совѣсть скупыхъ «лежитъ въ мѣшкахъ и за печатью».

Ограбить и окрасть
У нихъ геройска страсть.

Въ баснѣ «Два скупые» очень хорошо описано ихъ лукавство, соединенное съ алчнымъ тупоуміемъ.

Какой-то домостроитель, хотя онъ цѣлый день не ѣлъ, однако остался живъ, рѣшилъ дѣлать подобные же опыты надъ лошадью, и тогда только спохватился, когда конь издохъ («Терпѣніе»). Ради того, чтобъ присвоить себѣ серебряную кружку, которую мальчикъ будто бы уронилъ въ колодезь, скупой раздѣвается и опускается въ этотъ колодезь и во время поисковъ за несуществующей кружкой лишается платья, которое крадетъ мальчикъ («Скупой и кружка»). Въ баснѣ «Сторожъ богатства своего» Сумароковъ обращается къ скупымъ съ цѣлой рѣчью, въ которой старается доказать всю нелѣпость ихъ страсти. Что глупѣе скупца? спрашиваетъ онъ:

Бездѣльниковъ по смерти
Терзаютъ въ адѣ черти,
А ты стараешься терзати самъ себя;
Ты дьяволъ самъ себѣ, тиранъ себѣ безъ спору.

Скупой «и на златомъ одрѣ въ несчастьи пребываетъ». Онъ подобенъ собакѣ, которая имѣла множество пищи, но ѣла очень мало «и день и ночь имѣнье берегла и стерегла, но проголодалась, ослабла и умерла («Собака и кладъ»). И передъ самой смертью скупцы остаются вѣрными своей страсти. Скупая собака, чтобы пріятели въ болѣзни ей послужили, даетъ имъ гнилыя кости, ни къ чему уже негодныя, и только «когда душа изъ тѣла вонъ готова», предлагаетъ имъ свѣжія, но не можетъ сказать, гдѣ онѣ лежатъ, охаетъ и издыхаетъ («Скупая собака»).

Современное Сумарокову русское общество, отличавшееся странною и пестрою смѣсью старины и новизны, на ряду съ мелочною бережливостью, весьма часто переходящею въ скупость, давало возможность наблюдать и противоположные пороки: презрѣніе къ національному, невѣріе и мотовство, особенно распространенныя въ тогдашнемъ молодомъ поколѣніи, выросшемъ уже подъ вліяніемъ западно-европейской цивилизаціи. При весьма невысокой степени умственнаго и нравственнаго развитія весьма естественно увлеченіе внѣшностью европейской жизни. Непосредственныя сношенія съ Франціей, въ которыя Россія вступила съ царствованія Елизаветы Петровны, дали русскому обществу возможность познакомиться со страной, бывшей главнымъ источникомъ и указателемъ всей духовной и общественной жизни западной Европы, и вслѣдствіе этого прежнее нѣмецкое вліяніе уступило свое мѣсто французскому. Блестящая свѣтская жизнь, подчиненіе модѣ, стремленіе къ безумной роскоши, крайне легкомысленныя понятія о нравственности — вотъ тѣ стороны французской цивилизаціи, за которыя съ жадностью ухватилось русское общество XVIII вѣка, и которыми оно стало прикрывать прежнюю грубость нравовъ и невѣжество.

Мода, которая стояла на первомъ планѣ въ жизни высшихъ классовъ общества, стала даже распространяться и среди низшихъ, старавшихся во всемъ подражать знати. Даже подьяческія дочки, которымъ «кокетствовать не въ модѣ» и «въ указахъ объ этомъ нигдѣ нѣтъ», стали подражать модницамъ, стали носить «корнетъ» вмѣсто прежнихъ чепцовъ, треуховъ и флеровой салопъ вмѣсто тѣлогрѣя, стали говорить новоманерными словами:

То фрукты у нее, что въ подлости морковь.
Тутъ сидя не пила ни кислыхъ щей ни квасу:
И спрашивала, гдѣ промыслить ананасу.
Коврижки сахарной кусочки клала въ ротъ,
И знала то, что ето — цуккербротъ.
По модѣ нынѣшней не къ стати все болтала,
Не кстати хохотала,
Играть хотѣла и въ триссетъ.
(«Подьяческая дочь»)

И у подьяческой дочери является уже стремленіе передѣлывать и искажать слова на французскій маneръ, стремленіе, бывшее общимъ у всѣхъ новомодныхъ и новоманерныхъ людей. Въ комедіи Сумарокова.

«Мать совмѣстница», одно изъ дѣйствующихъ лицъ, Корнилій, говоритъ: «говоритъ она (модница) такимъ языкомъ, котораго я не разумѣю. Дѣды наши не знали этакихъ словъ, да вѣдь жили. Это чудно: будь русскій и, говоря съ русскимъ по-русски же, его не разумѣй! Экой нынѣ обычай завелся!» Песъ, путешествовавшій въ чужихъ краяхъ, вернувшись, сталъ постоянно къ лаю примѣшивать медвѣжій ревъ и волчій вой, за что въ концѣ концовъ и былъ загрызенъ собаками:

Во вѣкъ отеческимъ языкомъ не гнушайся
И не вводи въ него
Чужого ничего,
Но собственной своей красою украшайся.
(«Порча языка».)

У насъ «ребятокъ учатъ и мучатъ наукою», а во Франціи не учася всѣ умѣютъ по-французски, какъ мы по-русски («Французскій языкъ»). Порча языка происходила, главнымъ образомъ, оттого, что многіе, не будучи въ состояніи говорить по-французски, къ русской рѣчи примѣшивали французскія слова и очень часто совсѣмъ не кстати. Модница-шалунья «не бредила безъ словъ французскихъ ничего», хотя по-французски не знала ни одного слова, но «знаніемъ хотѣла поблистать». На какомъ-то обѣдѣ она сказала:

...«я ѣду дѣлать куръ»;
Сказали дурищѣ, внимая то, сосѣдки:
Какой плетешь ты вздоръ, куръ дѣлаютъ насѣдки.
(«Шалунья».)

Отсутствіе всякой серіозной мысли, постоянный переходъ отъ одного удовольствія къ другому, наконецъ, вся обстановка праздной жизни имѣли особенное вліяніе на характеры и способствовали созданію особаго типа, извѣстнаго подъ названіемъ петиметра. Въ баснѣ «Недостатокъ времени» Сумароковъ изображаетъ препровожденіе времени такого тунеядца — петиметра. Онъ не членъ тѣла, а бородавка, не древо въ рощѣ, но изсушенный колъ и т. д.

Могу ль я чтить урода,
Котораго природа
Произвела осломъ?
Не знаю для чего, щадить такихъ и громъ.

У тунеядца — петиметра нѣтъ никогда свободнаго времени: въ десятомъ часу онъ спитъ, въ одиннадцать пьетъ чай и куритъ табакъ, въ двѣнадцать пируетъ за обѣдомъ, потомъ опять спитъ, и къ вечеру «болванъ не мысли, но волосы приводитъ въ ладъ», затѣмъ ѣдетъ въ «сонмища публичны» и тамъ играетъ въ карты. «Несчастливъ этотъ градъ», заключаетъ Сумароковъ:

Гдѣ всякій день почти и клобъ и маскерадъ,

безъ всякаго сомнѣнія относя эти слова къ Москвѣ, о страсти которой къ маскарадамъ онъ упоминаетъ и въ баснѣ «Медвѣдь-танцовщикъ».

Въ ней онъ обращается къ жителямъ Москвы со слѣдующими словами:

Къ чему преславный градъ такой
Въ такое мелкое вмѣшался дѣло?
Иль скуки чѣмъ инымъ не можно утолить,
Не лучше ли сію забаву отдалить?

Модные петиметры, несмотря на все умственное убожество свое, все-таки съ презрѣніемъ относились къ наукѣ:

Снаружи головы снабжаютъ,
Внутри головъ не наряжаютъ,
Иль мозгъ ненадобнѣй волосъ?
На этотъ мой вопросъ
Мнѣ скажетъ петиметръ, подъемля гордо носъ:
Умы здоровье повреждаютъ,
А кудри болѣе красавицъ побѣждаютъ:
Во разумѣ большой нужды мнѣ нѣтъ,
Скажу и безъ ума: люблю тебя, мой свѣтъ.
(«Уборка головы».)

Общею чертою всѣхъ петиметровъ было ужасное мотовство, доводившее часто ихъ до нищеты. Въ баснѣ «Подушка и кафтанъ» приводится разговоръ кафтана и подушки объ ихъ баринѣ-мотѣ. Кафтанъ видитъ только постоянное веселье и утѣхи на пиру, за карточнымъ столомъ, у красавицъ. Подушка знаетъ больше: «послѣдній онъ кусокъ имѣнія доѣдаетъ, родительское уже все имѣніе промоталъ и долгу на себя съ три пуда нахваталъ»; всю ночь онъ мучится въ ужасной тоскѣ, и подушка для него страшнѣе гробовой доски. Въ баснѣ «Братъ и сестра» брата-мота журитъ сестра за мотовство; онъ ей отвѣчаетъ: «когда отстанешь отъ любви, и я мотать не буду болѣ». Сестра отвѣтствуетъ: «мотать тебѣ до гроба».

Уже изъ этой басни мы видимъ, что образъ жизни тогдашняго свѣтскаго общества не могъ не остаться безъ вліянія на семейную жизнь. Главнымъ содержаніемъ всѣхъ разговоровъ и рѣчей были любовныя похожденія. Любовь между мужемъ и женой подвергалась насмѣшкамъ и, какъ кажется, была очень рѣдкимъ явленіемъ.

Весьма замѣчательно значительное количество басенъ у Сумарокова о бѣдствіяхъ супружеской жизни вообще и въ частности о злой женѣ. Это обстоятельство отчасти можно объяснить его собственной несчастной семейной жизнью, о которой можно догадаться по слѣдующимъ даннымъ. По свидѣтельству Глинки, онъ женатъ былъ три раза, и всѣ три раза несчастливо. Въ письмѣ къ Безбородкѣ 1769 года онъ пишетъ: дѣвку дочь содержу я, а отъ матери она не получаетъ ни полушки, а нынѣ, отъѣзжая въ Москву, я ее на малое призрѣніе матери, которая о ней не печется, оставить ее не отважуся». На неудачную семейную жизнь Сумарокова есть указаніе и въ элегіи Эмина, въ которой Сумарокову вложены слѣдующія слова:

Пришелъ желанный часъ, прошло ужъ время злое!
Оставила меня теперь жена въ покоѣ!
Пора уже печаль твою теперь пресѣчь;
Дни въ радостяхъ мои съ тобою будутъ течь,
Любезная моя! Ликуй ты днесь со мною,
Что, страсть тебя любя, разстался я съ женою,
Чтобъ больше заслужить твою ко мнѣ любовь,
Я яростью зажегъ противъ нея всю кровь;
Вездѣ ее браню, о злѣ ея стараюсь,
И дѣти мерзки мнѣ, и ими я гнушаюсь и т. д.

Въ басняхъ злая жена является въ разныхъ видахъ и всегда обрисовывается Сумароковымъ съ самой непривлекательной стороны. Злая жена — спорщица: утку называетъ гусемъ и заставляетъ мужа согласиться въ этомъ съ нею только тогда, когда

...ему дала туза
И плюнула въ глаза.
(«Спорщица».)

У мужа и жены «брани безъ пошлины и безо всякой дани» и даже черти не могли выжить въ томъ домѣ, гдѣ помѣщена был[а] злая жена:

Діаволи твоей супруги испужались
И разбѣжались.
(«Злая жена и черти».)

Вѣроятно, невыносимая жизнь съ женой заставила Сумароков[а] сказать, что бездушнаго секретаря и самого даже сатаны злѣе зла[я] жена:

А я скажу — злѣй нѣтъ на свѣтѣ злой жены,
Чортъ меньше бабы злой во злое мчится дѣло,
Онъ мучитъ только духъ, а та и духъ и тѣло.

Злая жена вгоняетъ мужа въ пьянство, отъ котораго тотъ получаетъ чахотку и умираетъ:

Еще и не пришелъ его кончины срокъ,
Но лютая жена перемѣнила рокъ.
(«Злая жена».)

Бояринъ («Бояринъ и боярыня»), котораго жена постоянно «колотила и молотила», наконецъ, не вытерпѣлъ и потребовалъ у слуги Ваньки, дубину, съ цѣлью проучить супругу. Несмотря на всю храбрость и даже увѣщанья Ваньки «держаться боярскаго слова», бояринъ лишь только увидалъ супругу съ большой лозой, со стыдомъ бѣжал[ъ]:

А чтобъ супружню спину
Полегче было несть
И соблюсти боярску честь
Онъ бросилъ и дубину

Трусливый супругъ, изображенный въ этой баснѣ, очевид[но] изъ породы Простаковыхъ.

Въ баснѣ «Супругъ и супруга» Сумароковъ совѣтуетъ супругу не брать примѣра съ Сократа, который, когда Ксантиппа съ шумомъ и крикомъ бросила въ него кувшинъ воды, замѣтилъ: гдѣ громъ, тамъ и дождь; когда тебѣ супруга броситъ въ глаза пригоршни отрубей:

Возьми дубину, мужъ, возьми и не робѣй,
Дубиной дурищѣ ты ребра перебей.

Злая жена, благодаря которой мужъ «вседневно чувствовалъ колонье шила», крушила его, сушила и, въ концѣ концовъ, рѣшила утопить его, но вмѣсто мужа сама утонула:

Туда тебѣ и путь,

замѣчаетъ авторъ («Злая жена».)

Супружество подобно розѣ, къ которой прилетаетъ пчела, намѣреваясь напиться соку, но въ сердце ея попадаетъ игла, и она падаетъ мертвою («Супружество».)

При недружной жизни мужа и жены не будетъ спокойствія у ихъ до гробовой доски:

Когда въ супружествѣ привѣтства, ласки нѣтъ,
Противно время, домъ, забавы мнѣ и свѣтъ.

Къ такимъ супругамъ забрался однажды воръ; жена забыла гнѣвъ и въ страхѣ бросилась въ объятія къ супругу. Мужъ отъ этой радости въ восторгѣ, не смолчалъ и закричалъ:

О воръ! ходи ко мнѣ, ходи ко мнѣ ты чаще.
(«Страхъ и любовь».)

Отъ злой жены, которая была хуже Тизифоны, которая во злѣ была остра, какъ бритва, отъ которой день и ночь не имѣли спокойствія слуга, служанка, мужъ и гость, и сынъ и дочь — мужъ освободился тѣмъ, что кинулъ ее:

А если о тебѣ я вздохи испущу,
Или когда хоть мало погрущу,
Или тебя во вѣки не забуду —
Пускай я двѣ жены такихъ имѣти буду.
(«Клятва мужняя».)

Когда непріятельскій вождь, осаждавшій городъ, позволилъ женамъ вынести съ собою свои лучшія сокровища для выкупа мужей, одна богатая жена рѣшила, что мужа получить вездѣ всегда возможно: пускай мужей порѣжутъ тамъ, я и десяти рублевиковъ не дамъ. Вождь мужа освободилъ, а ее велѣлъ повѣсить («Выкупъ мужей»). Злая жена, когда мужъ умираетъ —

Отъ горести дрожитъ
Безъ памяти лежитъ

и призываетъ смерть, но когда смерть явилась, обращается къ ней со словами:

Не дай ему и мнѣ страдать;
Отраду можешь ты единая мнѣ дать,
Возми ево скоряй, возми ево отселѣ!
(«Жена въ отчаяніи».)

Невѣрности жены и вдовы посвящены басни: «Отчаянная вдова», «Молодка въ горести» и другія. Иногда въ невѣрности жены бываетъ виноватъ и мужъ, когда беретъ не жену, а ея приданое («Приданое».)

Можно напередъ сказать, что воспитаніе дѣтей въ такомъ обществѣ и среди такой семьи не отличалось особенными достоинствами. Сумароковъ вооружается, впрочемъ, только противъ нѣкоторыхъ недостатковъ тогдашняго воспитанія. Въ баснѣ «По трудахъ на покой» онъ указываетъ на послѣдствія той странной любви родителей къ дѣтямъ, которая переходитъ часто въ поблажку ихъ дурнымъ наклонностямъ: десятилѣтній мальчишка охотникъ былъ красть: кралъ у тетокъ чепцы и шапки, у матери укралъ подкапокъ; мать все знала, но изъ любви не обращала на это вниманія. Затѣмъ съ возрастомъ переходитъ къ кражѣ скота, ломаетъ клѣти и, наконецъ, становится разбойникомъ. Явившись къ матери на отдыхъ, онъ «отгрызъ у дуры носъ» и сказалъ ей на прощаньи:

Причина ты, что я повѣсою возросъ.

Разбалованное помѣщичье дитя, которое не знаетъ ни аза ни того, «что лоза и что гроза и что слова, которы дѣтямъ колки», выпросивъ у отца одноколку, поѣхалъ на ней кататься. По всей деревни лай и визгъ: мальчишка правитъ и всѣхъ свиней, собакъ и кошекъ давитъ и кончилъ тѣмъ, что, «не учивъ кучерскихъ наукъ», погибъ и съ лошадью и съ одноколкой. Изъ этой басни Сумароковъ выводитъ слѣдующее правоученіе.

Отцы, сей притчи вы не забывайте,
Ребятамъ воли не давайте.
(«Одноколка».)

Вооружаясь противъ баловства дѣтей и выставляя весь вредъ, отъ этого происходящій, Сумароковъ, впрочемъ, не на сторонѣ тѣхъ родителей, которые любятъ дѣтей — чурбановъ:

Отъ молчаливости они немножко скучны,
Однако завсегда родителю послушны.
(«Чурбаны».)

Въ баснѣ «Учитель и ученикъ», Сумароковъ выводитъ несмысленнаго учителя, «учащихся мучителя», который вмѣсто того, чтобы спасать своего ученика, попавшаго въ колодезь, читаетъ ему цѣлый рядъ наставленій — «ученѣйшихъ рѣчей».

Въ царствованіе Екатерины II впервые былъ поднятъ и отчасти практически осуществленъ вопросъ о воспитаніи женщинъ. Сумароковъ былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ дѣятелей въ пользу женскаго образованія, о чемъ свидѣтельствуютъ его сочиненія. Онъ съ особеннымъ уваженіемъ относится къ заботамъ Бецкаго о Смольномъ монастырѣ и въ честь тамошнихъ воспитанницъ написалъ нѣсколько стихотвореній. «Дѣвицы, воспитываемыя въ монастырѣ», говоритъ онъ, «не только своихъ чадъ просвѣщати будутъ, но и мужей поправлять, ежели только будетъ удобно. Нѣкоторыя дѣвицы и дочери знатныхъ господъ, устремляются только въ бездѣлушки и всѣ премудрость въ единой модѣ почитаютъ, не мысля ни о небѣ ни о землѣ. Двѣ дамы такой имѣли нѣкогда разговоръ: одна была просвѣщенна, ибо знала, что есть на свѣтѣ Африка: а знала она это потому, что имѣла арапа; я чаю, говорила она, что въ Африкѣ то очень жарко, когда въ ней солнце такъ жестоко пожигаетъ, а та, смѣяся, говорила ей: фу, матка, будто въ Африкѣ не то же солнце, которое и у насъ. Я и эту почитаю уже просвѣщенною: ибо она знала, что солнце одно только на свѣтѣ, а иныя и этого не знаютъ. Воспитанницы въ монастырѣ такого спора не заведутъ», добавляетъ онъ. Мы привели эту большую выдержку, между прочимъ, и потому, что она отчасти объясняетъ происхожденіе многихъ басенъ Сумарокова. Разговоръ двухъ дамъ послужилъ ему для басни «Арапское лѣто», гдѣ онъ дословно почти повторяется.

Дочь Сумарокова, Екатерина Александровна, вышедшая замужъ за Княжнина, была въ свое время извѣстною писательницею и помѣщала свои стихотворенія, между прочимъ, и въ «Трудолюбивой Пчелѣ». Къ другой тогдашней писательницѣ Е. В. Херасковой Сумароковъ относился съ большимъ уваженіемъ и по словамъ Новикова — «приписалъ ей притчу и оду, анакреонтическимъ стихосложеніемъ писанную, въ которыхъ съ обыкновенною пріятностью въ слогѣ, дѣлаетъ онъ ей наставленіе и поощряетъ къ стихотворству; изъ чего заключить можно, какой похвалы достойна сія особа и что имя россійской де-ла-Сюзы, ей приписываемое, забвенно не будетъ». Какъ низокъ былъ тогда уровень женскаго образованія вообще, можно замѣтить изъ того, что письмо россійской де-ла-Сюзы къ Сумарокову наполнено множествомъ орѳографическихъ ошибокъ и даже Аполлона она называетъ «апаллономъ». Басня, посвященная Херасковой, носитъ названіе «Лисица и статуя». Она начинается слѣдующимъ обращеніемъ «къ московской» стихотворицѣ:

Я вѣдаю, что ты парнасскимъ духомъ дышишь,
Стихи ты пишешь,
Не возложилъ никто на женскій разумъ узъ:
Чтобъ дамамъ не писать, въ которомъ то законѣ?
Минерва женщина и вся бесѣда музъ
Не пола мужеска на Геликонѣ;
Пиши! Не будешь тѣмъ ты меньше хороша,

Въ прекрасной быть должна прекрасна и душа;
А я скажу то смѣло,
Что самое прекраснѣйшее тѣло
Безъ разума посредственное дѣло.

Лиса нашла статую Венеры работы Праксителя, и сколько разъ ни заговаривала съ нею, отвѣта не добилась.

А ты то вѣдаешь, Хераскова, сама,
Что кумъ такихъ довольно мы имѣемъ,
Хотя мы дуръ и дураковъ не сѣемъ.

Изъ вышеприведеннаго очерка можно видѣть, какой богатый матеріалъ для характеристики русскаго общества второй половины восемнадцатаго вѣка представляютъ басни Сумарокова. Мы указали только на самыя главныя явленія общественной жизни, подмѣченныя Сумароковымъ. Кромѣ ихъ въ басняхъ Сумарокова разбросано множество указаній на другія, второстепенныя, дополняющія картину нравовъ и обычаевъ русскаго общества XVIII столѣтія.

Цѣлая серія басенъ посвящена у него пьянству, самому ужасному недугу русской жизни, съ древнѣйшихъ временъ уносящему безвременно множество лучшихъ силъ русскаго народа. Этого порока Сумароковъ касается въ слѣдующихъ басняхъ: «Сатиръ и гнусные люди», «Мужъ пьяница», «Новое лѣкарство», «Пьяница трусъ», «Пьяный и судьбина», «Вдова пьяница» и т. д. Въ баснѣ «Кулачный бой» Сумароковъ возстаетъ противъ очень распространенной тогда на Руси народной забавы, въ которой посредствомъ кулака «расквашиваютъ губы и выбиваютъ зубы»:

Какихъ вы, жители, тутъ ищете утѣхъ,
Гдѣ только варварство позорища успѣхъ?

Множество басенъ посвящено описанію русской природы, нравовъ, обычаевъ русской народной жизни, напримѣръ: «Волкъ и ребенокъ», «Апрѣля первое число», «Деревенскій праздникъ», «Деревенскія бабы», о русскомъ морозѣ «Коршунъ», «Попугай», гдѣ представленъ весьма возможный и въ настоящее время случай купеческаго самодурства, «Комаръ», «Услужливый Комаръ», въ которыхъ изображается русская природа и многія другія.

Многіе выводы и нравоученія Сумарокова очень хороши и по своему содержанію весьма подходятъ къ народнымъ пословицамъ. Приведемъ нѣкоторые изъ нихъ:

Умствовать полезнѣе тогда,
Доколѣ не пришла бѣда.
(«Старуха».)

Во время крайности къ словамъ не прилипай
Да къ дѣйствію ступай.
(«Учитель и ученикъ».)

Когда къ водѣ придешь, отвѣдай прежде броду,
Ворвешься безъ того по самы уши въ воду.
(«Паукъ и Муха».)

Смотря изъ далека, не правь и не вини
И скоръ не будь въ отвѣтѣ:
Знай вещи инаки вдали очамъ на свѣтѣ
Какъ подлинны они.
(«Бубны».)

Не сообщайтеся съ плутами никогда.
(«Угольщикъ».)

Читатель! Памятуй, сударь,
Что пакостный смутникъ, — негоднѣйшая тварь.
Не вѣрь безчестнаго ты миру никогда,
И чти врагомъ себѣ злодѣя завсегда.
Когда врагами сталъ весь честный свѣтъ тебѣ,
Не сыщешь ты нигдѣ убѣжища себѣ!
(«Вороны и вороненокъ».)

Нѣтъ мѣста благости фортуны, нѣтъ и злобы,
Когда моя нога уже во гробѣ.
(«Отпускная».)

Сумароковъ написалъ 378 басенъ. Такого количества басенъ мы не находимъ не только у русскихъ баснописцевъ, но даже и у иностранныхъ, но нужно замѣтить, что въ число басенъ его входитъ очень много стихотвореній, ни по формѣ ни по содержанію съ баснею ничего общаго не имѣющихъ. Большая часть басенъ Сумарокова переводныя. Переводилъ онъ Федра, Эзопа и Лафонтена, но всѣ басни въ его переводѣ теряютъ свой характеръ и получаютъ у него русскій національный колоритъ. Онъ самъ въ баснѣ «Воръ», говоритъ:

На русску стать я Федра превращу
И русскимъ образцомъ я басню сплесть хочу.

Заусцинскій.

Притчи Сумарокова въ оцѣнкѣ современниковъ и причина ихъ популярности.

Притчи Сумарокова принадлежатъ къ числу самыхъ лучшихъ и самыхъ важныхъ сатирическихъ его произведеній и потому должны въ русской сатирической литературѣ XVIII столѣтія занимать одно изъ главныхъ мѣстъ. Но, къ сожалѣнію, притчи Сумарокова болѣе чѣмъ другія его сочиненія служатъ предметомъ для самыхъ поверхностныхъ и весьма часто самыхъ несправедливыхъ отзывовъ. Безъ всякаго сомнѣнія не малую роль, при возникновеніи такого мнѣнія о притчахъ Сумарокова, играли басни Крылова, которыя буквально затмили собою все написанное до нихъ въ этомъ родѣ творчества, но такія побочныя обстоятельства не должны служить стимулами при исторической оцѣнкѣ какихъ бы то ни было литературныхъ произведеній.

Иное мнѣніе о басняхъ Сумарокова господствовало въ русской литературѣ почти до конца XVIII вѣка. Имъ отводили одно изъ лучшихъ мѣстъ среди всѣхъ произведеній тогдашней русской литературы, и самое обыкновенное названіе ихъ было: «Сокровище россійскаго Парнасса». Россійскій Лафонтенъ — Сумароковъ, по мнѣнію тогдашнихъ критиковъ, если не превзошелъ французскаго Лафонтена, то, безъ сомнѣнія, сравнялся съ нимъ.

Мы приведемъ здѣсь нѣкоторые изъ современныхъ и позднѣйшихъ отзывовъ о Сумароковѣ, преимущественно, касающихся его басенъ. Н. И. Новиковъ въ своемъ «Опытѣ Историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ» говоритъ слѣдующее о Сумароковѣ: «различныхъ родовъ стихотворными и прозаическими сочиненіями пріобрѣлъ онъ себѣ великую и безсмертную славу не только отъ Россіянъ, но и отъ чужестранныхъ Академій и славнѣйшихъ европейскихъ писателей... Притчи его почитаются сокровищемъ россійскаго Парнасса, и въ семъ родѣ стихотворенія далеко превосходитъ онъ Федра и де ла Фонтена, славнѣйшихъ въ семъ родѣ».

Въ «Извѣстіи о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ», помѣщенномъ въ Neue Bibliotek 1768 года, Сумароковъ названъ великимъ человѣкомъ, а о басняхъ его говорится слѣдующее: «общаго одобренія удостоился авторъ въ отечествѣ своемъ за басни, изъ коихъ нѣкоторыя профессоръ Шлецеръ перевелъ на нѣмецкій языкъ».

Домашневъ, бывшій директоръ Академіи Наукъ, въ статьѣ «О стихотворствѣ» называетъ Сумарокова великимъ стихотворцемъ, славнымъ трагикомъ, а о басняхъ говоритъ, что они пріятны и естественны. Этотъ отзывъ, между прочимъ, помѣщенъ былъ въ «Полезномъ Увеселеніи», одномъ изъ первыхъ сатирическихъ журналовъ, издававшемся въ Москвѣ при университетѣ. Начиная съ «Полезнаго Увеселенія», почти всѣ сатирическіе журналы 1769—74 годовъ наполнены восхваленіями Сумарокова, въ которомъ справедливо видятъ своего главнаго родоначальника. Лучшій изъ этихъ журналовъ «Трутень» и къ 1-му и ко 2-му изданію эпиграфы взялъ изъ басенъ Сумарокова: «они работаютъ, а вы ихъ трудъ ядите» (1 кн. XLVIII пр.), «опасно наставленье строго, гдѣ звѣрства и безумства много» (III кн. 1 пр.). На «Трутнѣ» вообще сильно замѣтно вліяніе Сумарокова, котораго издатель «Трутня», Новиковъ, всю жизнь былъ жаркимъ поклонникомъ, и имя котораго потому съ благоговѣніемъ упоминается на страницахъ журнала. Онъ называетъ творенія Сумарокова неподражаемыми и заслуживающими безсмертія на землѣ; въ басняхъ онъ сравнялся съ Лафонтеномъ, и онѣ останутся навсегда неподражаемымъ образцомъ: «какъ нынѣ безпримѣрны, такъ и у потомковъ нашихъ останутся неподражаемыми».

Почесть терновикомъ нельзя прекрасну розу
Такъ Сумарокова хулить стихи и прозу:
Все плавно, хорошо; онъ первый здѣсь у насъ;
Извѣстна лишь ему дорога на Парнассъ.

«Всякая Всячина» наравнѣ съ Ломоносовымъ называетъ Сумарокова свѣтильникомъ россійскаго Парнасса. Эминъ въ «Адской Почтѣ», передавая споръ людей, «любящихъ словесныя науки», о достоинствахъ Ломоносова и Сумарокова, которыхъ почитаетъ единственными хорошими стихотворцами, влагаетъ одному изъ спорящихъ такое рѣшеніе вопроса: рѣшить, кто изъ нихъ писалъ лучше весьма трудно, ибо между двумя вещьми хорошими совершенное нужно понятіе объ оныхъ, чтобъ опредѣлить преимущество одной предъ другою... Кліинъ обожатель (Ломоносовъ) служилъ съ великою славою одной только музѣ и то въ одномъ родѣ — одическомъ, а въ историческомъ, хотя и упражнялся, но съ весьма малою удачею. Напротивъ того, трагическій стихотворецъ (Сумароковъ) служилъ многимъ музамъ съ немалымъ успѣхомъ. Одинъ изъ нихъ имѣетъ славу отъ однихъ только одъ, которыми онъ несравненно превосходитъ оды другого; но сей вмѣсто того несравненно лучше его писалъ трагедіи; эклоги его лучше собственныхъ его трагедій, а басни совершеннѣе всего разсказаны; слѣдовательно, одинъ изъ нихъ въ одномъ родѣ стихотворства весьма хорошъ, а другой въ двухъ родахъ съ нимъ въ хорошествѣ равенъ, а въ третьемъ превосходитъ и самаго де ла Фонтена, въ которомъ есть весьма много ошибокъ въ плавности слога, сему роду весьма нужнаго, примѣченныхъ г. Вольтеромъ; а въ басняхъ нашего стихотворца весьма мало ихъ найти можно...» Споръ оканчивается тѣмъ, что отдается предпочтеніе Сумарокову, «такъ какъ сатирику и прекрасному нравоучителю, можно скорѣе и больше дѣлать людей, хорошо мыслящихъ, нежели г. Л. героевъ; а изъ сего и большенство пользы видны». Извѣстный писатель Ѳ. Каринъ въ письмѣ къ Новикову «О преобразителяхъ россійскаго языка на случай представленія А. П. Сумарокова» пишетъ слѣдующее: «Французы превзошли Горація, Федра, Софокла, Еврипида и другихъ своими творцами», съ которыми онъ осмѣливается сравнить одного Сумарокова, «если и не успѣвшаго въ родѣ Гораціевомъ, то въ родѣ Федровомъ едва ли не превзошедшаго Фонтена».

Похвальные отзывы о Сумароковѣ попадаются и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, но вскорѣ они прекратились и замѣнились совершенно несправедливымъ и презрительнымъ къ нему отношеніемъ. Къ числу первыхъ нужно отнести отзывъ о немъ Карамзина, который басни считалъ лучшимъ произведеніемъ Сумарокова: онѣ нравились ему рѣзкою сатирою, сильными, безпощадно-язвительными стихами; въ этомъ сходился съ нимъ извѣстный знатокъ русской исторіи и литературы митрополитъ Евгеній: въ одномъ изъ писемъ своихъ онъ говоритъ: «Хемницеръ отнюдь не лучше Сумарокова, отца русскихъ притчей, а Дмитріевъ превосходитъ ихъ обоихъ только въ ядовитости сатирическаго тона», о которомъ, между прочимъ, далѣе отзывается съ невыгодной для Дмитріева стороны. Въ другомъ письмѣ о сатирическихъ сочиненіяхъ Сумарокова говоритъ, что въ нихъ «больше оригинальности и сатирической оборотливости мысли, за что и почитаю я его

истиннымъ русскимъ сатирикомъ, а Кантемира переводчикомъ и даже безвкуснымъ».

Главной причиной необыкновенной популярности притчей Сумарокова былъ, безъ всякаго сомнѣнія, ихъ крайне оригинальный характеръ, дѣлавшій ихъ исключительнымъ явленіемъ въ русской литературѣ. Хотя содержаніе ихъ, большей частью, заимствовано изъ Лафонтена, Федра и Эзопа, но всѣ они въ изложеніи Сумарокова получили чисто русскій и притомъ современный автору отпечатокъ. Въ сущности, притчи Сумарокова даже не могутъ быть названы баснями, въ строгомъ значеніи этого слова, это скорѣе небольшія сатиры, и въ этомъ состоитъ все ихъ достоинство. Крайне страстный и крайне впечатлительный Сумароковъ не выдерживалъ до конца въ своихъ басняхъ посредственнаго изображенія жизни. Онъ въ большинствѣ случаевъ отбрасываетъ всякую аллегорію и прямо и откровенно высказываетъ свои мысли. Оттого его басни — это снимки съ натуры, сцены изъ человѣческой жизни, и если въ числѣ дѣйствующихъ лицъ и являются животныя, то только однимъ своимъ названіемъ онѣ напоминаютъ ихъ, а во всемъ остальномъ это, безъ всякаго иносказанія, тѣ же люди, члены современнаго Сумарокову русскаго общества. Благодаря этому въ басняхъ Сумарокова разбросано множество указаній на современные нравы, случаи и даже лица, и въ общемъ онѣ представляютъ весьма важный источникъ для характеристики русскаго общества второй половины XVIII вѣка. Въ этомъ отношеніи онѣ находятся въ тѣсной связи съ тогдашними сатирическими журналами и, такъ сказать, взаимно другъ друга дополняютъ. Предметъ для нападенія у нихъ одинъ и тотъ же — общественные недостатки. Въ притчахъ Сумарокова, какъ и въ сатирическихъ журналахъ, осмѣиваются остатки стараго до-петровскаго общества, разные старые предразсудки, невѣжество и низость, упорно гнавшія науку и просвѣщеніе, закоснѣлое ханжество, видѣвшее безнравственность въ новыхъ, чуждыхъ для него нравахъ, но особенно сильному порицанію предается лихоимство и неправосудіе суда и администраціи, тунеядство правящихъ классовъ, гордыхъ только чинами, титулами и богатствомъ, проводящихъ время въ праздности и роскоши. Вмѣстѣ съ тѣмъ не оставляются безъ вниманія и недостатки, явившіеся, благодаря поверхностному вліянію западно-европейской цивилизаціи, главной характерной чертой которыхъ было презрѣніе ко всему національному. Таковы въ общихъ чертахъ были тѣ отрицательныя стороны русской общественной жизни XVIII вѣка, которыя тогдашняя сатира брала предметомъ своихъ нападокъ. Нѣкоторые историки литературы обвиняютъ русскую сатиру XVIII вѣка въ ея частномъ, мелкомъ, поверхностномъ обличеніи, не доходившемъ почти никогда до главнаго существеннаго зла. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя вполнѣ согласиться. Литература, какъ проявленіе духовной жизни народа, всегда должна быть отраженіемъ этой жизни; идеи, проповѣдуемыя ею, должны непремѣнно имѣть тѣсную органическую связь съ жизнью, въ против-

номъ случаѣ она лишена всякаго значенія. Какъ въ исторической жизни народа мы не видимъ рѣзкихъ переходовъ отъ одной эпохи къ другой, такъ точно ихъ не замѣчается и въ литературѣ. Если мы на основаніи историческаго опыта не можемъ требовать мгновеннаго переустройства всего вѣками сложившагося склада жизни народа, такъ точно и къ его литературѣ мы не имѣемъ права прикладывать ту мѣрку, которая намъ кажется удобною съ нашей, чисто теоретической, точки зрѣнія. Сатирическое, скептическое направленіе всегда является преобладающимъ въ литераурѣ, когда народъ переживаетъ переходную эпоху ломки стараго и созиданія новаго, при чёмъ самъ народъ прямого, активнаго участія въ этой ломкѣ не принимаетъ. Какъ реформы въ подобное время въ большинствѣ случаевъ падаютъ на внѣшнюю формальную сторону жизни, оставляя почти безъ измѣненія все внутреннее ея содержаніе, для измѣненія котораго необходима жизнь цѣлаго ряда поколѣній при новыхъ уже условіяхъ, такъ точно и литература такой переходной эпохи для своихъ нападокъ выбираетъ, преимущественно, такія явленія жизни, которыя намъ кажутся мелкими, частными неважными. Мы настолько вправѣ требовать отъ русской сатирической литературы XVIII вѣка, чтобы она, вмѣсто нападеній на необразованность, взяточничество, ханжество, жестокость къ подчиненнымъ и другіе тому подобные любимые ею предметы обличенія, указывала на эти явленія, какъ только на результатъ ненормальности всего общественнаго устройства, насколько ненормальность эта была сознана въ тогдашнемъ обществѣ. Если же мы видимъ, что послѣ реформъ Петра Великаго общество не только не пыталось уничтожить сохранившіяся ненормальныя стороны древнерусскаго строя, но, напротивъ, благопріятствовало ихъ дальнѣйшему процвѣтанію и развитію, то и литературу и ея дѣятелей, которые, несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, постоянно являлись представителями протеста, мы должны оцѣнивать съ этой точки зрѣнія.

Сумароковъ, какъ и прочіе сатирики XVIII вѣка, не считалъ свои сатирическія произведенія безплодными, напротивъ, они были глубоко убѣждены въ ихъ громадномъ вліяніи на исправленіе общественныхъ недостатковъ. Этимъ можно отчасти объяснить ту увѣренность въ себѣ и въ своемъ дѣлѣ, которая обнаруживается у нихъ на каждомъ шагу. Сумароковъ, напр., свою дѣятельность, какъ сатирика, ставилъ выше всякой другой своей литературной дѣятельности, какъ это видно, напр., изъ слѣдующихъ словъ его кн. Гр. Орлову: «я же кромѣ поэзіи, можетъ-быть, нѣкоторыя достоинства имѣю и могъ бы перомъ моимъ кромѣ стиховъ много принести пользы, а особливо по рефлексіямъ на Россію». Въ богатую всякими предначертаніями и преобразованіями эпоху Екатерины Сумароковъ, а за нимъ и прочіе сатирики сознавали свою связь съ дѣломъ правительства и твердо были убѣждены, что отъ совокупныхъ усилій правительства и литературы скоро на Руси настанетъ златой вѣкъ.

Но въ ожиданіи этого «златого вѣка» сатирику приходилось жить въ обществѣ, которое онъ обличалъ, имѣть дѣло съ людьми, которые вслѣдствіе его обличеній становились его личными врагами. Не даромъ Сумароковъ въ баснѣ своей «Сатиръ и Гнусные люди», разсказавъ, какъ гнусные люди избили сатира за его обличенія, восклицаетъ:

Опасно наставленье строго,
Гдѣ звѣрства и безумства много.

Заусцинскій.

Взглядъ Сумарокова на свои литературныя занятія.

На литературныя занятія свои Сумароковъ смотрѣлъ, какъ на свою службу. По этому поводу вотъ что онъ писалъ императрицѣ: «Вашего императорскаго величества человѣколюбіе и милосердіе отъемлютъ мою робость пасть къ стопамъ вашего императорскаго величества и всенижайше просить о всемилостивѣйшемъ помилованіи. Я девятый мѣсяцъ по чину моему не получаю заслуженнаго жалованья отъ штатсъ-конторы, и какъ я, такъ и жена моя почти всѣ уже свои вещи заложили, не имѣя кромѣ жалованья никакого дохода, ибо я деревень не имѣю и долженъ жить только тѣмъ, что я своимъ чиномъ и трудами имѣю, трудяся сколько силъ моихъ есть по стихотворству и театру. Я въ такихъ упражненіяхъ не имѣю ни минуты подумать о своихъ домашнихъ дѣлахъ. Дѣти мои должны пребывать въ невѣжествѣ отъ недостатковъ моихъ, а я терять время напрасно, которое мнѣ потребно для услугъ вашему Императорскому величеству въ разсужденіи трудовъ къ увеселенію двора, къ чему я всѣ силы прилагаю и всею жизнію моею съ младенчества на стихотворство и на театральныя сочиненія положился, хотя между тѣмъ и другія не въ должности и многія лѣта былъ при дѣлахъ въ лейбъ-компаніи, которыя правлены были безпорочно: свидѣтель тому его сіятельство графъ Алексѣй Григорьевичъ (Разумовскій), который вашему императорскому величеству о моей прилежности и безпорочности представить можетъ. Труды мои, всемилостивѣйшая государыня, сколько мнѣ извѣстно, по стихотворству и драмамъ не отставали отъ моего въ исполненіи желанія, и сочиненіями своими я россійскому языку никакого безславія не принесу и покамѣсть не совсѣмъ утухнутъ мысли мои, я въ оныхъ къ увеселенію вашего величества и впредь упражняться всѣмъ сердцемъ готовъ».

Сумароковъ.

VI вып. Объ европейскомъ просвѣщеніи XVII — XVIII вв. и о вліяніи его на русскую литературу и общество. Ц. 2 р.
VII „ О литературной дѣятельности Екатерины II. Ц. 1 р. 50 к.
VIII „ О Фонвизинѣ и значеніи его литературной дѣятельности. Ц. 1 р.
IX „ О Державинѣ и значеніи его литературной дѣятельности. Ц. 1 р. 50 к.
X „ О просвѣщеніи въ древней Руси. Ц. 3 р.
XI „ О просвѣщеніи въ XVIII в. Ц. 3 р. 50 к.
XII „ О положеніи и состояніи русскаго общества въ XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.
XIII „ О русскихъ сатирическихъ журналахъ. Ц. 3 р.
XIV „ О Новиковѣ. Ц. 3 р. 50 к.
XV „ О Радищевѣ. Ц. 2 р. 50 к.

Сокращенная историческая хрестоматія. Ч. I. (Сборникъ историко-литературныхъ изслѣдованій о народной и книжной словесности до эпохи Петра.) Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній (8⁰, 516 стр.). Изд. 4-е. Ц. 1 р. 25 к. *Рекоменд. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. II. (Сборникъ историко-литературныхъ статей о **Кантемирѣ, Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Екатеринѣ II, Фонвизинѣ и Державинѣ.**) Пособіе при изученіи литературы для учениковъ среднеучебныхъ заведеній (8⁰, 1175 стр.). Изд. 2-е. Ц. 2 р. *Одобрена Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. III. (Сборникъ историко-критическихъ статей о **Карамзинѣ, Крыловѣ, Жуковскомъ и Грибоѣдовѣ.**) Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 75 к. (8⁰, 825 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. IV. (Сборникъ историко-критическихъ статей о **Пушкинѣ.**) Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 3-е. Цѣна 1 р. 50 к. (8⁰, 733 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. V. (Сборникъ историко-критическихъ статей о **Гоголѣ, Лермонтовѣ и Кольцовѣ.**) Изд. 3-е. Цѣна 1 р. 50 к. (8⁰, 648 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. VI. (Сборникъ историко-критическихъ статей о **Гончаровѣ, Островскомъ, Тургеневѣ и Л. Толстомъ.**) (8⁰, 1045 стр.). Изд. 3-е. Ц. 2 р. 50 к. *Допущ. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. VII. (Сборникъ историко-критическихъ статей о **Майковѣ, Фетѣ, А. Толстомъ и Тютчевѣ.**) (8⁰, 505 стр.). Ц. 1 р. *Допущ. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Сборники русскихъ диктантовъ со стороны ихъ содержанія. Изд. 2-е. Ц. 20 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ.*

Систематическій диктантъ для среднеучебныхъ заведеній, городскихъ и начальныхъ училищъ. Ч. I. Этимологія. Изд. 17-е. Ц. 50 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв., Уч. Ком. при Св. Синодѣ для духовныхъ училищъ и Учил. Сов. при Св. Синодѣ для церковно-приходскихъ школъ.*

Тоже. Ч. II. Синтаксисъ. Изд. 15-е. Ц. 60 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. и Учебн. Ком. при Св. Синодѣ.*

Имена существительныя, употребляющіяся только во множественномъ числѣ. Ихъ родъ и окончанія. Ц. 20 к.

Справочный орѳографическій словарь. Изд. 10-е. Ц. 25 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

